

Ольга Гусейнова

Внешность – это не главное

Не красота вызывает любовь, а любовь заставляет нас видеть красоту. Эту истину подтверждает принцесса не оцененная в своем мире, но бросившая все свои силы что бы спасти его. Эту истину понял мрачный командор когда нашел то, что уже не надеялся найти. Эту истину поняли двое, что под гнетом обстоятельств не испугались своих чувств. Эта истина в истории о борьбе, чести и способности преодолеть свои страхи..... Это истина в истории о любви....

Ольга Гусейнова

Внешность — это не главное!

Аннотация:

Не красота вызывает любовь, а любовь заставляет нас видеть красоту.

Эту истину подтверждает принцесса не оцененная в своем мире, но бросившая все свои силы что бы спасти его.

Эту истину понял мрачный командор когда нашел то, что уже не надеялся найти.

Эту истину поняли двое, что под гнетом обстоятельств не испугались своих чувств.

Эта истина в истории о борьбе, чести и способности преодолеть свои страхи.....

Это истина в истории о любви....

"Не красота вызывает любовь, а любовь заставляет нас видеть красоту."

Л.Н. Толстой

Саурус медленно наступал на Саран, частично закрывая его собой и смешивая свое темное серебро с червонным золотом звезды Карияра. Маленький, сейчас видимый лишь тонким серпом Ус, торопился за своим старшим братом — естественным спутником нашей планеты, но догнать его мог лишь раз в году, выстраиваясь в длинный ряд по росту, словно каждый раз пытаясь выяснить, подрос он хоть немного или нет. А пока ему еще полгода ждать до очередного парада планет и ответа на свой вечный вопрос — кто больше?

Я вышла на уютную темно-зеленым плющом террасу, где скрытая от всех двумя огромными вазонами с трилистниками Ваха, наблюдала и ждала, выглядывая из-за множества крупных розовых цветов с бархатными лепестками. Голубые небеса бороздили небольшие личные флаеры или пассажирские скары, иногда нырявшие в серебристые в отсвете Сауруса облака.

Военные стычки на границах империи вынудили многих туристов, искателей приключений и скучающих богатеев начать освоение новых территорий и Карияр с его космическими просторами, историей заселения, богатой на захватывающие рассказы для туристов, подходили для этого как нельзя лучше, чем многие компании, специализирующиеся в этом профиле, активно пользовались. Строгий контроль за безопасностью на самой планете, ее колониях и на прилегающих к ним космическим путях делал такие путешествия комфортнее и предпочтительнее. А вместе с ними разъезжали международные и политические деятели, шпионы всех мастей, предприниматели и коммерсанты, очень внимательно следящие кто за слишком быстро развивающейся конъюнктурой рынка, а кто за внутри- и внешне политическими изменениями.

Вдалеке показался знакомый серебристый флаер, который стремительно приближаясь, с каждым мгновением становился все больше, заставляя меня восторгаться. Тень от флаера пробежалась по идеально ухоженным садам и дорожкам перед резиденцией, затем коснулась белоснежных стен и шпилей, устремленных к небу серебряными верхушками, задела своим размытым краем зеленые террасы, опоясывающие все величественное здание, и только после этого соединилась со своим хозяином — внушительным корпусом транспорта первой наследницы Карияра. А по совместительству — моей сестры Лисианы. Как всегда уверенно и грациозно она вышла наружу в сопровождении своего личного телохранителя Трила, и они быстро направились к резиденции, не обращая внимания на почтительные приветствия встречающихся им кариярцев.

Мягкие адафартовые ковры, которые никогда не пачкаются, не истончаются со временем и не пахнут плесенью и старостью, заглушали мои легкие стремительные шаги. Многих гостей, прилетавших на Карияр, они приводили в восторг, своими необыкновенно яркими красками и экзотическими орнаментами, но меня в данный момент волновало другое, и я лишь радовалась, что бежать по ним было удобнее и безопаснее, чем по каменным белым плитам официальной части резиденции, а не ее жилой зоны.

Пять минут назад, понаблюдав за приземлением флаера Лиси на площадке перед княжеской резиденцией, я понеслась в соседнее крыло, чтобы успеть ее перехватить. Но бесконечные коридоры так длинны и заковыристы, что мне удалось увидеть лишь подол ее тафтарового платья, мелькнувшего в дверях папиного кабинета. Быстро подойдя к потайным дверям, неожиданно почувствовала тревогу и, не постучав, замерла, прислушиваясь к

разговору на повышенных тонах между сестрой и отцом.

— К чему привели переговоры с императором, Лисиана?

Я услышала, как сестра мечется по кабинету, словно зверь в клетке, потом раздался ее гневный возмущенный ответ:

— Этот старый немощный старик требует подписания договора с империей и передачи под их командование нашего флота. Если мы этого не сделаем в ближайшее время, они перекроют поставки тория, и наши корабли начнут падать нам на головы. Ведь нам нечем будет их заправлять. Эти доргары по всем фронтам перекрывают им кислород, и император, чтоб он подавился, хочет с нашей помощью усилить свой флот и людские ресурсы. А тот факт, что мы останемся наедине с новой угрозой, его абсолютно не волнует. Я...

— Лисиана, ты объяснила ему нашу позицию и трудности?

— Отец, а как ты думаешь, чем я там трое суток занималась? Я только и делала, что говорила и говорила и не только с ним, но и с советниками. Все без толку! Этот непробиваемый тугодум уверился в возможности вселенского господства, и ему все равно, что по этому поводу думают остальные. Фактически он сам спровоцировал доргаров, которые оказались ему не по зубам, поэтому теперь пытается усилить свои позиции, в том числе за счет нас.

Затаив дыхание, я услышала тяжелый вздох отца, и тут, к моему удивлению, раздался голос Ронара, ага, значит, его пригласили, а меня — нет. Стало нестерпимо обидно.

— То есть, если нас в ближайшее время вынудят подписать договор о союзничестве, то позволят курсировать через их территории и осуществлять торговлю, но тогда доргары, прознав об этом, нас первыми сотрут с лица Вселенной. Если же мы откажемся от союза с империей, останемся в полной изоляции и без флота, а соответственно, без защиты и вполне вероятно, что Император именно этого и добивается.

Голос Лиси прозвучал резко и язвительно, а у меня заскрипели зубы, стиснутые от злости.

— Ронар, эту лекцию можешь Лель почитать, нам с папой и так все понятно, что еще ты хочешь сказать?

— Лиси, хоть Лель и имеет слишком большой недостаток, чтобы не обращать на него внимания, но умом ее никто не обидел. Слава звездам, наши родители дураков на свет не произвели!

Слова Ронара заставили расслабиться и почувствовать себя лучше. В нашей семье лишь он и кухонная прислуга истинно любили и уважали меня. Хоть братья и убеждали меня в обратном, старшая сестра и мать лишь терпели, правда, у каждой для этого были свои причины. Мама считала себя виноватой, что во мне с возрастом обнаружился изъян, зато Лисиана полагала, что я позорю и ее, точнее, бросаю тень на ее кристально чистое имя и честь.

— Так вот, Лиси, я заметил, что те два раза, когда император посещал Карияр, он ел тебя глазами и захлебывался слюной при этом...

Многозначительное молчание, а потом усталый голос Лиси ответил Ронару, заставив меня почувствовать жалость к ней — первой наследнице княжества:

— Я подумала об этом. На крайний случай, смогла бы вытерпеть его жадные руки на себе. Потерпеть годик, а потом отправить на тот свет навстречу заждавшимся родственникам, но вы не поверите, этот ублюдок женился на девочке из старинного и очень богатого рода своего старшего советника. Ей всего шестнадцать лет, меня от этой новости

чуть не вывернуло наизнанку. И дело даже не в том, что честь моего рода не позволит пойти на обычный адюльтер, как вы сами понимаете, а потому что этим все равно ничего не добиться. Я бы пошла на такой шаг для Карияра, уж поверьте.

Тяжелое молчание в комнате послужило красноречивым ответом на слова Лисианы. Уставший голос отца, поразил до глубины души. Прежде его голос, который всегда был уверенным и излучающим море жизненной энергии.

— Я еще пару лет назад, когда эта заварушка с доргарами только началась, предвидел такой поворот событий... Послал пару своих людей для сбора информации очень специфического свойства... Насколько возможен переворот в империи...

— Да, отец, еще одна плохая новость, которую я тебе должна сообщить. Перед отлетом Ранкесу удалось сообщить, что Ласло убит, но ничего не сказал на допросе. Заговор готовился вспыхнуть словно пожар, но старший советник обыграл всех. Он выдал свою дочь за императора и теперь бдит за всем происходящим в империи. По крайней мере, до тех пор, пока его дочь не понесет от императора или еще кого, это уже не важно, главное, ее беременность и преемственность рода и традиций империи. И советник своего добьется! Тем более, он там в самой гуще, а мы тут...

Снова шелест платья подсказал, что сестра мечется по кабинету, а общее молчание — что отец с братом переваривают новую информацию. Наконец, послышался ее голос, пронизанный гневом и отчаяньем:

— Запасов топлива на кораблях и станциях хватит не дольше, чем на полгода. Ну, если растянуть удовольствие и экономить, то от силы на год. Потом мы снова попадем в зависимость и неважно от кого: протекторат доргаров или полная зависимость от империи — мы обречены. Я не знаю, что делать.

Я впервые слышала нотки паники в голосе сестры. Всю свою жизнь я видела ее гордо поднятую голову, искрящиеся вызовом и смелостью глаза, ее снисходительную, едва заметную презрительную улыбку, обращенную ко мне. Ну да, я — недоделок, как иногда она обзывает меня, когда никто не слышит...

Больше тысячи циклов назад в Империи Хантар произошел переворот, точнее, его организаторы попытались его осуществить. В итоге — большинство заговорщиков убили вместе с их семьями, а наш, третий по старшинству крови род, выслали с Хантара. В те времена межпланетные полеты только набирали силу, и осваивались лишь ближайшие планеты. Нашему роду было приказано убраться в самый дальний сектор, в надежде, что нам попросту не удастся выжить, а еще лучше — мы погибнем в пути. Но судьба в тот раз была милостива к нам и, достигнув Карияра, мои родичи обнаружили пригодную планету для жизни и основали колонию — Княжество Рандованс, названную так в честь нашего прадеда. Под его руководством оно начало подниматься с колен. Вскоре вся планета принадлежала нам. Освоение закончилось, началось централизованное управление под руководством нашего рода. Княжество росло, развивалось, ширились его границы. Мои предки уважали науку наравне с силой, а в силу тяжелых условий жизни соблюдались некоторые незыблемые традиции, которые быстро и глубоко укоренились, обретя законный статус для каждого кариярца.

И вот один из них гласил, что внешность — не главный фактор при выборе пары или определения достоинств человека. Главными стали смелость, сила внешняя и внутренняя, и предприимчивость любого индивидуума Карияра. И полное равноправие полов способствовало этому. Сильные, смелые люди способны своротить горы, пересечь галактики

и обеспечить безопасность и процветание.

А я? Я обладала только одним достоинством из трех — предприимчивостью. А вот остальные два у меня не то чтобы полностью отсутствовали, но явно не соответствовали социальному статусу, и сей печальный факт вызывал у всех, кто меня знал или слышал обо мне, сочувствие и презрение. Наверное, во время маминой беременности произошел какой-то сдвиг, что смелость и сильный характер мне не достались. Я была довольно трусливой особой, и даже от осознания этого было страшно. Но я боролась с этим "недугом" как могла, правда за двадцать шесть лет существенных сдвигов не наблюдалось, а так мечталось... Особенно, когда пришло понимание, что с таким "достоинством" замуж меня никто не возьмет, несмотря на статус младшей принцессы княжества Рандаванс. Так и останусь старой девой!

А разговор, между тем продолжался.

— Я получил информацию, — заговорил Ронар — которая, возможно, заинтересует вас. Некий ученый-исследователь, не лишенный и предпринимательской жилки совсем недавно обнаружил на одной из необитаемых и малопригодных для жизни планет новый вид топлива и сейчас занимается научными разработками этой находки. Но уже сейчас выяснил, что один маленький, но весьма тяжелый беленький шарик обладает огромной энергией, которой хватит на пару циклов небольшому межзвезднику. К тому же, он абсолютно безвреден для живых организмов, если находится в безвоздушной среде и защищен специальной пленкой. И настолько мелкий, что для его транспортировки достаточно небольшого бокса, а хватит на весь наш звездный флот. Ученый, его зовут Тервиаль Сой, живет на Тарте, в системе Никей, которая ни под влиянием империи, ни под протекторатом доргаров ПОКА не находится. Вот как вы думаете, если слетать якобы по каким-нибудь торговым делам, а на самом деле провести переговоры с ним и купить эти энергоносители, у нас будет больше шансов на выживание и свободу? Ну, или по крайней мере, это же поможет нам выиграть необходимое время?!

— Ты имеешь в виду возможность переговоров с Республикой Доргар? — В голосе отца послышались нотки сомнения. — Официального обращения от них пока не поступило, как и неофициального тоже, ведь они вряд ли не осведомлены о наших взаимоотношениях с Империей. Император всячески поддерживает видимость наших прекрасных отношений, намекая всем и каждому, что мы самые надежные союзники.

— Узнать о намерениях доргаров, конечно, не помешает, даже очень, — задумчиво ответила Лиси, — но имперцы пристально следят за нашими международными контактами, и как скрыть факт переговоров с их врагом — ума не приложу. Я уже не говорю об участии в них кого-то из членов княжеской семьи. Мгновенно пресекут, вплоть до уничтожения корабля. Даже отправка для столь важной миссии тайного представителя не останется без внимания. Тем более, у нас еще нет каналов связи с Доргаром.

— В этой ситуации какие-либо наши поползновения как для доступа к топливу, так и для переговоров с врагом Империи, последняя воспримет, как наше нежелание следовать ее внешним курсом, и санкции последуют незамедлительно, — подытожил князь. И в его голосе отразилась вся гамма чувств, испытываемых им в данный момент.

А у меня защемило сердце, представив бурю в душе своих самых близких и любимых людей, а кулаки сжались от бессилия и злости. Неужели я когда-либо испытывала подобное? Ну почему, почему я не в состоянии помочь семье?! Неожиданно в голове все сложилось.

Тяжело вздохнув, набираясь смелости, приоткрыла дверь и прошла к креслу под

недовольными взглядами родственников. Кивнула всем и поприветствовала сестру:

— Рада твоему возвращению, Лиси, и уже в курсе событий, поэтому не стоит повторяться, я все слышала. — Взгляд Лиси стал презрительным, остальных — слегка удивленным. Но тем не менее, ровным, убедительным тоном я продолжила: — Прошу вас выслушать меня, возможно нам удастся кое-что решить.

Присела, сложив руки перед собой, и только когда заметила ободряющий теплый взгляд Ронара и заинтересованный — отца, начала, при этом стараясь как можно четче сформулировать мысль, которая пришла ко мне буквально только что, пока стояла под дверью и ужасалась нашему возможному будущему. Так что именно страх перед неизвестными последствиями и изменениями в нашей жизни, поспособствовал рождению этой идеи. Такой невероятной и авантюрной, что аж дух от страха захватывало.

— Знаете, я тут где-то с полгода тому назад набрела на один из межпланетных сайтов по обмену рецептами... Ну, вы же знаете, как я люблю готовить... — Натолкнувшись на недоуменные взгляды родственников, продолжила уже чуточку быстрее. — Ну так вот, я познакомилась там с женой одного... хм-м-м, коммерсанта... наверное... Хеленой Сой. Мы обсуждали ее рецепты по приготовлению различных десертов. И она поделилась, что скоро открывает ресторан и очень хотела бы видеть меня на открытии. Она в курсе кто я такая, и ожидается много солидных гостей, ну и вот... Короче, я бы могла в сопровождении сестры слетать на Тарт...

Я сама себе не поверила, что могла сказать такое, и замолчала, испуганно приложив ладонь ко рту, но в этот момент у Лисианы из глаз мигот испарилось отчаянье, сменившись надеждой и даже торжеством. Отец подошел ко мне и крепко обнял, а любимый брат погладил по плечу. "Эх, жаль Вацлав инспектирует станции, а то бы еще одной похвалой разжила!" — нежилась я в лучах признательности и редкой ласки, впрочем, уже осознавая масштаб грозящих лично мне последствий. Липкий мерзкий страх, на какое-то время отпустивший, опять поднимал голову.

— Я всегда знал, что ты умница, Лель! Но прежде чем радоваться, сначала надо выяснить все об этом торговце-исследователе, его жене и энергоносителях, — заметил Ронар и задумчиво продолжил, — у нас есть шанс, Лель, с твоей помощью.

— Ну и как мы это провернем? — закономерный вопрос Лисианы застал всех за раздумьями. Но раз появился план, значит, его можно попытаться выполнить.

Ронар же, со странным выражением на лице бросил взгляд на нас всех и выдал загадочную фразу:

— Ну, либо это, либо придется поиграть на чувствах других за честь Рандованс, а возможно и на своих...

Мы втроем удивленно посмотрели на него, но он лишь мрачно ухмыльнулся и, коротко пожав плечами, произнес, выходя из кабинета:

— Мысли, всего лишь мысли вслух... Займусь сбором информации и подготовкой...

— Ой! — моя единственная подруга Ринис, девушка из числа местных аристократов, к тому же состоящая в моем сопровождении, даже подпрыгнула от неожиданности, когда крепкие руки ее жениха Асиандра обвили ее талию и прижали к высокому телу. Он наклонился и на миг прижался лицом к надири в области ее макушки. Она завозилась и развернулась к нему лицом, не пытаясь вырваться из объятий. Я нутром ощущала напряжение между ними, обоюдную радость от встречи и удовольствие просто стоять рядом, прикасаясь друг к другу. Пусть не кожа к коже, но душа к душе, глаза в глаза, разделяя общее чувство — любовь.

В кои-то веки я порадовалась, что на мне надири, скрывающее зависть и боль. Я тоже хотела подобных отношений для себя. Нет, не с Асиандром, а с тем, кто будет любить меня такую как есть, со всеми достоинствами и недостатками. Асиандр и Ринис — мои друзья, если их можно отнести к таковым при моем положении. Но им я доверяла. Пока они ели друг друга глазами, я отвернулась, пряча глаза-предатели, которые выдадут меня, как только в них кто-нибудь заглянет. Чтобы отвлечься, занялась работой. Но через несколько минут за спиной раздался голос Асиандра:

— Принцесса, вас зовет к себе отец, причем немедленно.

Я недовольно поджала губы и закончила рисовать на огромном пироге к ужину замысловатые рисунки, специально приготовленным для этого желе. Отойдя в сторонку, придирчиво осмотрела свое новое творение и удовлетворенно выдохнула, отдавая приказ поварятам с интересом наблюдающим за мной:

— Все, час постоит, потом накрывайте на стол в малой гостиной.

Челядь повиновалась беспрекословно, и это была та малость, которая меня неизменно радовала. Здесь, на кухне, я считаюсь королевой и богиней в одном лице. Меня любят, боготворят и восхищаются, потому что готовлю я как никто другой — восхитительно, просто бесподобно и неважно из чего. Природа, отобрав у меня одно, взамен подарила другое.

Этот мой талант неизменно подчеркивался мамой, когда в разговорах с гостями ей приходилось описывать мои достоинства. Отец предпочитает есть приготовленное мной лично и гневается на "безруких поваров", когда ужин полностью ложится на них. Ронар и Вацлав — средние братья уверяют, что любят меня и так, однако есть тоже предпочитают мои кулинарные шедевры, как они сами говорят, и я неизменно и с огромным удовольствием баловала их. Лишь Лисиана презрительно фыркала, чтобы я ни сделала, и при малейшей возможности подчеркивала мои недостатки, унижая и не давая забыть о своем позоре.

Вымыв руки, быстро одернула длинное облегающее платье и, проверив надири, скользнула в светлое нутро пневмолифта, бесшумно двинувшегося на верхние этажи резиденции. Отец уже ждал меня, а с ним и вся группа "совершенно секретно". Только мама как всегда отсутствует, она не любит интриги и политику, предпочитая заниматься исключительно коммерческой стороной предприятий, принадлежащих нашей семье лично. А мне вот приходилось поспевать везде, чтобы не заслужить очередной выговор или презрительное замечание об очередном промахе или недостатке.

Недоуменно подняв брови, посмотрела на братьев, сестру с отцом и, почувствовав напряжение, сгустившееся вокруг, испугалась и дрожащим голосом спросила:

— Что-то случилось? Почему меня позвали? Операция отменяется?

— О небо, я вам об этом и говорила. Она еще ничего не знает, а уже трясется вся как желе. Убожество! — голос сестры сочился ядом.

— Замолчи Лисиана! Я слишком потворствовал твоим желаниям и капризам, но ты исчерпала мое терпение. Моя младшая дочь красивее тебя, умнее и добрее. Ты завидуешь ей, а прикрываешься ее слабостью. Среди жителей Карияра наберется немало таких как она, ты же не даешь ей спокойно жить, тыкая ущербностью.

Я даже замерла, услышав гневную отповедь отца, высказанную Лисиане впервые. Ведь моя сестра для всего Карияра — объект подражания, обожествления и поклонения. Символ женщины. Самая красивая, самая умная, смелая и желанная. А я... Я всего-навсего младшая принцесса древнего рода и возможная наследница трона. Может кто-то и полагает, что такого статуса вполне достаточно, но этим фактом заинтересовались лишь трое родовитых мужчин, да и то из Хартора — имперской столицы. На Карияре заинтересованных не нашлось, потому что о моей ущербности знали все, а вот как я выгляжу, никто не видел. И брать в жены призрака в мешке решился бы только самый отчаянный или ненормальный.

Слава звездам, в выборе мужа никто не мог повлиять на меня, да и на любого кариярца, ведь это тоже железный закон, проверенный временем. Пара, нашедшая друг в друге своих половинок, сильна еще больше и крепка как камень, обточенный временем. За такую семью любой из супругов будет стоять насмерть. А я... Я слаба, труслива и... никому такая не нужна, кроме родных. Тем удивительнее слышать подобные слова от отца в сторону его гордости — Лисианы, которая в свои тридцать два года уже успела побывать замужем и стать благородной вдовой героя, защитника кариярских границ и известного исследователя, погибшего три года назад в столкновении с космическими пиратами.

— Ты не прав, отец, завидовать тут нечему, да и некому. Но я прошу прощения, что трачу столь необходимое нам время на пустые разговоры.

Она склонила голову, а сама искоса бросила на меня злой взгляд голубых глаз, так похожих на мои. За все свои двадцать шесть лет, так и не смогла понять, за что она меня ненавидит, ведь ей досталось так много любви наших родителей, гордых своим чадом, ей и братьям-двойняшкам Ронару и Вацлаву, которые старше меня на четыре года. Мне же достались лишь крохи, за которые все время приходилось бороться и зарабатывать. Раньше я часто и подолгу просиживала на коленях отца, прячась в его объятьях от своих страхов и невзгод, но когда исполнилось шесть лет, и на мне активировали надири, как и на любой девочке-кариярке, его отношение ко мне изменилось. Колени стали непозволительной роскошью, а объятия — проявлением слабости, редким жестом признания, за который я могла бы отдать очень многое и ждала с замиранием сердца.

Печальные мысли прервал теплый голос Ронара, обращенный ко мне:

— Лель, тебе придется лететь в систему Никей. Вместе с Лиси!

Я обернулась к брату, бросила взгляд на отца, да, мне страшно лететь на Тарт, но еще страшнее — не лететь, а изо дня в день трястись от страха перед будущим.

— Да, я поняла, Ронар... отец... — с трудом подбирала слова и неожиданно для себя заметила сочувствие в глазах Лиси.

Наверное, именно это неожиданное сочувствие в ее глазах меня добило. Я тяжело опустилась в кресло позади себя, а потом хриплым от страха шепотом спросила:

— Так, это больше недели пути только туда... Пираты, имперцы, доргары...

Ответ на все вопросы уже крутился в голове, но хотелось услышать его от них. Отец как всегда ответил резко и без намека на мягкость:

— Всю основную работу по обработке Соя будет вести Лисиана. Ты нужна в качестве ширмы. Если все выгорит как надо, никто не поверит и даже не подумает на тебя. Ты станешь курьером, Лельвил, больше от тебя ничего не требуется. И не переживай, Лель, вы полетите на "Крусоне", он небольшой, но охрану и сопровождение мы вам выделим самые лучшие. Но запомни, дочь, никто не должен узнать о цели вашего путешествия. Даже ваша команда. Ваш груз — это наша свобода, но он настолько важен и... За него убьют любого, даже свои, девочка моя. Я буду молить звезды, чтобы они вернули моих девочек целыми и невредимыми.

Меня хватило лишь на то, чтобы кивать головой, в конце концов, сама же предложила этот вариант. По лицам родственников поняла, что другого пути нет. Наверняка у меня все испытываемые сейчас чувства: страх, неуверенность и еще много чего отразились на лице, не скрытом надири, потому что отец встал и, настойчиво посмотрев на меня, твердо произнес:

— Честь Рандованс дороже жизни и старше самой смерти.

Я закрыла глаза, а потом заставила себя встать и глухо произнести девиз нашего рода, известный многие тысячелетия.

Страх накатывал волнами, а внутри все сжималось от напряжения. Папа подошел и погладил по голове, потом заглянул в глаза, склонившись надо мной, и тихо произнес:

— Девочка моя, весь расчет, что на тебя никто не подумает. Ты летишь по приглашению своей знакомой на открытие ресторана. В сопровождении сестры, разумеется. Кроме того, всем известно, что семья ведет переговоры о твоём будущем браке. — Мой тоскливый взгляд и отец, поймав его, успокаивающе поясняет: — Только в качестве дезинформации, но мы намекнем о возможном событии, тем более на Тарт летает множество богатых туристов, желающих развлечься и сделать покупки. Поэтому если узнают, что ты на небольшом пассажирском корабле с Лиси перед столь торжественным событием летишь отвлечься и потратить денег на наряды, никому из имперских советников не придет в голову, что это опасное мероприятие — отчаянная попытка спасти наше незавидное положение. Я знаю, как тебе больно признавать это, но все знают о твоей... хм-м-м, особенности, и это должно сыграть нам на руку.

Я в отчаянии положила ладонь папе на грудь, чувствуя, как она при этом напряглась, и прошептала, собираясь попросить:

— Я...

— Нет, Лельвил! Никаких отсрочек, вас будут охранять самые лучшие наши телохранители. — Бросив на меня последний взгляд, уже чуть мягче добавил: — Я пошлю с тобой Асиандра, слышал у вас хорошие дружеские отношения.

Вскинулась, чтобы папа не сказал и не подумал лишнего:

— Он ухаживает за Ринис, ты же знаешь, мы подруги, а Асиандр часто заходит к ней, только по этой причине мы общаемся с ним, отец. Ничего больше!

Он задумчиво нахмурился, выдав ожидаемую фразу:

— Да? Жаль, Лельвил, этот мужчина смог бы взять твою слабость на себя и прикрыть ее своим завидным мужеством. Я надеялся...

Только потому что ожидала ее, не расстроилась. Видно заметив мои расстроенные влажные глаза, отец резко замолчал, снова потрепал по голове и жестом отпустил нас с Лиси, сделав знак брату задержаться.

Сестра стремительно вышла, а я на подгибающихся ногах более медленно покидала

кабинет и, уже выходя за дверь, услышала слова отца:

— Ронар, а мы вернемся к вопросу о возможности сепаратных переговоров с Доргаром...

Собралась с силами и быстро пошла по коридорам, не обращая внимания на встречающихся слуг. Лицо надежно скрыло надири и только стремительные движения отражали происходящее у меня внутри, да подол платья вился вокруг моих ног подобно парусам катамаранов, которые так любит Ронар, самый ярый почитатель морских развлечений.

Двери моих покоев с мягким щелчком закрылись, и я обессилено плюхнулась на диван, чувствуя себя в очередной раз раздавленной собственным страхом.

Ну и пусть, я все о себе знаю, и это главное. Подняла руку и нажала на груди кнопку электронного замка. Надири беззвучно и медленно заскользило по телу, открывая его для свежего воздуха и собираясь в небольшой кулон-фиксатор на шее, центр которого представляет собой считывающее устройство отпечатка моего пальца. Только в одиночестве и в кругу семьи во время посиделок или за трапезой, я могла не активировать надири и находиться с открытым лицом, либо частично активировать, как я обычно поступала. Все остальные даже не представляют, как я выгляжу, потому что надири скрывает тело полностью — от макушки до кончиков пальцев ног и рук.

Надири придумали тысячелетие назад, и тогда оно представляло собой лишь одежду, скрывающую тело и лицо. Но спустя буквально столетие, благодаря науке, был изобретен нынешний надири, и с тех пор не менялся, лишь совершенствуясь. Эта биоткань-мембрана обтягивает тело как вторая кожа, позволяя ей дышать, не доставляя неудобств своей владелице. В тоже время, из-за игры света точно определить очертания тела, а особенно подробности лица не представлялось возможным. Подчинялась приказам разума на уровне импульсов, это касалась тех моментов, когда надо было посещать туалетную комнату или защититься от насилия, или честь владелицы. Для интимных потребностей, связанных с нуждами организма, надири просто освобождало необходимый участок тела. При угрозе утраты чести или возможном насилии, биоткань твердела, не позволяя проникнуть за нее.

Но в надири членов аристократических семей, а тем более княжеского рода, была введена дополнительная программа. При попытке несанкционированного снятия надири без брачных уз, биоткань уплотнялась и твердела, вплоть до того, что женщина в надири могла умереть от удушья. Жуткая участь, но все высшие дома считали, что смерть лучше бесчестья. А я, каждый раз активируя надири, чуть ли не прощалась с жизнью. Но все женщины смирялись с подобными неудобствами и рисками, еще бы, они все довольно быстро выходили замуж и уже больше никогда не носили подобного "украшения". Даже вдовы считались доказавшими свою состоятельность и цельность натуры, поэтому смысла скрывать внешность больше не было. И только мне, похоже, предстоит носить его вечно...

Вообще, многие жители с других планет или миров, прилетавшие на Карияр, долго не могли привыкнуть к нашим порядкам и быту.

Абсолютное равноправие между полами, преспокойно соседствует с понятием надири. Многие чужаки сами потом признаются, что сама идея весьма неплоха, особенно узнав нашу жизнь изнутри. Благодаря надири мужчины западают не на красоту женщины, а на ее внутренние качества и достоинства. Внешняя красота — явление слишком быстро уходящее и легко утрачиваемое, а ум, доброта, смелость, честь — это навсегда. Так полагали наши далекие предки, так считаем и мы. Сейчас, конечно, возможности медицины, в том числе

пластической, велики, и все недостатки внешности можно исправить. Но традиционно считается, что именно благодаря надири наши семьи славятся своей крепостью и надежностью. Измены бывают крайне редко, считаются слабостью и не поощряются. Народ Карияра и станций, окружающих его, отличается силой и сплоченностью. Нас раньше довольно часто пытались подчинить, сломить или поработить, но никому этого так и не удалось.

Встав перед зеркалом, в очередной раз с болью посмотрела на себя. Да, папа прав, по стандартам Карияра я хороша. Молочная, никогда не знавшая солнца кожа, золотистые волосы, полукругом уложенные в косы вокруг головы, из-за чего с активированным надири голова становилась непропорционально большой. Коричневые брови над небесно-голубыми большими глазами, которые все остальные видели лишь голубыми щелочками. Яркие розовые пухлые губы, тонкую изящную шею, высокую округлую грудь и крутые бедра, переходящие в длинные стройные ноги, тоже никто не видел и оценить не мог, потому что все мои внешние достоинства скрывало надири, а других почему-то за все мои двадцать шесть лет никто так и не заметил.

В комнату без предупреждения вошла мама; только члены семьи имеют беспрепятственный вход в мои апартаменты. Я полулежала на диване, чувствуя себя крайне скверно, обреченной на заклятие, не меньше. Она приблизилась, шурша юбками, и присела рядышком. Мягко погладила по золотым косам и, наклонившись с какой-то затаенной болью в так похожих на мои глазах, поцеловала. Мы с Лиси очень похожи на маму, но я выше сестры. А главное, я — почти копия мамы, только моложе, естественно, а вот Лиси многое взяла от папы.

— Прости меня, Лель, я пыталась отговорить отца от этого мероприятия, но он, если что-то решил, с пути не свернет.

— Да ладно, мам, я все и так о нем знаю! Да и о себе тоже! Так хоть чем-то полезной буду семье, сама же и предложила.

— Лель, не говори так. Не рви мне душу! Это я виновата, что ты такая. В то время, когда я носила тебя, со мной непонятно что творилось. Отец был полгода на Хартане, и я так переживала за него. Все время меня грыз страх потерять его. Слишком боялась, что император предаст его, погубит мою любовь, убьет моего мужчину... Я... Я заразила этим страхом тебя, родная, моя маленькая девочка. Этот груз вины я буду нести всю оставшуюся жизнь.

Я привстала и обняла маму, чувствуя себя еще хуже от того, что она страдает из-за меня:

— Не волнуйся, мам, я справлюсь! Ведь со мной будет Лиси и охрана.

— Я переживаю не об этой экспедиции, хотя она меня тревожит не меньше. Я переживаю о твоей дальнейшей судьбе.

Молча посмотрела на нее, предчувствуя новые, и надо полагать не слишком приятные сюрпризы. Несмотря на то, что возраст мамы уже перевалил за сотню, ее лицо было идеально чистым и гладким. В нашем роду даже первая седина появляется на второй сотне лет. Мама очень тщательно следила за собой и нас обязала заботиться о собственной внешности. Принцессы должны быть идеальны во всем. Нервничая, она чуть отстранилась, наморщила лоб и осторожно начала:

— Нам с отцом поступило предложение... Просьба... О твоей руке... хм-м-м, возможности твоего замужества.

— И кто же этот храбрец, что решился взять меня в жены? — У меня загорелись глаза

от любопытства и надежды.

— Байрен Турвасу, он богат и знатен. — Мама отвела голубые прозрачные глаза.

— Да? А сколько ему лет, что-то я не встречала его на балах и приемах?

— Хм-м-м, ему двести девяносто семь, но он весьма и весьма бодр. Еще!

— Ты что, шутишь, мама? Ему в лучшем случае три года осталось до кончины, дольше трехсот почти никто живет. То есть, я буду женой практически мумии?

— Лель, зато ты очень скоро освободишься от него и станешь молодой и красивой вдовой, избавленной от ношения надири. Тогда все оценят твою красоту и возможно количество желающих на твою руку увеличится.

— Знаешь, мама, я не считаю красоту своим главным достоинством и... и... вообще, я устала и хочу спать. Мне завтра вылетать утром с Лиси и...

— Да, я поняла тебя, родная. Прости. Но нам придется следовать плану отца и намекнуть о твоём положительном решении касательно этого брака, чтобы поддержать легенду. А когда вы вернетесь, мы поговорим обо всем этом. Будьте осторожны, Лель, и держись рядом с сестрой, она защитит если что.

— Хорошо, мама! Я буду осторожной, в этом можешь не сомневаться! А по поводу брака... я же могу и передумать, или жених передумает...

— Дочь, обещаю, мы сделаем все так, чтобы не пострадала ни наша честь, ни честь Турвасу, чтобы пресечь дальнейшие слухи, если ты передумаешь.

Она еще раз склонилась надо мной и, чмокнув в щеку, удалилась со скорбным видом. Как будто из комнаты тяжелобольного вышла. И так стало обидно, что слезы непроизвольно выступили на глазах.

Раздевшись полностью, я улеглась спать. Ничего не хотелось сегодня. Ни готовить, ни заботиться о своей семье, а уж тем более, слушать язвительные замечания сестры, ловить печальные виноватые взгляды матери и видеть тщательно скрываемое презрение в глазах прислуги, которая могла сравнивать божественную Лисиану со мной, недоделком. Ну и пусть, я все о себе знаю сама. Я справлюсь. Должна справиться!

Я металась по номеру отеля, не в силах успокоиться и хотя бы присесть. На Тарт в звездной системе Никей мы прилетели неделю назад, и все это время Лисиана настойчиво, словно штурмовик класса А, с вынужденными перерывами на посещение торговых центров, мест развлечений и всякой всячины для отвода глаз обрабатывала Тервиаль Соя, владельца открытых им залежей нового энергоносителя для двигателей межзвездных кораблей. Да и не только для них.

Тервиаль, пытаясь оградить себя от различных прихлебателей, выбрал путь наименьшего зла и уже вел переговоры с Союзом Корсаров, представляющем собой несколько миров, заключивших союз о защите своих территорий, очень ревностно хранящих свои границы и отличающихся повышенной возбудимостью к любым поползновениям их нарушить.

Тервиаль решил, что Корсары более удобные союзники, чем доргары или имперцы. Да и далеко до них, а союз близко. Лисиана уже извелась вся, пытаясь то обаять, то соблазнить Тервиаль, но пока бесполезно. Она еще во время полета, пока знакомила меня с нюансами нашей миссии, перебрала множество вариантов его обработки, но я, со свойственной мне осторожностью, раскритиковала каждый, найдя прорехи в ее планах. Отчего она все больше бесилась и раздражалась.

У меня была значительно более легкая задача: общение с супругой Соя Хеленой, которая с радостью узнала о моем визите, а когда я согласилась непосредственно поучаствовать в открытии ресторана, была счастлива даже открыть двери своего дома. Чем Лисиана поспешила воспользоваться.

Сегодня Лисиана, потерявшая всякое терпение, ушла рано утром, ничего не сказав мне, и вот уже несколько часов я не находила себе места, мучаясь от страха и неизвестности, тем более от охраны поступило сообщение о появлении имперцев. Пытаясь справиться со страхом, на всякий случай собрала большую часть вещей и попросила отправить на борт нашего корабля "Крусон". Оплатила проживание в самой дорогой гостинице, или как тут их называют — присутственном доме. С трудом проглотила обед и вот уже час слонялась из одного угла в другой.

Стремительные шаги в коридоре известили, что сестра наконец-то вернулась. В распахнувшейся за спиной Лиси двери мелькнули тени наших телохранителей. Сестра устало подошла ближе, и я увидела насколько напряжено и бледно ее красивое лицо. Быстро осмотревшись, она положила сумочку на стол таким образом, будто та чересчур тяжелая, затем активировала "глушилку" на прослушивание и, переведя дух, сказала:

— Я смотрю, ты уже все собрала, Лель, молодец. Сейчас только закончим подготовку к спектаклю и летим домой.

Круглыми от удивления глазами я посмотрела в ее блестящие торжеством и выдохнула с тревогой:

— Лиси, а как же перпили? Ты смогла договориться?

— Подожди, Лель... Просто стой и смотри...

Она сняла с бедер, красивый ажурный пояс из кожи чешуйчатого равоса и надрезала с одного конца. Мои глаза все сильнее округлялись, пока я наблюдала, как она, открыв сумку, с трудом достала маленькую коробочку. Она держала ее двумя руками и пот, выступивший у

нее на лбу, свидетельствовал, либо та чрезвычайно тяжелая, либо сестра очень волнуется, а может и то и другое. Лиси, открыв крышку, начала извлекать из коробочки, странные круглые пилюльки размером с ноготь на большом пальце, в полупрозрачной эластичной упаковке. Всю эту ленту "пилюлек" она начала осторожно проталкивать в дырку на ремне. Уже через пару минут, несколько десятков перпили были надежно скрыты от посторонних глаз в ажурном поясе. Только после того, как она запаяла экстраклеем надрезанный конец ремня, скрывая следы, посмотрела на меня хищным взглядом.

— Так вот, в игру включились Корсары. Им тоже, как ты понимаешь, не по душе имперские аппетиты и пока с доргарами у них нейтральные отношения, и ни те, ни другие не хотят усиливать империю, — выразительный взгляд на меня, — поэтому Тервиаль, заручился их согласием на заключение договора. Более того, мы сегодня все же подписали договор о сотрудничестве. Когда все исследования закончатся, мы будем первыми в списке закупщиков. И никто не вправе расторгнуть этот договор. Я вынудила зарегистрировать договор, подтвердив ДНК с обеих сторон. Микроноситель с информацией будет у тебя.

— Лисиана, неужели нам настолько повезло? Раз тебе даже удалось получить часть... — но, увы, радость быстро померкла под скептическим взглядом сестры.

— Ох, Лель, эти энергоносители получены в обход договора, о них никто не знает. К нашей удаче, Тервиаль слишком жаден, а с другой стороны, груз еще и доставить на Кариар надо... — Мой испуганный взгляд тут же встречается с грозным Лисианы. — Пойми, не все так просто. Несмотря на договоренности с Корсарами, Тервиаль явно побаивается империи, а она, как выяснилось из его недомолвок и намеков, действительно нацелилась на нас, потому что мы ближе всех. Ее представители уже здесь, все вынюхивают и прицениваются. Нам все равно придется решать, как быть дальше и чью сторону выбирать, отсидеться в нейтралитете долго не удастся. Но по крайней мере, у нас будет хотя бы год и этот самый выбор. Надевай пояс на себя.

— А вдруг это вредно для здоровья?! — испугалась и проблеяла я, отчаянно трясясь.

— Уж будь уверена, грыжу ты с ними точно заработаешь! Они невероятно тяжелые. Пока донесла, чуть руки не оторвались. А ведь нести пришлось, непринужденно помахивая сумочкой. Знаешь, в очередной раз радуюсь нашей системе обучения и физической подготовки. Тот факт, что мы обязаны проходить стандартную военную подготовку, сегодня мне очень помог, а тебе поможет справиться с каждодневной нагрузкой в виде этих малышей, пока ты будешь их носить на себе. Тервиаль объяснил, что эти перпили очень малы размерами, но их плотность настолько высока, что масса зашкаливает все разумные пределы. Если их изъять из защитного слоя, они начинают взаимодействовать с некоторыми элементами, испуская энергию в таком количестве, что хватает на целый корабль или мини-станцию. Они открыли эти энергоносители в прошлом году случайно, и на одном из этих малышей уже год функционирует их корабль, а в своей массе носитель уменьшился лишь на треть. Это невероятное открытие! Более того, Лель, проведены все мыслимые исследования по влиянию на живые организмы при транспортировке. Пока перпили в защитной оболочке, ты можешь их всю жизнь проносить на себе и никакого вреда для здоровья. Представь теперь все возможности этих перпилей Тервиала! Этот тщеславный сноб даже имя им свое дал.

Лисиана, прилагая усилия, нацепила ремень на мою талию, а мне показалось, что я сейчас присяду от натуги. Перевела дыхание и походила по комнате, восстанавливая баланс и привыкая. Никто ни о чем не должен догадаться. Лиси удовлетворенно поцокала языком, а

потом, подхватив меня под руку, потащила на выход. В дверях нас уже ждал Асиандр, мой личный телохранитель, и Трил, сопровождающий Лиси. Даже эти двое, готовые в случае чего отдать за нас жизнь, не знали о цели нашего путешествия. И если Асиандр относился ко мне дружественно-снисходительно, то вот Трил, постоянно следующий за Лиси и ловящий каждое ее слово, молча и скрыто меня презирал, хотя демонстрировать мне свое презрение, в отличие от сестры, не смел даже наедине. От нее все стерплю, а его сотру в порошок за неуважение к моей чести. Я — истинная Рандованс!

Я тащила за своим буксиром Лиси, которая вцепилась в меня мертвой хваткой и одновременно пыталась поправить платье, чтобы соответствовать своему высокому положению. Хотя мы не особенно афишировали свое присутствие на Тарте, визит был скорее частный, но уверена, что все кому надо знают, где мы сейчас находимся.

По прибытии в космопорт, сестра как обычно изобразила на лице беззаботное невозмутимое выражение. Мы довольно быстро доехали на гравикаре к погрузочному терминалу, где стоял наш небольшой, но очень грозный корабль, на борту которого кроме нас с сестрой и телохранителей только экипаж межзвездника — всего двадцать пять членов команды, прибывшей со спасательной миссией. И только двое из нас в курсе, зачем мы здесь. Для всех остальных — развлекающиеся принцессы.

Космопорт Тарта поражал своим невероятным прозрачным куполом, который защищал от жара, пыли и вредного воздействия, производимого межзвездниками. Для малых кораблей были оборудованы посадочные станции, к которым вели тоннели, а до больших или военных, зависающих на орбите Тарта, курсировали погрузочные боты или пассажирские шлюпы.

На перекрестке тоннелей, ведущих к терминалу, где стоял наш "Крусон", мы встретили нежелательных знакомых. Я испуганно сжала руку Лиси, которая ее тут же отдернула, при этом внешне никак не изменившись. Выдержке старшей принцессы можно только позавидовать, она любезно улыбнулась, приветствуя младшего советника императора и главного прихлебателя нового тестя этого мерзкого старика. Я же, узнав его, лихорадочно искала глазами место, куда можно безопасно хлопнуться в обморок от ужаса, что сейчас нас схватят. Либо за воровство перпилей, либо за еще что-нибудь. Или просто прибьют, дабы уменьшить число претендентов на престол Карияра вместе с их защитниками.

Но как оказалось, мои страхи были беспочвенными, потому что советник мерзко улыбнулся нам обеим, склонив голову и, бросив хищный взгляд на мою персону, приветствовавшую его согласно этикету, уже более равнодушным взглядом прошелся по нашему багажу, перекинулся парой ничего не значащих фраз с Лиси и, напоследок услышав мой блеющий голосок, совсем успокоился и бросил приказ своим служащим трогаться.

Как только мы стали недостижимы для чужих ушей и взглядов, скользя по тоннелям порта, Лиси пробормотала, вырывая меня из полубморочного состояния:

— Да! Отец с Ронаром оказались как всегда правы. На тебя никто не подумает ничего плохого и не заподозрит опасного. Должна же быть хоть какая-то польза от тебя.

Обидные слова заставили встрепенуться и застыть обиженным извятием с прямой спиной и застывшим лицом, даже если по нему и нельзя хоть что-то прочесть. Но уверена, что моя прямая напряженная спина сказала и Лиси, и нашим телохранителям, что я оскорблена и обижена. Но выяснять отношения с сестрой при них не буду.

Показался хищный и такой красивый синий корпус "Крусона". Мы вышли из гравикара и направились к кораблю. Я все это время ощущала себя черепахой, которой панцирь

достался не по размеру большим и тяжелым. Аси протянул мне руку, помогая подняться по ступеням, а когда споткнулась, и он с трудом удержал меня от падения, наградил странным изучающим взглядом. Судя по всему, от него не укрылись моя внезапно потяжелевшая фигура и странная походка. Но не сказав и слова, следовал за мной тенью до самой каюты. Скоро донесся приказной, не терпящий возражений голос сестры:

— Быстро улетаем! Курс на Карияр. — И уже тихонько пробормотала себе под нос: — Пусть нам помогут звезды, мы должны добраться до него, чего бы это нам не стоило.

Устало плюхнувшись на кровать, отстегнула пояс и с облегчением вздохнула, но в этот момент в каюту вошла Лиси. Заметив пояс, лежащий в стороне от меня, нахмурилась и процедила:

— Лель, ты обязана носить его на себе все время. Ни у кого не должно быть возможности даже случайно коснуться, заинтересоваться, отчего он настолько тяжелый. Понимаешь?! За неделю, пока мы не прибудем на Карияр, может всякое произойти, и ты должна быть готова ко всему. Можешь ты, в конце концов, хоть что-нибудь сделать для своей семьи достойное принцессы?

Ее слова будто хлестнули по лицу. Медленно встала с кровати и спросила, задыхаясь от возмущения:

— Да! Я боюсь! Всегда, везде и всего, но я борюсь с этим. Борюсь за все в этой жизни, а что ты делаешь? Тебе все достается на блюдечке с золотой каемочкой. Координирую деятельность резиденции, управляю обслуживающим персоналом, да кухней, в конце концов. Сама готовлю для нашей семьи, потому что так нравится отцу и братьям. Помимо этого собираю информацию по своим каналам, и как ты заметила, в этом рейсе, довольно успешно этим занимаюсь. Я не только опасаюсь, я много и упорно работаю, так за что ты меня так ненавидишь? Ты же моя сестра? И я рассчитываю на твою поддержку!

Лиси фыркнула, окинула меня презрительным взглядом и процедила:

— Если бы ты была равной, я бы тебя ненавидела как соперницу, а ты ж недоделок, поэтому только презираю. Папа твердит, что ты красивее меня, умнее, и если бы не твои вечные трусливые сомнения и нерешительность, была бы лучше меня, но я знаю, что ты никогда не будешь выше. Я первая наследница и полноценная женщина, а ты так и останешься никому не нужной старой девой в надири. В твоём возрасте, Лель, уже смешно и стыдно носить надири, все твои ровесницы замужем, и только ты словно черное пятно на имени нашего рода.

— Ты не совсем права, в моем возрасте, Лиси, многие женщины только определяются с суженым, а многие откладывают это событие до пятидесяти...

— Лельвил, тебе двадцать шесть, и я больше чем уверена — ТАКУЮ замуж никто не возьмет. Так что твое одиночество явно затянется на гораздо более продолжительный период. Даже если твоя красота не увянет лет в двести, тебя, в лучшем случае, ожидает какой-нибудь старый перечник или совсем отчаявшийся мужчина, который никому не нужен... — последнее заявление оказалось еще и слишком актуальным, в свете поступившего предложения трехсотлетнего старика.

Широко раскрыв глаза, я с болью и обидой в сердце смотрела на прекрасное лицо сестры и не могла поверить, что она действительно так думает, чувствует и... ненавидит, сама не осознавая, что действительно завидует.

— Так твоя ненависть из-за того, что отец один раз сказал, что я лучше тебя?

— Лель, ты полоумная? Ты недостойна моей ненависти! А отец так говорит довольно

часто, наверное, он считает, что сравнивая меня с таким ничтожеством как ты, мотивирует быть еще лучше. — Затем выразительно посмотрела на меня и тоном, не подразумевающим возражений, произнесла: — Довольно, я устала, в отличие от тебя мне пришлось знатно потрудиться, чтобы добыть эти перпили.

Видимо, последней фразой она думала меня окончательно добить, но я лишь молча смотрела на нее, переваривая неприятные откровения, впрочем, ничего из того, что мне не было известно. Она снова фыркнула, но уже не так уверенно, а потом, взметнув подолом тафтарового серебристого платья, покинула мою каюту. Я же, устало отключив надири, с тяжелым вздохом, прихватив с собой пояс, направилась смывать тревоги и усталость трудного дня и отвратительную ненависть родной сестры, в купе с уже абсолютно непонятной завистью. Из ванной я вернулась посвежевшая, но еще больше озадаченная. В чем мне завидовать?!

— Принцесса Лисиана, у нас проблемы с пространственными движками. Что-то мешает их работе, и нас скоро выкинет из коридора.

Мы с Асиандром отвлеклись от игры в "Победителя миров" и, сложив фишки на стол, уставились на первого пилота. Лиси, бросив на него мрачный взгляд, ядовито ответила:

— Вы обязаны решить эту проблему. Нам еще несколько часов до выхода из гиперпространства, вы же не хотите попасть в гости к доргарам или имперцам? У меня лично нет настроения, оказать им честь подобным знакомством и посетить с официальным визитом тоже.

Она грациозно поднялась из кресла и направилась к выходу из рубки, лишь на мгновение задержавшись, чтобы повернув голову в три четверти, бросить мне короткий приказ:

— Лельвил, мне нужно с тобой поговорить.

Подняться так же эффектно мне помешал ремень. Тяжело вздохнув, я вырвала себя из объятий кресла под пристальным удивленным взглядом Асиандра и молча направилась за сестрой, провожаемая сочувствующими или бесстрастными взглядами, лишь Трил недовольно поморщился. Но меня странным образом порадовал тот факт, что оказывается, не все так уж любят мою божественную сестричку и кто-то даже сочувствует.

Пройдя в свою каюту, сразу присела и уставилась на Лиси, ожидая ее новых нотаций, но сначала замигал свет, тут же переключившись на резервный тусклый, потом корабль сильно трянуло, заставив меня схватиться за ручки кресла, а сестру — пошатнуться и тихо выругаться. Вслед за этим, судя по ощущениям и звукам, по нашему кораблю, ударило что-то боевое и весьма удачно попавшее, причем удачно отнюдь не для нас. Удар был такой силы, что прикрепленное к полу кресло вырвало, и оно вместе со мной перевернулось в воздухе, и я, кувыркнувшись, рухнула вниз.

— Лис-с-си! Лис-с-си! Лис-с-с-и-и-и! Помоги мне! — с трудом выдавила призыв с помощью, но сестра не откликнулась.

Отчаянно завозилась на полу, пытаюсь выбраться. Дополнительно еще и ремень придавливал, и как довершение всех моих неудач, еще и кресло. Так что очень скоро либо задохнусь, либо сломаю шею.

— Принцесса... — в каюте раздался громкий призыв Трила и звуки шагов нескольких мужчин. Потом тягостное молчание и уже отчаянное, и полузадушенное, как будто человек еще не верит увиденному: — Принцесса... Лисиана?!

От этого голоса, неуверенности, страха, прозвучавшего в голосе Трила, стало совсем жутко, и я задергалась еще сильнее. Неожиданно кресло взмыло вверх, а на меня уставились Асиандр с Хоресом. Увидев, что я жива, облегченно выдохнули. Телохранитель помог мне вернуть привычное положение, но стоило встать с помощью друга, обзрела причину моей недавней тревоги.

Лисиана лежала у переборки сломанной куклой, голова вывернута под неестественным углом. С таким явно не живут. Уже встав, я начала вновь оседать на пол, закатывая от беспредельного страха и отчаяния глаза, но Асиандр подхватил, крикнув с натуги, и снова подозрительно уставился на меня. Меня замутило, но последовавшие дальше события не подлежали описанию, зато заставили мгновенно прийти в себя.

Нас снова тряхнуло, и мы уже вчетвером валялись по углам, причем я лежала на Асе. В ушах гудело, я чувствовала, как из носа пошла кровь от сильной перегрузки. Мы что, падаем? Похоже, я озвучила свой вопрос, потому что сбоку раздался четкий ответ Хореса:

— Да, принцесса! Нас вытолкнули из гиперпространства. Похоже, это доргары таким образом развлекаются, мешая имперцам. Мы попали в самую настоящую бойню между ними. Имперцы целились в доргарский боевой корабль, но и нам досталось, а сейчас нас притягивает одна из планет, имеющая лишь классификационный стандартный номер. По общим данным есть атмосфера, пригодная для дыхания, условия не пригодны для жизни, точнее для нашего выживания: нестабильная поверхность, опасные формы жизни как растительного, так и животного происхождения. Доргары глушат все сигналы, поэтому мы не смогли послать вызов на Карияр.

Трил перебил Хореса, быстро вставая и направляясь в рубку:

— Нет времени, Хорес! Мы в полной заднице. Принцесса Лельвил, вы теперь главная!

У меня от его слов все сжалось внутри от усиливающегося состояния паники. Сползла с Асиандра, вызвав в нем вздох облегчения, а потом с горем пополам поднялась и побежала за Трилом в рубку.

Влетев туда на всех парах, застала страшную картину. Смотровое виртуальное окно демонстрировало во всех красках картину происходящего сейчас в космосе вокруг нас. Пара десятков кораблей разных размеров активно вела обстрел друг друга. Точнее, большая их часть сейчас пыталась задавить своим количеством и настойчивостью в стремлении уничтожить шесть других. Кто-то уже догорал, где-то парили в невесомости непонятные обломки, впереди маячила, все приближаясь, странная темная масса планеты и целых шесть ее спутников, каждый из которых только чуть-чуть уступал ей в размерах.

А по космическим меркам буквально рядом, по одной с нами траектории падал и горел одновременно, огромный корабль. Нечета нашему, по всем показателям — военный боевой межзвездник, и похоже, били по нему, а попало заодно и нам. Сами не зная, мы выскочили в самую гущу битвы и стали участниками этой трагедии.

Эта черная махина летела быстрее нас из-за его массы. Огромный корабль планета притягивала быстрее, чем наш кораблик, но наша судьба была не намного лучше и шансов на выживание — не больше. Если не меньше!

— Сколько у нас времени до столкновения с поверхностью планеты?

— Семь минут, принцесса!

В груди от страха противно ныло и стонало, рисуя всякие ужасы в моем воображении.

— С этой минуты и пока нас не спасут, я для всех сиера Лельвил! Так проще и быстрее. Мы пройдем атмосферу?

— Да, сиера, но вот что будет дальше....

— Я понимаю вас! Всем подготовиться для возможной эвакуации с корабля. — Не стала дожидаться ответа и сама бросилась, точнее, потащилась в свою каюту, лишь на мгновение обернувшись: — Трил, мне нужна твоя помощь!

Мужчину словно ударили, но он молча последовал за мной. Я думаю, он понял, зачем я его позвала.

Вдвоем мы уложили тело сестры на кровать, причем я потеряла две драгоценные минуты, потому что лишилась сознания от страха и боли за нее, когда Трил укладывал Лиси на кровать и выравнивал голову, точнее ее свернутую шею, хрустя сломанными позвонками. Я забыла все обиды, остались лишь боль потери и сожаление, что больше ничего нельзя

изменить.

Придя в себя от того, что меня трясут, еще через минуту начала собирать вещи в небольшой служебный рюкзак, входивший в аварийное снаряжение как раз на такой случай. В нем уже находилась аптечка и паек на трое суток. Я лишь уложила несколько пар тончайшего нижнего белья и пару запасных платьев. Неосознанно, так, на всякий случай. От холода, если потребуется, надири меня защитит, хоть в этом его преимущество. Поверх костюма на мне специальный облегченный скафандр, который не сковывает движений, но к сожалению, не сможет защитить от всего. Только без шлема, в этой атмосфере он был лишним, и я его отбросила за ненадобностью. Лишняя тяжесть ни к чему. Трил тоже рванул собираться.

Только я закрепилась в кресле страховочными ремнями, как раздался голос бортового компьютера, извещающего команду, что столкновение произойдет через десять... девять... восемь.... секунду. Следующий удар был такой силы, что мне чуть не выбило зубы, а сознание вновь покинуло.

В себя привели Хорес и Асиандр. Черные волосы друга стали мокрыми от пота, облепив виски и высокий смуглый лоб. Его карие глаза смотрели на меня с тревогой и сожалением. Знаю, ему жаль меня и, наверное, себя тоже, но если мне простительно испытывать страх, то другие карияцы считают проявление подобного чувства несмываемым позором, недостойным ни мужчины, ни женщины.

Мне вдруг стало до слез жаль Ринис, ведь если Асиандр здесь погибнет, что станет с ней. Ведь она любит его до умопомрачения, и он ей платит тем же. Они действительно истинные половинки друг друга. И договор о намерениях уже был заключен, правда надири она снимала лишь при нем, показывая, что он не прогадал со своим выбором, и я была тому свидетельницей. Они еще не были близки в интимном плане, только после свадьбы, как только вернемся. Если мы вернемся!

Заметив дым, сочившийся из вентиляционных отверстий, прохрипела, после проверив языком целостность зубов:

— Как прошла посадка?

— Корабль не подлежит восстановлению, двигатели разрушены, есть большая угроза начала самоликвидации, но это не главное...

— А главное? — я с тревогой посмотрела на Асиандра, чувствуя, как паника и страх вновь накрывают с головой и мешают разумно мыслить.

— А главное, корабль упал на жидкую поверхность, что-то типа болота. Сиера, надо уходить немедленно.

В шоке бросила взгляд на тело сестры, закрепленное на кровати.

— Наружу? Но как же мы бросим ее здесь, Аси? Мы обязаны доставить тело первой наследницы трона домой! Да и опасно там! Вы же сами сказали!

— Это невозможно, сиера Лельвил, и вы это понимаете, просто вам страх мутит мысли. Наши шансы на выживание на этой планете минимальны, а с телом первой наследницы будут равняться нулю. — Асиандр буквально выплюнул эти слова, пристально глядя на меня.

Больше не говоря ни слова, рывком поднял меня на ноги, вытаскивая из кресла, и снова удивленно посмотрел, комментируя:

— Сиера, вы стали слишком тяжелой за прошедшую неделю...

— Возьми мой рюкзак, уходим немедленно! — взглядом и резким приказом прервала его речь, испугавшись, что Хорес заинтересуется сим фактом. А бортовой компьютер

продолжал:

— Внимание всему экипажу! Угроза затопления! Покинуть корабль! Внимание всему экипажу! Угроза затопления! Покинуть корабль! Воздух пригоден для жизни! Воздух пригоден для жизни! Обнаружены опасные формы жизни! Обнаружены формы жизни растительного происхождения. Обнаружены...

Мы не стали ждать, и под монотонный голос неслись к выходу. Там нас уже ожидали. Быстро посчитав бойцов, погрустнела. Из двадцати трех сопровождавших, сейчас со мной находились восемнадцать.

— А... где остальные?

Я задала вопрос на автомате и мрачный ответ, который дал Хорес, лишь подтвердил мои догадки:

— Остаются здесь, сiera, вместе с вашей сестрой. По схожим причинам. Ранс, открывай шлюз, мы все готовы.

Мне передали носовые фильтры, которые я, не теряя времени, активировала и надела рюкзак. Как только автоматические двери поползли в стороны, в отсек полилась мерзкая, вонючая и к тому же странно тягучая жижа. Похоже, наш корабль засасывает быстрее, чем я думала. Заметив, как в ней что-то копошится и трепещет, я заорала от ужаса. Остальные поморщились, но лишь бросились в ускоренном темпе покидать это уже гиблое место. Наш корабль очень скоро превратится в общую могилу. Хорес с Асиандром подхватили меня под руки и потащили вслед за остальными. Оказавшись снаружи, мы словно попали в ад. Отовсюду к нам ползли, плыли или слезали голодные твари со странных жутких "деревьев" черно-фиолетового цвета с голыми изломанными палками, устремленными к темно-сизому, угрожающе нависающему небу без облаков.

Пространство вокруг прорезали первые лучи лазеров и вспышки более мощных плазмеров, рисуя жуткую картину из желто-голубых линий смерти. Было невероятно тяжело идти по колено в воде, продираясь сквозь ползучие растения. Пояс с перпили давил все сильнее, но я, стиснув зубы, шла, на автомате передвигая ногами, стараясь не задерживать остальных, организовавших вокруг меня плотное защитное кольцо. Но уже через несколько минут, буквально выползая на поверхность, мне пришлось хвататься за собственное оружие, которое меня заставили взять с собой перед раскрытием шлюзовых дверей.

У нас начались первые и, судя по интенсивности поползновений кровожадных тварей, — не последние потери. Последнего выходящего из болота, практически незаметно для глаз дернули обратно под воду. Остальные судорожно водили оружием, пытаясь вычленить где свои, а где чужие в кроваво-бурлящем месиве, которое возникло уже через пару мгновений после нападения, но все без толку. Быстро удаляющиеся круги свидетельствовали, что свою добычу эти твари уже не отдадут.

Мне было дико дурно и жутко от осознания, как мы попали. Облегченная версия скафандров спасла бы от временной разгерметизации корабля или кратковременных ремонтных работ в открытом космосе, но от того, с чем нам пришлось столкнуться... Со звериной, чуждой нашему пониманию ненавистью, тупой, голодной кровожадностью и жаждой убийства чрезвычайно опасных тварей, этот костюм не спасет. Становилось все хуже с каждым пройденным метром. Нас оставалось все меньше и меньше. И это с учетом того, что твари еще и пожирали убитых нами себе подобных.

Ни в одном кошмарном сне не могла представить себе подобные формы жизни, которые по непонятной причине вдруг проявили столько внимания и агрессии к нам. Рядом упал,

споткнувшись об корень, наш корабельный врач Даурсим, в отчаянии прорычав:

— Наш корабль своим падением и горящими двигателями растревожил это осиное гнездо. Если бы не упали в эту трясику, можно было бы отсидеться, дожидаться стабилизации окружающей среды и возможно, мы смогли бы выжить. А сейчас только продляем агонию.

— Замолчите! Мы должны выжить любой ценой. Мы — спасение для Карияра! Еще неизвестно, что бы было, упади мы на твердую поверхность.

Мои слова услышали врач и Асиандр с Хоресом, которые все время держались рядом, прикрывая и помогая двигаться дальше. Оба смерили меня изумленным взглядом, а Аси быстро прошелся взглядом по моей фигуре, но не заметив ничего подозрительного, отвернулся. Наш ад стал еще более горячим, потому что с деревьев на нас полезли странные существа с тремя конечностями наподобие крюков.

Одним из таких крюков зацепили мой рюкзак, и я, в панике заорав, начала использовать свой плазмер скорее как дубину, чем оружие.

— Да успокойся ты, а то ненароком и меня заденешь! — голос Хореса, раздавшийся у меня над головой привел в чувство, словно холодной водой окатил.

Он оттаскивал от меня странное серое чудовище, отрезая эти "крюки", заливая свой костюм серой жидкостью. Меня вырвало, а потом пошла вторая волна, не давая собраться, сосредоточиться, прийти в себя или хотя бы немного отдохнуть.

Не успев подняться на ноги, я отчаянно уползала на четвереньках, уже карабкаясь вверх по довольно твердому каменистому склону. Странная планета, на которой болота слишком быстро переходят в холмы или скалы, а потом снова болота. Хотела приподняться, но на меня рухнул Трил, прижимая к земле, а над нами пролетело нечто не поддающееся описанию. Этакая огромная жидкая, но плотоядная субстанция. Потом пинком под зад меня заставили подняться и ускориться.

— Спасибо, Трил!

— Это все ради Лиси! И моя работа! — презрительно фыркнул он на мою благодарность.

На обиду времени не было. Судорожно оглянулась в попытке определить, сколько еще нам осталось отбиваться и, вообще, как обстоят дела. Но лишь одеревенела. Нас осталось шестеро, включая меня. Рука потянулась к плазмеру, я уже не могла остановиться. Я стреляла и стреляла, но планета будто сошла с ума от ненависти к нам. Казалось, все на свете желали нас убить. Хорес первый заскочил на очередной выступ и уже активно махал нам руками, когда "жидкая торпеда" достала его в полете, разливаясь по его телу и заваливая на спину. Меня снова вырвало, и я заставила себя отвернуться от жуткого зрелища.

Одного за другим нас доставали, вылавливали или просто цепляли и набрасывались всей толпой. Пока мне везло, бесчисленное количество раз спасала дополнительная защита — надири, еще больше — телохранители, пиная дальше, но нападающих было так много, что теперь каждый боролся только за себя, увертываясь и отбиваясь.

Ужас заставлял вертеться юлой, скользить змеей и стрелять так, как никогда в жизни. Хотя меня как любую аристократку с малолетства обучали владению оружием, но у меня все валилось из рук и лишь холодное оружие прижилось в них в качестве кухонных ножей.

А теперь я палила в никуда, но все время попадала в цель, так много было нападающих. Я отупела от ужаса, боли и стольких потерь, а главное, в голове все время вертелась мысль, что все кончено, нам не спастись — сожрут как и остальных. Именно эта мысль давала сил на дальнейшее сопротивление, а страх того, что когда мою плоть начнут рвать и калечить —

надири задушит, несанкционированный доступ, чтоб его... Я умру так или иначе, но умру!

Дикий непередаваемый ужас толкал, гнал взащей, заставляя через силу переставлять уставшие деревянные ноги. Нас осталось всего четверо и мы, тяжело дыша, выбирались на плато, но на мгновение замерли от удивления: впереди, накренившись, черной заволакивающей машиной лежит огромный боевой звездолет. Целехонький! Тот самый, который падал вместе с нами. Наверное, ему повезло больше.

Мы буквально выбрались под ноги его экипажу. Подняв лицо, я уставилась на смутно различимые из-за слез, пота и захлестывающего страха лица. Кажется, это доргары. В темно-синих плотных костюмах для выхода на поверхность планеты, но тоже без шлемов, с массой оружия, направленного на нас. Все, это конец. Но уже в следующее мгновение, когда ко мне вернулась способность воспринимать действительность, я поняла, что они нам помогают. Кто-то, схватив за рюкзак, толкает меня вперед к кораблю, другие бойцы прикрывают. Все защитники ошетились оружием, работая слаженно, четко и без лишних эмоций. Настоящие профессионалы-военные.

Пока меня тащили двое доргаров, обернулась в поисках своих. Асиандр следовал за нами, все время отстреливаясь, но его запасы плазмы уже на нуле. Трил бежал сбоку, в последний момент достав из плазмера обнаглевшую тварь, пытавшуюся накрыть нас сверху. А еще... А больше никого нет! Осознание трагического факта выбило последний воздух из моих легких, заставив задыхаться от подступивших рыданий, но мне пока не в силах кто-то помочь, слишком сильна ненависть планеты к незванным пришельцам.

Последний боец под прикрытием своих товарищей заскочил внутрь шлюзовой камеры, и ворота медленно, ужасающе медленно поползли, отсекая от нас чужую злобу и жажду убийства. Как только створки ворот сомкнулись и выстрелы резко прекратились, в камере повисла тишина, нарушаемая судорожными вздохами и моими всхлипами, в попытке протолкнуть немного воздуха в горящие легкие. Я опустилась на пол возле переборки, обняв колени и дрожа всем телом от пережитого, еще толком не веря, что смогла выжить.

Меня сотрясала дрожь, сильно стучали зубы, и я более чем уверена, что многие стоящие рядом мужчины-доргары слышали этот звук. И наверняка презирали. Вон Асиандр облокотился рукой о стену, с трудом переводя дыхание, весь покрытый зеленой, мерзко воняющей болотной жижей-слизью, но держится как положено истинному карияцу. Трил стоит рядом с ним, вытирая лицо от крови, бегущей из разбитой брови, размазывая ее по лицу, и настороженно осматривает окружающее пространство.

Я рассмотрела фиолетовый трилистник на фоне красной звезды (знак доргаров!) и убедилась в своих выводах о принадлежности наших невольных спасителей.

Напряжение нарастало, и его уже можно было резать. Только пару минут назад мы бились плечом к плечу, а сейчас снова настороженность и подозрение повисли вонючим, осязаемым всеми фибрами души облаком. Только от облегчения начали расслабляться скрученные в узлы от страха мышцы, как снова он обволакивает сердце, беря его в жесткие тиски, неся с собой неуверенность в будущем.

Я заплакала, под надири не видно, оно все стерпит, да и никому не интересно, что чувствует маленькая презренная принцесса-кариярка. Доргары не афишировали свое внутреннее жизнеустройство. Но все знали, что мужчины-доргары чрезвычайно смелы и крайне жестоки с врагами. А женщин-доргарок еще никто из кариярцев не видел, а другие описывали лишь их нежную утонченную красоту.

Огромные черные ботинки переступили рядом, привлекая мое внимание к тому, кто с

таким упорством тащил меня, отбивая у жутких тварей. Задрав голову, я столкнулась с темно-синим взглядом довольно крупного мужчины. Прямой нос слегка морщился, наверное, от тошнотворно-омерзительного запаха, которым мы пропитались, продираясь через болота и обливаясь чьей-то кровью. Большой рот, напряженно поджатые губы. Не сложно догадаться, что все происходящее ему не нравится, но в данный момент он ничего не может поделать. Заметив мой взгляд из надири, перестал морщиться, и смоляные брови поползли вверх, демонстрируя удивление моим внешним видом. Еще бы, надири он явно видит впервые.

Кариярки-девицы крайне редко покидали пределы наших границ, в основном различными торговыми, политическими или иными делами вне наших территорий занимались мужчины, замужние женщины или вдовы. А таких как я, в надири, чужаки встречали на территории Карияра. Доргары же совсем недавно расширили свои границы и торговые интересы в сторону нашего сектора, пока сталкиваясь лишь с имперцами, которые выступали категорически против столь сильных конкурентов.

Мир доргаров, устроенный по принципу своеобразной военной демократии, считается небольшим по численности или количеству входящих в него колонизированных планет, но довольно крепко стоит на ногах и жестко дает сдачи по любому поводу. Поэтому обстоятельство, что Империя Фартан, в которую на данный момент входят уже несколько различных, но не вполне суверенных миров, превышает Доргар как по численности, так и по размерам, их нисколько не останавливало. И даже не побоюсь этого слова — не пугало в плане военных действий за свою независимость и расширение территорий.

По виду доргара, нашивкам и молчаливому признанию его авторитета остальными, пришла к выводу, что главный здесь он. Склонил набок голову с коротким черным ежиком волос, озадаченно рассматривая меня. Оливковая кожа, бритый, но все равно темный подбородок, несколько мимических морщинок и яркие синие глаза. Мужчине не больше сорока, ну в крайнем случае, пятидесяти лет. А из того, что я знаю о доргарах, живут они столько же, сколько и мы. Слишком молод для такой должности на столь большом и значимом корабле, но суровый взгляд, мрачное выражение лица и непоколебимая уверенность в себе, своей силе и главенстве всегда и везде не позволили ошибиться на его счет. Молодые хищники гораздо злее и упорнее более зрелых, проживших долгую жизнь.

Передернув плечами, с трудом скинула рюкзак, чувствуя, как онемели от усталости плечи и руки. Медленно, под изумленными взглядами доргаров и напряженными Асиандра и Трила встала на ноги. Аси тут же сделал шаг ко мне, но к сожалению, встал не впереди, а рядом. Хоть и телохранитель, но теперь за все отвечаю я. Ответственность за три жизни давила неподъемной плитой, а страх, активно заглушавший разум, сжимал внутренности в тугой узел.

Мамочка, как же страшно-то! Но я стояла не шелохнувшись, и пялилась на этого большого, мрачного, опасного мужчину. Вокруг нас еще восемь доргаров с оружием в боевой готовности; все указывает на то, что в любой момент мы можем стать трупами и отсрочка, возможно, временная. Надо было срочно действовать. Бросив неуверенный взгляд на замершего и сверлящего меня презрительным взглядом за нерешительность Трила, а потом на молчаливо ожидающего моего решения Асиандра, решилась. Прочистив горло, выдавила из себя писк, который изначально должен был раздаться твердым уверенным голосом, но почил от страха еще на выходе:

— Я Лельвил... хм-м-м... баронесса Раус Княжества Рандованс с планеты Карияр. Хочу

поблагодарить вас за спасение моей жизни и телохранителей. Мы тут, хм-м-м, пролетали мимо и неожиданно оказались в зоне боевых действий, в нас попали. Хотя целились они в вас....

Теперь уже у всех поползли брови вверх, а Трил потемнел от злости. Лишь у главного доргара неожиданно дернулись уголки губ. Уверена — знать кто я такая, им не следует. Поэтому назвалась своим младшим титулом.

— Двадцать один член экипажа погиб, теперь мы на вашем корабле и просим вас о приюте. И если возможно, как-нибудь связаться с нашими кораблями или княжеством, чтобы вас освободили от нашего присутствия. Мы, наверное, причиняем вам массу неудобств.

Сама понимала, что несу чушь, но что сказать в подобной ситуации не знала, а они все молчали. Внезапно раздался твердый уверенный голос Асиандра, в очередной раз пришедшего мне на помощь:

— Мы благодарны за спасение от страшной участи. И хотели бы знать, чем можем отплатить за вашу помощь? И возможную доставку баронессы как можно ближе к Карияру.

Главный еще сильнее приподнял брови, с удивлением разглядывая мою, ясное дело, непрезентабельную персону и сказал:

— Благодарность принимаем. А что делать с вами дальше, решим чуть позже. В данный момент у нас не работают двигатели, нет связи, слишком сильные повреждения корабля. Так что доставить вас куда-либо не представляется возможным, и вам, так же как и нам, придется ждать, пока нас найдут поисковые группы.

Я застонала от ужаса и опять всей неподъемной массой навалившихся проблем. Но доргар тут же пояснил:

— Не волнуйтесь, баронесса, просто так затеряться на просторах вселенной нам не дадут. Как только все успокоится наверху, наши начнут поиски тех, кого не увидели погибшими, а такой корабль как наш точно без внимания не оставят.

Я была удивлена его спокойным вежливым тоном и особенно тем, что он счел нужным все пояснить. Удивленно вскинула на него глаза, а он продолжил, посмотрев уже жестким взглядом на Аса и Трила:

— А уж потом будем определяться с вашей дальнейшей участью. Естественно, раз уж вы здесь, наружу мы вас не выкинем, но на борту вы не гости. Пока находитесь на нашей территории, вам придется выполнять мои приказы.

Я вцепилась в рукав Аси, чувствуя, как от страха подгибаются коленки. Конечно после заверения в том, что 'наружу мы вас не выкинем', стало чуть легче, но после 'на борту вы не гости' (кто же тогда?) страх усилился. Асиандр, все сильнее напрягаясь, осторожно ответил:

— Мы личная охрана баронессы и подчиняемся только ее приказам...

— Вы находитесь на военном корабле космического флота Доргара. Здесь вы будете подчиняться только моим приказам и ничьим больше. Если вы не согласны с этим, можем решить этот вопрос прямо здесь и сейчас.

Я похолодела, а Асиандр настойчиво пытался достучаться до благоразумия опасного мужчины, который стоял напротив, чуть расставив ноги, словно готовился к нападению, сверля моих телохранителей пронизывающим синим взглядом из-под черных бровей.

— Поймите, баронесса... Хм-м-м... слабая женщина, а на этом корабле, я так понимаю, слишком много мужчин. Мы отвечаем за жизнь сиеры и ее честь, ее безопасность входит в нашу первостепенную задачу.

Доргар насмешливо посмотрел на Аса с Трилом, а потом твердо и непререкаемым тоном ответил:

— Теперь безопасность баронессы или сиеры, как вы ее назвали, входит в мою компетенцию. Я за нее отвечаю и могу гарантировать — на моем корабле вы можете быть спокойны как за ее жизнь, так и за честь. А ваши руки и способности лишними не будут. У нас есть раненые и погибшие... тоже. Требуется основательный ремонт и охрана периметра, так что для вас найдется более достойная работа, чем таскаться за женской юбкой целыми сутками.

Мне показалось, что Асиандр захлебнулся от гнева, Трил побледнел и вытянулся, словно натянутая тетива, а я задрожала еще сильнее от полной безнадежности своего положения. Что же делать-то? На мне лично такой груз, а если узнают? Заберут? В себя привел твердый голос доргара:

— Меня зовут Эриас Танг, я командор корабля.

Мы трое, несмотря на предыдущий всплеск гнева, вежливо кивнули, продолжая сверлить его взглядом. Он снова прошелся по мне взглядом, оценивая грязный облегченный скафандр и затянутую в надири голову, и выдал фразу, от которой кровь в жилах уже окончательно заледенела:

— Вы скрываете физическое уродство, баронесса, или следы опасной болезни?

— Нет, командор Танг! Это обязательный традиционный вид одежды незамужней женщины-карьерки. Его носят до замужества или до официального обручения.

Трил не удержался, и его презрительный смешок прозвучал завершающим аккордом к моим словам.

— Вы нашли что-то смешное в словах баронессы? Или неверное? — тут же обратил на него внимание Танг.

Асиандр окаменел, и я почувствовала это даже сквозь его скафандр. А сама внутренне попыталась подготовиться к ответу Трила, но так и не смогла, было больно.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Нет, командор, ничего смешного или неверного. Это... нервы... сдают. — Отметив как потемнело лицо Танга, Трил закончил: — Баронесса не обладает достойными карьерца качествами и скорее всего, будет носить надири всю оставшуюся жизнь. — Гад, я бы с удовольствием покончила с ним после этого.

— Станный обычай! Но хотелось бы уточнить какими именно качествами должна обладать карьерка, чтобы выйти замуж, и коими не обладает ваша подопечная?

Трил уже и сам не рад своей выходке и последовавшей просьбе пояснить, но пришлось отвечать на поставленный резким, жестким голосом вопрос Танга.

— Смелость и сила характера, командор. В нашей, хм-м-м, баронессе они полностью отсутствуют.

Меня удивил разговор, который мы вели в шлюзовой камере военного корабля, сложилось ощущение, что кроме как выяснять кто мы такие и что из себя представляем — самое интересное дело на данный момент, а ведь мы все еле стоим на ногах. Столько народу погибло, сестра... наш корабль утонул, а их в таком состоянии, что неизвестно — сможет ли он когда-нибудь взлететь, связи тоже нет, а мы тут выясняем, почему я не замужем и ношу надири. Мягко выражаясь — дурной сон!

Ноги мелко дрожали, но я держалась из последних сил. Хотя я скорее висела на Асиандре, нежели стояла.

— Да? Странно, а вот нам сверху показалось, что госпожа баронесса была на удивлении смела, даже необычайно. Женщина-доргарка, окажись в подобных условиях, умерла бы на месте от разрыва сердца. А баронесса все еще стоит и любезно беседует с нами. Зато мужчина, который обязан по долгу службы охранять ее тело и честь, позволяет себе презрительно усмехаться, скорее позоря себя, чем ее.

Трил сначала побледнел, потом покраснел, но молча сверлил пол взглядом, больше не вступая в разговор с командором. А я впервые за последние длинные и утомительные минуты, с интересом взглянула на этого мужчину. Но его дальнейшее требование отбило интерес к нему уже через мгновение:

— Вы находитесь не на Карияре, а на корабле Республики Доргар. Мы находимся в чрезвычайной ситуации, поэтому лишние секреты или сюрпризы нам ни к чему. Вы обязаны снять ваше так называемое надири, если я правильно понял это слово, и продемонстрировать, что вы здоровы. Я не могу отменить тот факт, что вы, возможно, являетесь сообщниками Империи и опять же, возможно, таким образом хотите нас уничтожить. До конца!

Я остолбенела, а Асиандр выступил вперед, и даже Трил оживился, напрягшись всем телом. Если я умру, им больше нет смысла возвращаться на Карияр — казнят за измену. Потому что сначала должны были погибнуть они и уж потом моя сестра и я. Голос Асиандра был твердым, но очень вежливым и вкрадчивым. Он словно змея скользил мимо острых камней, стараясь не пораниться или не вызвать обвал.

— Командор, баронесса не может снять надири без договора о намерениях на брачный союз. Если вы принудительно попытаетесь его снять, надири убьет ее. Пока она находится вне стен своего дома на Карияре, его можно снять, лишь заключив официальный брак. — Ну, здесь он немного преувеличил, все же я могу дезактивировать его в одиночестве. — Иначе это бесчестье для рода. Если вы принудите ее нарушить каким-либо образом надири, но не заключите брак с ней, тогда уже мы убьем Лельвил... Раус. Честь рода превыше всего. — А вот здесь он был предельно честен, и я уверена, он сделает именно так как сказал.

Я с печальной усмешкой, несмотря на возможное приближение кончины, поняла, если Трил и Асиандр убьют меня, сами тоже погибнут. Эти двое между смертью и бесчестьем, выберут первое без сомнений. Танг следующим комментарием вызвал у меня удушье, вперемешку с шоком от удивления.

— Так может мне на ней жениться? Чтобы выяснить, не несет ли она угрозу моей команде, да и всему кораблю?!

Ас на ехидное предложение, явно сказанное в качестве злой шутки, бесстрастно заявил:

— Если вы будете настаивать на том, чтобы баронесса дезактивировала надири у всех на глазах, в этом случае вы обязаны будете жениться на ней. И зафиксировать истинные намерения своей кровью и голосом.

— Клянусь звездами, такое я слышу впервые!

Командор уже практически смеялся над нами, а его коллеги не сдерживаясь, усмехались, и лишь я, пунцовая от стыда и боли, не знала куда спрятать глаза. Надири все стерпит и все скроет, но влажный блеск глаз выдаст мои чувства. Видимо, я недостаточно быстро спрятала слезы, уставившись в пол, потому что Танг что-то заметил. И возможно именно это "что-то" заставило его изменить свое требование:

— Приношу извинения, баронесса, за свое поведение и больше не настаиваю на снятии

вашего надири. — И только мое сердце воспрянуло, а мышцы, наконец, расслабились, как он мягко закончил свою речь, лукаво усмехнувшись: — Если, конечно, действительно не решусь на вас жениться. — Как только он отвел от меня глаза, лукавство и мягкость испарились, снова вернув его лицу жесткую маску хозяина. — Извините, что заставил ждать в приемнике, следуйте за Вазиру, он проводит вас во временные каюты. Кстати, скафандры вместе с вами сразу на дезобработку, не хватает еще занести на корабль что-нибудь опасное.

Сгорбившись, устало передвигая ногами, я шла, держа за руку Асиандра, и старалась смотреть только в спину нашего сопровождающего. Спиной чувствовала взгляды уже не только оставшихся в приемнике, но и всех встречавшихся нам по пути к выделенным каютам. Рюкзак я потащила за собой, не в силах поднять, и Асиандр быстро подхватил его. Жаль Ринис, возможно она никогда не увидит своего любимого. Я не смотрела по сторонам, в данный момент ничего не интересовало, только бы дойти до койки. А еще непереносимо хотелось помыться. Мои грязные ботинки гулко шлепали по металлическим полам стандартно отделанных коридоров корабля, слившихся в сплошную серую массу, лишь иногда очередной встречный разбавлял ее. Воняло горелой проводкой, видимо вентиляция с трудом справлялась с очисткой воздуха от едкого дыма. Но серые стены, множество мужчин и даже запах — все это настойчиво шептало о безопасности, в которой я так отчаянно нуждалась.

Предназначенная мне каюта оказалась совсем небольшой, явно не рассчитанной на пребывание здесь женщины моего положения. Да и скорее всего вообще женщины. Узкая длинная койка, которая выдвигается при нажатии на панель управления и даже подстраивается под размеры тела. Узкий маленький столик и такой же выдвижной стул. Шкаф, рассчитанный на несколько пар служебной формы и закуток для интимных нужд, куда входил опять же выдвижной унитаз, раковина и душевая.словно конструктор, все функциональное и складное. Корабль хоть и большой, но военный, и доргаров тут не меньше сотни, вон их сколько по коридорам встретилось, для каждого апартаментов не напасешься.

Достав свои вещи и проверив на пригодность, еще раз поблагодарила звезды за непромокаемую суперпрочную ткань рюкзака для аварийных ситуаций. Развесила вещи в шкафу и отправилась мыться. На что-то большее, даже на еду, сил не было. Я долго не решалась дезактивировать надири, но нестерпимо хотелось принять душ, даже ионный, лишь бы освежиться. Душ оказался с неслыханной роскошью в космосе — водой. Значит система очистки все-таки работает.

Под душ я встала в надири и после этого дезактивировала. Несколько секунд, и струи воды ласкают мое обнаженное уставшее тело. Восхитительно. Но долго прохладиться страшновато, вдруг кто зайдет. Хотя датчик надири автоматически сработает на приближение любого живого существа, не включенного в список доступа, и закутает своей защитной тканью. А со средством связи с телохранителями и оружием пришлось расстаться, доргар был непреклонен — их безопасность прежде всего, поэтому нам предстояло пользоваться внутренней системой связи на корабле.

Быстро обсушилась здесь же и вышла. Снова активировала надири и с тяжелой мыслью о долгом бесперспективном пребывании в нем, захватила из душа отныне такое же неотъемлемое свое одеяние — ремень с перпили. И кто считает, что принцессой быть прекрасно?

Спать я легла в надири, сегодня не раз спасавшем жизнь, все равно проклинаемым мной, а перед сном долго оплакивала погибших и свою сестру. Как же больно, ну почему,

почему я так и не успела сказать ей ни одного хорошего слова, помириться, найти общий язык, словно она чужая. Больно, еще стыдно, ведь рада, что жива и невредима. Почти вся команда осталась в проклятом болоте, а я на этом корабле и думаю лишь о собственном выживании, а не о своем народе. Но жизнь продолжается, и я заснула тяжелым тревожным сном.

Проснувшись и определив по наручным часам стандартное космическое время, решила встать — утренняя смена. Умылась и переделалась в свежее платье. Робот-автомат выдал отправленный вчера на чистку костюм, но сегодня я решила надеть синее тафтаровое платье. Привычнее в нем. Выйти наружу без сопровождения не осмелилась, но почему-то никто не спешил знакомить меня с кораблем, экипажем, а главное, есть хотелось.

Промаявшись от безвестности и голода еще с час, все же решилась выйти наружу, но в этот момент заработал входной зуммер, и голос Асиандра предупредил о его приходе. Подойдя к двери, разрешила вход и вздрогнула, столкнувшись взглядом с Эриасом Тангом, а за его спиной маячил раздраженный Аси. Командор вновь обвел меня любопытным взглядом, но мрачно заметил, глядя прямо на меня и при этом возвышаясь на полторы головы и давя мощью крупного тела:

— Приветствую вас, баронесса, но боюсь, добрым ваше пробуждение не будет. — Я внутренне вся подобралась и тревожно уставилась на него. — Пищевой автомат вышел из строя. Подобные проблемы на кораблях такого класса у нас случились впервые, поэтому мы сейчас пытаемся наладить работу кухни. Так что пока вам придется питаться тем, что смогли приготовить мои ребята.

Сообщив о своих проблемах и снова бросив внимательный взгляд на меня, оглядывая фигуру в платье и скрытое лицо, кивнул и быстро ушел, оставив нас с Асом. Тот хмыкнул, проводив взглядом широкую спину командора, и прошел в каюту, держа перед собой поднос с едой. Точнее, двумя кружками с горячим напитком и парой кусков хлеба с чем-то непонятным серого цвета. Мы сели за стол и, обменявшись смущенными взглядами, принялись за скудный завтрак. Наша первая совместная трапеза, и мы оба это признавали.

— А где Трил?

— С утра его включили в состав внешнего патруля. Меня тоже. — сообщил Асиандр, кривя лицо от вкуса даже на вид малопривлекательного бутерброда. — Вся команда работает на ремонте корабля. По сменам делятся на охрану и ремонтные бригады. Одни работают снаружи, другие обеспечивают охрану, внутри тоже работа кипит. Моя смена через четыре часа. Командор ни себе, ни другим поблажек не делает, и я его хорошо понимаю. Сейчас все жестко контролируют входы, чтобы предотвратить проникновение внешней фауны и флоры за внутренний периметр. А теперь представьте, сiera, больше сотни мужиков голодных и уставших на работе, и в медотсеке раненые, а есть практически нечего... Кроме этого! — мгновение помолчав, добавил. — И как долго это продлится, никто не знает.

Я медленно, с отвращением жевала кусок так называемого хлеба и размышляла над ситуацией. Сотня голодных злых мужчин в экстремальной ситуации — это большая проблема, надо что-то с этим делать. И я видела лишь один выход.

— Ас, как думаешь, если я предложу свою помощь в приготовлении пищи, они ее примут? Не сочтут меня опасной? А то мне не по себе делается от страха, что они будут тут ходить уставшие, голодные и злые.

Асиандр посмотрел на меня и впервые за все время позволил себе мягкий, совсем необидный смех надо мной:

— Вот не зря моя Ринис считает, что вы подарок роду Рандованс. Просто они этого еще

не поняли, но ничего... Поживут немного без вашей заботы, сiera, и поймут, какое вы сокровище. Только ваш брат принц Ронар прознал об этом давно и неизменно хвалит вас и гордится. Я уверен, как только эти доргары попробуют вашу стряпню, принцесса, выстроятся в очередь выказать вам свою благодарность.

Скептически на него посмотрев, дожевала невкусный полуфабрикатный завтрак и запила его горячим, таким же невкусным напитком. Встав, решительно попросила Аса, так же допивающего свой:

— Ты проводишь меня на кухню?! Мне надо посмотреть там что к чему, ну, и попробовать свои силы. И договорились же — никаких принцесс.

— Как скажете, сiera! — Асиандр довольно хмыкнул и пошел впереди, благодаря чему почувствовала себя более уверенно и спокойно. За его спиной ничего не страшно.

Кухня встретила нас тишиной, лишь двое доргаров рылись в пищевых установках и приглушенно ругались. Услышав наши шаги, они синхронно оторвались от своего занятия и с вежливым любопытством уставились на меня:

— Госпожа что-то желает? Боюсь...

— Да-да, не волнуйтесь. Асиандр мне уже все рассказал, и я хотела бы предложить вам свою помощь в приготовлении пищи.

Они оба, уже с гораздо более пристальным вниманием уставились на меня, интересуясь:

— Госпожа умеет готовить? Знакома с кухонными установками?

— Я хотела бы попросить вас показать мне эти установки, заодно проверить количество продуктов и их состояние. Я могу провести инвентаризацию и рассчитать меню для приготовления пищи. А так же на какое время и количество народа хватит запасов. И да, я умею готовить.

Вопросов мне больше не задавали, а провели краткую экскурсию по всем подсобным помещениям с установками по автоматическому использованию и хранению продуктов. Затем мы посмотрели запасные установки по приготовлению пищи, которые, скорее всего, с момента первого старта этого корабля никто не использовал, пользуясь лишь автоматом по приготовлению.

Меня все устроило, и принцип работы всех агрегатов знаком. В душе выросла уверенность, что теперь я в своей стихии и нужна, а не бесполезный балласт, который за ненадобностью могут выкинуть наружу. Улыбнувшись, повернулась к ожидающим моего решения мужчинам и вынесла вердикт, радостно сверкая глазами:

— Все отлично, я со всем справлюсь. Длинного меню не ждите, но полноценный, питательный и, главное, вкусный рацион, будет обеспечен. Мне нужно знать количество членов экипажа, на которое готовить, и если кто-то что-то не может есть по определенным причинам, сообщите. Все свободны. А вообще, я буду очень благодарна, если мне выделят одного помощника. Можно из раненых, очень тяжелой работой не загружу.

Довольно улыбаясь, им все равно незаметно под надирю, направилась к своему новому рабочему месту, провожаемая удивленными и вместе с тем облегченно выдохнувшими доргарами.

На специальной тележке проехала по складу и заполнила нужные ячейки, все время сверяясь со списком короткого меню. Как только мне сообщили, что на борту сто восемнадцать членов экипажа и еще плюсом нас трое, тут же вновь потребовала помощника. Иначе я одна не справлюсь так быстро. Возможно потом, когда все войдет в свою колею, но не сейчас, когда много времени занимает лишь подготовка.

Работа уже подходила к концу, и по пищеблоку понеслись чудные аппетитные ароматы, когда на кухню вошел командор. Он быстро осмотрелся, и я заметила, как его тело покидает напряжение, а прищуренные синие глаза теплеют.

— Ну что ж, весьма благодарен вам, баронесса, за неоценимую помощь в организации питания моего экипажа. Думаю, ваш телохранитель уже поведал о некоторых наших трудностях, и поэтому ваша помощь тем более ценна и своевременна.

У меня даже щеки загорелись, настолько приятно слышать благодарность, а еще в груди радостно запело сердце. Меня так редко хвалили, а этот мужчина уже два раза высказался за столь короткий период времени на мой счет, и оба раза хвалил. Не мужчина — мечта! Правда, очень уставшая мечта. Вокруг синих глаз залегли темные круги, похоже, так и не спал со вчерашнего дня. Легкая темная щетина придавала ему хищности и опасности, но меня он уже не пугал как в начале. Я вообще заметила, что все доргары и капитан в том числе, обращаются со мной исключительно вежливо и мягко. Все поясняя и показывая, и не выказывая раздражения из-за того, что им приходится это делать. Как будто так и надо. Или как будто они все думают, что я рухну в обморок, если они нечаянно повысят на меня голос или лишний раз сделают резкое движение. Неужели, я выгляжу настолько трусливой и слабой?! Какой ужас!

Заметив с каким пристальным интересом Эриас Танг изучает выражение моих глаз, не долго думая, предложила:

— Командор, позвольте, я вас быстро покормлю, пока у вас есть минутка-другая. А то вы, наверное, со вчерашнего дня не нашли времени ни отдохнуть ни поесть.

Он удивленно вскинул брови, но неуверенно согласился, направляясь к столу, на который я указала. Быстро накрыв, пошла заниматься стряпней дальше, ведь народу есть придет очень много, а я пока одна. В самом начале мне помог Асиандр, но его смена уже наступила.

Занимаясь своими делами, краем глаза следила за этим интересным мужчиной. Он осторожно держал длинными сильными пальцами столовые приборы и ел очень аккуратно, даже эстетично. Поглощенный едой и своими мыслями, он не обращал внимания на меня, зато я свободно наблюдала с пристальным и чисто женским интересом. Под надири все равно не видно, почему бы не получить удовольствие. Красавцем его назвать нельзя, но внешняя и внутренняя мужская притягательность, определенно, привлекала к нему внимание. И думаю, я такая не одна...

Легкое покашливание за спиной застало меня именно в тот момент, когда я подглядывала за командором, застыв с поварешкой в руке. Я сильно смутилась, опуская голову вниз, предварительно вздрогнув от испуга.

— Простите, госпожа, но можно и нам чего-нибудь перекусить?

Посмотрела на пару доргаров, с нетерпением смотревших на еще не накрытые для обеда столы. Я решила, что можно обойтись и без претензии на светский прием, и, быстро кивнув головой, продолжила обычную кухонную суету.

Очень скоро сюда потянулся ручеек желающих поесть, а пообедавшие очень громко благодарили и неизменно восторгались моими кулинарными способностями. А я все еще переваривала внимательный изучающий взгляд Эриаса Танга, которым он наградил меня, после того как поел и пошел на выход. Он сказал короткое "спасибо" и быстро ушел, оставив гадать, понравилось ли ему то, что я приготовила или нет. И хотя остальные превозносили меня до самых звезд, почему-то мнение именно командора хотелось услышать.

В каюту вернулась поздно, но уже после ужина командор известил меня о том, что он и его команда будут очень признательны, если и дальше я возьму обязанность по приготовлению пищи на себя. И я согласилась, почувствовав прилив уверенности и ощущение нужности. Даже ремень с перпили не помешал покружиться от радости, когда я осталась одна в каюте.

Теперь весь день я проводила в блоке питания и со временем обнаружила, что это довольно интересное занятие не только в плане использования своего времени, но и для получения информации. За прошедшие три дня по стандартному космическому времени ко мне привыкли и, уже не скрываясь, обсуждали планы, проблемы, рабочие нюансы, сплетни и слухи. Как и в любом другом коллективе, только с учетом того, что экипаж состоит из мужчин. И теперь довольно часто вопросы адресовали и мне.

— Госпожа Лельвил, а зачем вы надири носите? Да еще и на всем теле, я понимаю, лицо закрыть, но все остальное зачем?

Я оторвалась от замешивания теста и, слегка повернув голову, посмотрела на Шаз, крупного добродушного доргара, который очень уважал пищу и плохо переносил насмешки над собой. Он с любопытством смотрел на меня, дожевывая уже четвертую булочку.

— Понимаете, Шаз, на Кариаре существует такой закон, очень нужный и справедливый. Красота достается не всем, более того, она развращает сознание своего владельца, делает его слабым или спесивым. А спесь и гордыня — это тоже слабость, Шаз. Наши предки, когда их выслали за участие в заговоре против Императора Фартана, поселились на Кариаре, пережив чрезвычайно тяжелые времена. Тогда изменились не только место нашего проживания, но и сознание, уклад, традиции, да много чего. Только став сильным, смелым, равным, без предрассудков или внешних условностей наш народ мог бы выжить. На Хартане до сих пор в основном патриархат, и часто мужчины управляют жизнью женщины. На Кариаре все равны, но женщины с рождения обладают преимуществом перед мужчинами, и это — красота, но и она дана не всем. Чтобы устранить такую дискриминацию или возникающие из-за нее проблемы, сначала ввели надири, полностью покрывающее только голову, но со временем оно распространилось на все тело. Защищает свою хозяйку от насилия, холода и, например, как меня защитило от тех тварей, которые погубили большую часть моего экипажа и телохранителей... — Я сглотнула комок в горле, но нашла в себе силы продолжить: — Надири дарит возможность обрести истинную половинку, дает уверенность, что тебя полюбили не за красивую оболочку, а за богатое внутреннее содержание. Ведь красота так мимолетна!

— Да, но зачем прятать все? Волосы, руки, ноги?

Я снисходительно посмотрела на него и задала встречный вопрос:

— Как вы выбираете себе женщину по душе, Шаз?

Он заметно смутился, но услышав смешки сидящих рядом сослуживцев, признался:

— Ну-у-у... э-э-э-э... чтобы фигуристая была. Люблю рыженьких, хотя для Доргара они редкость. У нас в основном темноволосые, но многие меняют цвет волос по желанию.

Я улыбнулась еще шире, но он моей улыбки не видел, наверное, лишь заметил смешинки в глазах, потому что заинтересованно посмотрел на меня в ожидании комментария.

— Вот, Шаз, значит если бы вы не видели лица женщины, но увидели цвет, красоту и блеск локонов — это уже было бы несправедливо в отношении той женщины, которая была бы, ну, допустим, с другим цветом волос, или там прямыми. Так что справедливо прятать и волосы. А есть мужчины, которые предпочитают женщин с тонкими лодыжками или светлой кожей, а любят темнокожую и коротконогую. Но любят истинно, всем сердцем,

найдя в ней продолжение своей души. Семья такая будет крепка и долговечна. И за такую семью пойдешь и в огонь, и в воду. Таков принцип наших семейных ценностей.

Мужчины слушали, открыв рты. Поэтому я решилась задать вопрос:

— А разве у доргаров не так? Какие у вас главные достоинства при выборе пары?

Туриг, ткнув все еще смущенного Шаз в бок, сам решил ответить на вопрос, но прежде чем сказал хоть слово, позади меня раздался голос командора, в котором явно слышался плохо скрытый сарказм:

— Красота для женщин, умение угождать женщине у мужчин, тогда она, возможно, не сбежит к другому. Правда, и это не гарантия ее верности!

От неожиданно прозвучавшего резкого голоса я подпрыгнула и, резко развернувшись, запуталась в длинных юбках и рухнула на пол, больно приложившись копчиком и зашипев от боли. Проклятый пояс! Танг замер, а потом его лицо окаменело, и он странно чужим холодным голосом произнес:

— Простите меня, баронесса. Я как всегда приношу женщинам сплошные неприятности и треволения.

Он наклонился и, подхватив подмышки, поднял меня на ноги, при этом явно рассчитывал на другой вес и уж никак не ожидал, что вешу я гораздо больше. Я не раз замечала, как все доргары с недоуменным любопытством наблюдают за мной, пока я готовлю или двигаюсь, накрывая на столы. Знаю, что их так удивляет. Довольно сублильная внешне особа передвигается так, будто весит тонну, не меньше, и наверняка думали, что я больная или у меня ноги больные.

Он усилил на моих ребрах хват, поднял на ноги и весьма подозрительно, как совсем недавно Асиандр, окинул меня взглядом. Потом, слегка задержав ладони на моих ребрах, убрал руки и направился к столам. Я же так и осталась стоять, все еще ощущая его руки на своем теле, хоть и не чувствовала тепла или мягкости его кожи. Проклятое надири! И снова его голос разрезал, словно ножом тишину и общее напряжение, с которым все чего-то от меня ожидали:

— Туриг, я тоже с удовольствием послушаю твою лекцию о наших нравах!

Все расслабились, и Туриг, снова подозрительно на меня посмотрев, выдал интересную информацию:

— И все же я впервые встречаю такую смелую и выдержанную женщину как вы, баронесса! Наши женщины не такие. Они как цветы — так же нежны и хрупки. Они очень чувствительны и ранимы. Любой испуг может привести к душевному срыву.

— Ага, некоторые иногда с большим удовольствием используют это, чтобы добиться от мужчины всего чего хотят. Не поймешь, играет она на публику, на моих нервах или ей действительно плохо. — Мрачно вставил свое слово Шаз.

Похоже, Шаз сейчас говорил о своей женщине и был не в восторге от ее повышенной чувствительности. Туриг хмыкнул и продолжил, посмотрев на меня:

— Мы с ужасом и восхищением наблюдали, как вы отбиваетесь от монстров, это беспрецедентная смелость, госпожа Лельвил. Если бы вы жили на Доргаре, вам бы за подобный героизм там воздвигли памятник при жизни. — У меня все сильнее округлялись глаза и отвисала челюсть. А Туриг продолжал:

— На Доргаре женщина стремится быть прежде всего красивой, это главный критерий выбора для любого мужчины. А женщина выбирает того мужчину, который способен позаботиться о ней и ее нуждах. Но главное, мог обеспечить ей внутренний

психологический комфорт. Любая хочет жить в покое и неге, а мужчина должен их обеспечить, тогда и она допустит его до своего тела и душевного тепла. Доргар выглядит для чужаков как прекрасная, яркая, фееричная сказка, ведь наши женщины всегда прекрасны, нарядны и веселы, а мужчины выдержаны и предельно вежливы.

Я не выдержала и заметила:

— По сравнению с Карияром это небо и земля. Для нас главное — свобода. Свобода выбора и выражения своих чувств. Испугать наших женщин так же трудно, как и мужчин. Оба заботятся друг о друге и нуждах своей семьи. Почему одни мужчины должны проявлять заботу? Ведь всем приходится одинаково трудно жить во Вселенной.

Эриас, чуть наклонив голову, приподняв в усмешке уголок пухлых губ, произнес с сомнением:

— Какой мужчина позволит своей женщине рисковать жизнью? Заставлять ее нервничать без повода? Мужчины априори сильнее, морально и психологически устойчивее, чем женщины. Я не хочу оскорбить вас, баронесса, но жизнь показывает, что я более прав, нежели вы. Мужчина должен всегда и везде стоять впереди женщины, чтобы она чувствовала себя защищенной и спокойной. Хотя я никоим образом не хочу сказать, что ваш образ жизни неправильный. Наверное, в нем есть здоровое и правильное зерно, но....

— Да, зато ваше общество несколько полярно. Мрачные мужчины и яркие женщины. Это, по-вашему, идеал отношений?

— Я же сказал, что не считаю ваш мир или наш идеальным, но есть определенные стороны, которые я понять не в силах.

От накала эмоций я взбила тесто в идеальную воздушную массу, и это отрезвило. Но меня уже понесло, и поэтому я спросила об интересовавшем последние три дня обстоятельстве:

— Вот Шаз выбирает себе женщину по фигуре и волосам, а вы, командор, как бы выбирали свою пару? — Потом пришедшая в голову мысль заставила уже более грустно выдать: — Или уже выбрали?

Эриас нахмурился, помрачнел, встал на ноги и направился к выходу, все же соизволив ответить:

— Простите, сiera Лельвил, мне надо заниматься своими непосредственными обязанностями... Но, наверное, теперь я бы предпочел ваш способ выбора женщины для брачного союза. Возможно, достойное внутреннее содержание гораздо важнее и опять же, возможно, гарантирует большую верность, чем красота.

Я задумчиво проследила взглядом за его широкой мощной спиной, затянутой в офицерский китель, скрывающейся в дверях пищеблока. В этот момент раздался голос Турига, который выдавал его легкое сожаление:

— Нашему командору не повезло дважды, сiera. У него слишком взрывной темперамент и упертый характер, чтобы должным образом услужить своей паре. Одна его невеста сбежала к другому, пока мы патрулировали границы, слишком нетерпеливой оказалась, а он слишком трудолюбивым и предпочитающим работу своей женщине. Ему тридцать два тогда всего стукнуло, а он в тот момент как раз командором стал, самым молодым за все время существования космического флота. А она этого не оценила, терпеть его длительные отлучки не захотела, и быстро нашла ему замену! Вторая невеста оказалась так чувствительна и ранима, что наш командор довел ее до нервного срыва. Она была столь обижена его невниманием к себе, его диким темпераментом и суровым характером, что

вытащила все свои обиды на суд общественности. Боюсь, наш командор останется теперь свободным надолго... За неумение сдерживать свой темперамент и плохую заботу о нуждах своей женщины. Десять лет уже прошло, но... Она создала ему слишком плохую репутацию, и думаю, только самая отчаявшаяся и некрасивая женщина теперь клюнет на командора Танга.

— Придержи свой длинный язык, Туриг, а то он у тебя когда-нибудь отвалится от усердия. Или тебе его кто-нибудь вырвет...

Я снова вздрогнула от неожиданности, так увлеченно слушала любопытную информацию. Обернувшись, заметила двух пилотов, Джара и Верния, эти крупные брюнеты часто находились в обществе командора, и я отметила их более дружеское отношение к нему, чем у остальных. Туриг нахмурился, и они с Шазом, улыбнувшись мне и поблагодарив, быстро удалились. Джар, не глядя на меня, прошел к столу, а за ним двинулся Верния с повязкой на правой руке. Как сообщил один из членов экипажа, сломал во время жесткой посадки.

Не знаю почему, но я почувствовала себя виноватой, что нас застали за сплетнями о командоре. Отвернувшись от зала и начала лепить новые порции булочек, но в этот момент раздался раздраженный голос Джара:

— Простите за недавнюю грубость, сiera, но Туриг слишком болтлив. И не в обиду именно вам будет сказано, иногда женщины бывают чересчур привередливы... или откровенно глупы. А мужчина слишком поздно об этом узнает, польстившись на красивую внешность.

Я, и так уже смущенная, услышав его, лишь коротко кивнула. Обслужив себя сами, пилоты молча принялись быстро поглощать еду. Судя по всему, у этих мужчин гораздо меньше свободного времени, чем у Турига с Шазом.

Четыре дня прошло, и пока все молчат насчет дальнейших планов. Разведка доргаров не подавала сигнала, но как пояснил Асиандр, сигнал сквозь атмосферу не пробьется, поэтому теперь остается ждать тотальных поисков на поверхности планеты. И словоохотливый Туриг уверил, что это обязательно произойдет. Этому бесхитроственному болтуну хотелось верить безоговорочно.

Я подготовила результаты инвентаризации и расчеты для командора, сообщив, что питания хватит на месяц. Если экономить, то на большее время. В итоге, наше меню урезали, встревожив меня еще больше. Это означало, что в успехе спасательной операции командор не уверен. Все ходили мрачные, уставшие и не особо разговорчивые. Хотя при мне и вообще в столовой, неизменно шутили, создавая теплую приятную атмосферу, располагающую к экипажу мое сердце, но душу грызли опасения и дополнительные вопросы.

Корабль, как мне сказали, он носит гордое название "Дезерот". На доргарском это означает — неустрашимый. Иногда появлялись новые раненые из числа тех, кто выходит наружу в охранный контур. Зная обо всех этих прорывах, я теперь все время была в напряжении, ожидая очередного нападения. Тот марш-бросок по поверхности кошмарной планеты я не забуду никогда. Каждую ночь мне снился какой-нибудь момент этой гонки на выживание, а еще слышался хруст позвонков сломанной шеи Лисианы, и я, задыхаясь от страха, просыпалась, чувствуя, как покрываюсь холодным потом.

Только на кухне я чувствовала себя более-менее спокойно, в окружении мужчин, которых еще несколько дней назад так неистово боялась.

Сняв платье и дезактивировав надири, устало поплелась в душ. Очередной день подошел к концу, пока не приблизив к выполнению основной задачи — спасению Карияра от имперцев. Помылась, обсушилась и активировала надири, но обнаружила, что уже второй раз за время пребывания на корабле, забыла ремень с перпили на кровати. Занервничав, вышла, мягко ступая по полу в защитном облачении. Уже в дверях меня что-то насторожило. Черной статуей застыла в проеме, внимательно оглядываясь по сторонам и слыша, как бухает сердце.

Краем глаза уловила движение возле вентиляции и мутный росчерк в мою сторону и, не думая, прыгнула в сторону кровати. Благодаря тому, что была только в надири, второй кожей облегающем тело, и без тяжеленного пояса, этот прыжок получился стремительным и удачным. Секундное замешательство, и я заорала, выплескивая ужас. По двери, где я только что стояла, стекала и набухала уже виденная мною прозрачная мутная бесформенная тварь, которая свалила Хореса и в буквальном смысле поглотила. Она выпячивала середину, и я уже догадалась, что она готовится к новому прыжку в мою сторону.

Едва успела ударить по установленной возле кровати в виде мигающей зеленым светом тонкой консоли экстренной связи. Потом завизжала еще сильнее, и снова мне удалось отпрыгнуть на полмгновения раньше прыжка твари, но прорваться к двери не представлялось возможным. Достанет тварь. Звездная пыль, где же хоть кто-нибудь? Я орала так, что сорвала связки.

Как ответ на мои мольбы, двери разъехались, и я увидела Эриаса. Хрипя и вздрагивая всем телом, с мрачным облегчением и удовлетворением увидела, как его плазмер

превращает тварь в горстку грязного пепла. Он обследовал взглядом весь периметр каюты, потом повернулся к Джару, стоящему позади, и бросил ему пару фраз резким приказным тоном, а сам направился в мою сторону, закрыв за собой двери. Я держалась на ногах только благодаря тому, что оперлась на шкаф, продолжая дрожать и всхлипывать.

— Тс-с-с, сiera, все хорошо... ее больше нет... ты в безопасности, девочка.

Он говорил на удивление мягким воркующим голосом и, подойдя вплотную, нерешительно погладил по голове, укрытой надири. Ростом ему до плеча, я бездумно паялилась в широкую грудь, тупо рассматривая нашивки на синей форме. Вздрагивала всем телом, а он так и стоял вплотную, и медленно поглаживал меня по голове. Внезапно в вентиляции загудело, раздался резкий хлопок, а затем последовал не очень приятный запах. Испугавшись резких звуков, я вмиг оказалась на своем спасителе, вцепившись в него всеми конечностями и прижимаясь телом, отчаянно не то вопя, не то хрипя, от чего у него, наверное, перепонки лопнули. Эриас прижал меня к себе крепче и покачивал как ребенка, поддерживая под ягодицы, тихо, успокаивающе повторял, пока не пробился сквозь мой ужас:

— Это продувка вентиляции, чтобы больше не было подобных сюрпризов. Это обычное обеззараживание, продувка. Больше ни одной твари нет. И не будет...

А я цеплялась за его шею, обвивая обеими руками, и уже не кричала — тихо всхлипывала. Меня трясло от пережитого, а перед глазами возник Хорес, и на нем эта тварь... Я слышала чьи-то шаги, шуршание, похоже кто-то быстро убрал останки твари. А Эриас продолжал держать меня, прохаживаясь по каюте. Три шага вправо, три шага влево и так все время, пока я не затихла и не обмякла, успокоившись.

Шмыгнув носом, плюнув на весь этикет, утерла черной рукой глаза, надири все стерпит, и снова уткнулась Эриасу в шею. Медленно втянула носом его запах: пряный, густой аромат мужчины. Сильного, здорового, чистоплотного мужчины, без примесей парфюма или ароматизаторов для одежды. Великолепный аромат, настолько зовущий и притягательный, что я потерлась носом о его шею и втянула его еще глубже. Успокаивающий и дарующий чувство безопасности и покоя. Странно будоражащий мои чувства женщины, находящейся на пределе своих возможностей, но это еще больше обостряло мою восприимчивость к Эриасу. Слишком обостряло!

— Лельвил, ваше надири, оказывается, скрывает еще и ваши объемы. Мало того, что вы гораздо стройнее, чем кажется, так еще и значительно легче? В чем секрет?

Его густой баритон прозвучал у меня над ухом, заставив вновь напрячься и медленно повернуть лицо в его сторону. Я столкнулась с синими глазами, в упор разглядывающими меня. Слишком близко и слишком тесно. И слишком опасно для моей миссии. Усилием воли разжала ноги, сцепленные вокруг его талии, и опустила их вдоль его ног, но он продолжал держать свою широкую ладонь на моих ягодицах — мало того что это неприлично, так еще и теснее прижал к себе. Ослабила хватку на его шее и переложила ладони на плечи, удивляясь их ширине и пытаясь сползти по нему вниз. Он как-то нехотя разжал хватку, и я медленно, ощущая всем своим существом каждый сантиметр его твердого крупного тела, сползла вниз.

Непривычно, возбуждающе и так волнующе — впервые испытываемые мной ощущения, и я старательно запоминала их. Вдруг это первый и последний раз, когда мне вот так повезет оказаться в непосредственной близости с этим потрясающим мужчиной, да и вообще с кем-либо мужского пола, кроме родни и телохранителей. Пусть даже из-за смертельно опасной ситуации, пусть...

Наконец, мои ноги коснулись пола, а его ладонь пропутешествовала с моих ягодиц на

спину. Мне повезло в очередной раз, что Эриас не видит моих пламенеющих щек, но зато пристально следит за выражением глаз. А я вглядывалась в его глаза, замечая, как расширяется зрачок, как уменьшается синяя радужка, и как трепещут крылья носа. Интересно, что это означает? Хрипло прошептала сорванным от крика голосом:

— Спасибо за то, что спасли меня... снова.

— Вы не ответили на мой вопрос... снова.

Я неосознанно, испуганно бросила взгляд на кровать, где так и лежал пояс с драгоценными перпили. И он поймал этот выразительный испуганный взгляд. Медленно отстранился, скользнув руками по моему телу, а потом, сделав пару шагов, оказался возле кровати. Я на подгибающихся от пережитых волнений после как плохих, так и приятных событий, рванула к кровати. Но было уже поздно.

Он взял его в руки, заметно удивившись, что пришлось приложить очень приличные усилия, чтобы поднять. Присел на кровать и начал внимательно рассматривать пояс, в котором находилась свобода Карияра. Сердце бухало от напряжения и страха — никак не хочется оказаться разоблаченной. Он потребует объяснений и еще неизвестно как отнесется к моей миссии. Я подобралась к нему практически вплотную, не зная на что решиться. То ли просто потребовать убраться, что практически нереально и не в моих силах, то ли падать в ноги и умолять не трогать пояс. А сама ругала себя что есть сил. Ведь Лиси же предупреждала об этом, приказала не снимать, а я размякла от безопасности и усталости, расслабилась и забыла обо всем.

— Что это? Что вы там спрятали? — подозрительный тихий голос полоснул по нервам плетью и заставил вздрогнуть. Мы столкнулись взглядами. Пронзительный синий смешался с умоляющим голубым в молчаливом противостоянии. Но победа была не на моей стороне, синий не дал даже шанса на малейшее сопротивление.

— Прошу вас оставить все как есть. Это не относится к вам, Эриас Танг. Не несет опасности и принадлежит моей семье.

Сузив глаза и чуть приподняв в мрачной ухмылке уголок губ, он повторил холодным, нет, скорее ледяным голосом:

— Что это?

Меня уже трясло. Он проверит сам, это не вызывало сомнений. В голове метались мысли: "Что делать? Что делать?" Я решила на часть правды:

— Это залог свободы для моей семьи и моего народа, командор. Если я не прибуду на Карияр... в течение пары месяцев, нас сметут имперцы. Станем прислугой императора, свихнувшегося на идее мирового господства, решившего подмять под себя вселенную и нас в том числе.

— Какое отношение твоя семья имеет к свободе всего Карияра? И ты лично? — Он молчал, поглаживая ремень, и пристально смотрел на меня.

— Прямое! — У меня скулы от отчаяния свело при ответе на этот вопрос и осознания возможных последствий раскрытия государственной тайны.

— Что ты прячешь под этой маской? — Снова его сверлящий подозрительный взгляд, который пытается пробраться мне в голову и узнать все мои секреты. — Только не ври в этот раз.

Внезапно осознала, что стою в одном надири перед чужим мужчиной и чувствую себя практически голой. Быстро схватила платье и, отвернувшись от него, чтобы скрыть стыд в глазах, оделась. Потом, все еще не поднимая глаз, снова повернулась и тихо сказала:

— Я клянусь, все что касается надири — правда. Все девушки до замужества по закону Карияра обязаны носить его. И только жених может дезактивировать этот покров, принеся брачные клятвы, окропив энергозамок своей кровью как залог своих намерений и подтвердив их отпечатком пальца и голосом. Под надири я скрываю только свое тело, чтобы выбравший меня мужчина сделал выбор не благодаря сиюминутному порыву, а по велению души и сердца.

Командор продолжал сверлить меня взглядом, при этом перебирая пару звеньев пояса. Потом отнял руку и положил ладонь мне на талию, заставив затаить дыхание и, не отрываясь, смотреть в его глаза. Подняв вторую руку, так же положил на другую сторону, практически соединив пальцы, такая тоненькая у меня талия, или у него большие руки. Потом словно уронил их, скользнув по тихо прошуршавшей ткани платья и прижимая ее к моим ногам. Изучая!

— Такая хрупкая, но такая стойкая... В эту каюту кроме тебя и меня, как командора корабля, без твоего разрешения больше никто не войдет. Не таскай эту тяжесть на себе, никто не прикоснется к твоему поясу. Обещаю.

Отмерла и постаралась скрытно выдохнуть, почувствовав, что от облегчения сейчас взлечу. Но частичка сомнения еще осталась:

— А вы, командор? Как быть с вами...

Снова молчание и пристальный синий взгляд, а его ладони по-прежнему прижимают платье к моим икрам, заставляя остро чувствовать их на теле. Он все еще решал для себя можно ли мне доверять, но потом твердо ответил:

— И я тоже не прикоснусь!

Снова мой облегченный радостный выдох, который не остался им не замеченным. Он встал слишком быстро, чтобы я смогла отойти. В итоге, я вновь уперлась носом ему в грудь и пошатнулась. И снова его руки на моей спине, прижимают к его груди, и его пряный аромат касается моих ноздрей. Отстранилась, а Эриас явственно хмыкнул и пошел к дверям. А я испугалась. Качнувшись к нему и, протягивая руку, жалобно прохрипела:

— Эриас? — Он обернулся, приподнял черную бровь и ждал, когда я, замывшись, выдавлю: — Мне страшно...

— Не бойся... Лельвил, теперь тут безопасно. Когда будешь готова выходить, набирай на консоли цифру один, я буду присылать тебе сопровождение, если ты боишься ходить по коридорам.

Я сжала руки, в напряжении слушая его, а он, отметив этот жест, попытался успокоить дополнительно. Чем немало меня порадовал и удивил.

— Если все пойдет по плану и не возникнет непредвиденных сюрпризов, мы починим пару движков самостоятельно и сможем выйти на орбиту, откуда пошлем сигнал о помощи. Через неделю. Если нет, то в любом случае нас будут искать. Возможно, на это уйдет чуть больше времени. Но ты в безопасности при любом исходе.

Я расслабилась и улыбнулась ему глазами:

— Спасибо, Эриас!

— Не за что... Лельвил!

Он специально подчеркнул голосом переход на "ты" и имена, создавая между нами своеобразную интимность. Ниточку, которая связывает только нас двоих. Я не спускала с него глаз, пока он нажал на консоль, и дверь отъехала в сторону, выпуская его. Он уходил, а мне стало снова неуютно и не по себе. За дверью в напряжении переминался с ноги на ногу

Асиандр, Трил же подпирали стены, сложив руки на груди и сверля мрачным взглядом пространство перед собой, а Джар стоял спиной к двери, явно сдерживая этих двоих и не позволяя зайти внутрь. Странно!

Как только Эриас вышел, не обращая внимания на моих телохранителей, оба зашли внутрь, оглядываясь по сторонам. Дверь закрылась, и Трил осторожно спросил, впервые за все время нашего знакомства внешне не проявляя негатива по отношению ко мне. Наоборот, чувствовалось непривычное волнение и беспокойство.

— С вами все в порядке, принцесса? Нам сообщили, что на вас было совершенно нападение одной из тварей.

Я устало присела на край кровати, сложив руки на коленях. Как только Эриас покинул каюту, он словно забрал оставшиеся у меня силы и уверенность. Я неосознанно прикоснулась рукой к тому месту на поясе, которого касался командор.

— Эриас успел вовремя и спас меня. Меня не съели, но перепугали основательно. Ему пришлось посидеть со мной, пока я приходила в себя от ужаса. — Не знаю почему, но неожиданно подняв лицо и в упор посмотрев на Трила, вызывающе заметила: — Мне не стыдно за эту слабость. И он ни разу не упрекнул меня.

Трил сжал челюсти, отчего губы вытянулись в ниточку. Потом так же неожиданно для меня и наверное для себя пробормотал, усиливая звук голоса, с непередаваемой болью выплескивая накопившееся:

— Я ее любил, принцесса. Истинно любил, но не имел на нее права. Жил ею и слеп следовал за ней. Простите меня за все. Сейчас я сам боюсь... Боюсь жить дальше. А раньше страшился, что она найдет другого, что не смогу жить, деля ее с другим. До ужаса боялся себя и того, на что был готов пойти ради нее. Клянусь звездами, я праздновал смерть ее мужа, напиваясь до беспамятства... Я видел ее недостатки, но любовь слепа, сiera, она прощает многое, если не все. Так что я не лучше вас, если не хуже, ведь вы не прячетесь за масками. Вы добрая и цельная натура, и рядом с вами любой будет счастлив. Ваш род... положение... не позволяют вас узнать чуть ближе и понять, насколько вы прекрасны внутри. Простите меня за слепоту, если сможете. Вы можете рассчитывать на меня... в любом деле.

Я в шоке смотрела на гордого сильного мужчину, который всегда ходил исключительно с поднятой головой и прямо глядя в глаза даже моему отцу. Сейчас же его опущенные плечи и склоненная голова свидетельствовали, что он практически сломлен. И в ужасе вспомнила, как заставила его укладывать тело сестры на кровать и поправлять ее голову, а ведь это был последний момент, когда он навсегда запоминал любимую. Значит черные круги под глазами, ввалившиеся щеки и пустота в глазах — не признак усталости от работы здесь, а последствия перенесенного им горя.

Я встала и, приблизившись к нему, крепко обняла, прикинув всем телом, а потом, не сдерживаясь, зарыдала, сквозь слезы пытаюсь говорить:

— Прости меня... Я так и не сказала ей, что все равно люблю... Ничего не сказала хорошего... Мы ругались в тот момент, а потом удар и... Так ужасно и тишина, а я зову, а она молчит... И этот хруст, когда мы ее укладывали... И никогда больше не увижу... не скажу... не объясню... Каждую ночь этот хруст в кошмарах и каждая новая смерть... И так больно... И страшно...

Мы оба стояли несколько минут, я слышала, как тихо ушел Асиандр, а потом в тишине раздался надрывный мужской всхлип Трила. Мы оба рыдали, прижавшись друг к другу, а затем он еще дольше сидел возле кровати прямо на полу, и пока я засыпала, рассказывал про

Лиси кучу историй, о которых я не знала или не слышала. Рассказал как впервые увидел ее, став личным телохранителем, как влюбился в нее и ревновал к мужу. Много рассказывал, пропустив только интимные отношения между ними, но я поняла, что они были. Уже слишком много он о ней знал, и слишком личным было его отношение к ней, слишком собственническим. Да и Лисиана вела себя с ним не так как с другими, только я раньше на это не обращала внимания.

Уже сквозь дрему почувствовала, как он легонько погладил меня по голове, а потом встал и вышел из комнаты. В эту ночь кошмары мне не снились, похоже, я их все выплакала.

Как же трудно оказалось нажать на консоли цифру один. Услышав тягучий мужской баритон Эриаса, я задрожала и проблеяла, что готова идти работать. Секундное молчание, потом он резко сказал подождать. Я ходила из угла в угол уже пару минут, когда дверь отъехала в сторону без моего разрешения, и по ту сторону увидела командора. Мы несколько мгновений смотрели в глаза друг другу, словно вчерашнее событие изменило все и навсегда, мы заново познакомились, искали путь к новому общению.

Сейчас его крупное тело, облаченное в военную форму, которая только добавляла ему значительности и внушительности, пронзительный взгляд, которым он сверлил меня, пытаюсь разгадать мысли, морально давили на меня. Заставляли чувствовать себя неловко, вызывая смущение и в тоже время странное возбуждение. Это чувство заставило задаться вопросом: 'Что отличает его от других, встреченных ранее мужчин? Почему именно на него так остро реагирует мое тело, и так трепещет сердце?' Его хрипловатый голос прервал наше молчаливое переглядывание:

— Пусть новый день будет добрым для... вас. — Шаг назад или проверка моего отношения? Изменилось или нет.

— Пусть он будет не менее хорошим и для тебя, Эриас.

— Ну что ж, Лельвил, пойдем, я провожу тебя к рабочему месту.

В этот момент он опустил взгляд вниз и заметил на мне пояс. Его лицо тут же омрачилось.

— Я же дал тебе слово. Не веришь... мне?

Сложная проверка, учитывая что на кону, но ведь никто не мешает ему забрать пояс любой момент. Я сглотнула вдруг ставшую горькой слюну, бросила взгляд на потемневшие синие глаза, а потом, решительно вернувшись в каюту, присела на кровать и, с трудом сняв пояс, положила его под подушку, за неимением более подходящего места. Снова ощущение, что взлетаю, и уже легкой грациозной походкой подошла к своему герою. При этом поймала его одобрительный взгляд, наблюдающий за покачивающимися в такт шагам бедрами. О-о-о, этот взгляд заставил сбиться с шага и позволил родиться странному восторгу внутри — непривычному и в тоже время долгожданному. Осталось только молиться, чтобы не ошибиться, не обмануться, не потерять все, поставив на обманку. Чтобы отвлечься, спросила:

— Как ремонт продвигается?

— Согласно графику...

Так мы шли и болтали ни о чем те минуты, которые нам потребовались, чтобы дойти до пищеблока. Нас провожали любопытными взглядами, и я представляла, как мы выйдем в их глазах. Мрачный, опасный и довольно крупный командор в темно-синем костюме офицера военного флота и я рядом, в темно-синем длинном платье с разрезами по бокам для удобства ходьбы и вся закрытая в надири.

Стало неприятно и больно, наверное они видят только экзотическое пугало. Плечи поползли вниз, так же как и настроение. Смешно сказать — наследная принцесса Карияра мечтает о командоре военного корабля доргаров, не противника, но и не союзника. И еще смешнее, что ее надежды, скорее всего, абсолютно беспочвенны и напрасны.

— Что-то случилось... Лельвил?

Подняв лицо к Эриасу, грустно усмехнулась, но ведь он этого не увидит, а потом постаралась уверенно сказать:

— Нет... Эриас, со мной все в порядке.

Заглянув мне в глаза, командор не изменился в лице, но глаза заметно потускнели. Наверное, ему неприятно смотреть на мою постоянную черную маску. Спас от дальнейшего разговора конечный пункт нашего пути — пищеблок. Коротко попрощавшись, он быстро удалился, заставив меня тяжело вздохнуть и отбросить глупые надежды.

Тяжелая, но любимая и необходимая работа забрала все мысли на время. В итоге, когда подошло время завтрака, я испуганно вздрогнула от неожиданно раздавшегося голоса Турига:

— Рад видеть вас в здравии и на рабочем месте. Даже не рад, а счастлив, что ваши нервы гораздо крепче, и всякие инопланетные твари не сломили ваш твердый дух.

Я даже смутилась от подобной похвалы, поэтому не подумав, ответила, все еще наблюдая за приготовлением последнего блюда:

— В этом не моя заслуга, это все командор. Он спас меня, успокоил, а рядом с таким мужественным доргаром мне было слишком стыдно и неловко долго раскисать и плакать. Так что благодарите командора за его стальные нервы, меткость при расправе с тварью и мягкость в отношении такой слабой особы как я, позволившие мне быстро прийти в себя и приступить к работе.

— Ну что ж, это мне в радость, и не трудно выразить ему благодарность лично от себя и, думаю, от всего экипажа.

Сложная гамма чувств, прозвучала в голосе Турига — этаким коктейль из капельки недоверия, насмешки и большого уважения, заставили меня обернуться и заметить командора, стоящего в дверях. Выглядит бесстрастно, но я заметила, как сжались в кулаки его ладони. Почувствовала себя неловко, ощущение, что занималась чем-то запрещенным или постыдным. Перебрав в уме фразу, немного успокоилась — вроде нет. Командор прошел к своему столу, а за ним — довольные Джар и Верния. Тщательно скрывая улыбки, но лукаво поглядывая на Эриаса, добавили от себя:

— О, мы тоже хотим выразить вам, командор, личную благодарность за вашу меткость и стальные нервы, но главное, за мягкость. Подобную характеристику вашему характеру или поступкам, правда, дают впервые, насколько я знаю и помню, так что это вдвойне повышает рейтинг нашей благодарности.

Командор направил на пилота мрачный и жесткий взгляд, но Джар только расплылся в еще большей ухмылке, а Верния старательно пытался его обыграть, улыбаясь еще шире.

— Э-э-э, может, вы сами возьмете, что хотели бы поесть? Мне надо сходить в хранилище.

Я опасалась, что эта ситуация куда-нибудь не туда свернет и, не выслушав ответ, рванула на выход, но меня остановил вкрадчивый голос Эриаса.

— Сиера, Туриг вас проводит, и впредь без помощника там не ходить. Я же просил вас об этом.

— Ах, да! Запомняла немного. Впрочем, это не к спеху и может подождать, пока Туриг позавтракает.

Ох, и зря я это сказала, потому что теперь уже четверо мужчин заинтересованно уставились на меня, немилосердно раздосадовав. Меня удивляло, что такая здравомыслящая и весьма осторожная женщина как я, всегда и везде старавшаяся не уронить лицо или не

показать своих слабостей, в присутствии командора Танга тут же терялась или тушевалась. Пока его не было, я разговаривала привычно доброжелательно, учтиво, но слегка снисходительно.

Мое положение и власть, данные от рождения, въелись с молоком матери. Да, необычная ситуация, опасная обстановка, и все произошедшее ранее и даже то, что может произойти дальше, заставляли нервничать и чувствовать неуверенность. Но я все равно с любым из доргаров, даже с Асиандром или Трилом чувствовала себя на ступеньку выше. Но только не с Эриасом. С ним я чувствовала себя слабее, чем на самом деле, нуждаясь в его силе и защите. Смотрела, задирая подбородок, не только потому что он выше ростом, он изначально выше меня, причем превосходя по всем позициям и внутренней силой, и уверенностью тоже.

Постаралась не смотреть на него, наконец, вспомнив, кто я такая вздохнула, и холодным тоном спросила:

— Что-то хотели спросить? Нет? Ну, тогда, я думаю, сами обслужите себя. У меня на разговоры времени нет... в отличие от вас.

Брови пилотов приподнялись, но они, уловив мое настроение, молчком поднялись и, самостоятельно накрыв на стол, сели завтракать. А у меня, пока они тут сидели, все время чесалась спина, будто ее сверлили взглядами. Или одним, но очень пронзительным.

Ближе к обеду я впервые побывала в медотсеке. Пришлось кормить раненых, и я, к своему ужасу, выяснила, что за эту неделю там побывали многие из тех, кто стоял в охранном контуре, защищая работавших снаружи на ремонте корабля.

Планета очень старалась уничтожить незваных гостей, а сами пришельцы выцарапывали с боем каждую возможность, чтобы привести "Дезерот" в рабочее состояние. Пока я на кухне лясы точу и витаю в облаках, эти мужчины каждую минуту рискуют жизнью. Но самое страшное, что командор тоже становится в оцепление, как и остальные. И рискует жизнью больше других. Двоих раненых именно он спас и прикрыл от нападения. И они об этом говорили как о довольно обыденном явлении, поведав мне еще кучу историй, как командор защищал, помогал или вытаскивал из жутких ситуаций, смертельных ловушек или просто жизненных невзгод.

Обратно я ехала по коридорам на каре и, зависнув в своих мыслях, практически не замечала окружающих. Такой мужественный, значительный, умный и сильный мужчина как Эриас стал бы идеальной парой для меня в глазах княжеской семьи и даже всего Кариара. И даже его происхождение и положение в своем обществе, уже не играли большого значения. Как не так давно папа сказал об Асиандре, его мужественность смогла бы прикрыть мою слабость в глазах народа. Если он так сказал о телохранителе, даже такого уровня как Асиандр, то что бы он сказал, если бы я привела в дом в качестве мужа командора боевого корабля класса С, самого молодого за всю историю доргаров, которым восхищаются его подчиненные и уважает высшее руководство...

Лично мое восхищение им росло в геометрической прогрессии и скоро грозило перерасти в нечто большее и слишком глубокое, и неуправляемое разумом. Только сердцем. Внутри все завибрировало от страха, безумие даже мечтать о таком мужчине для себя, но желание уже пустило крепкие корни в душе, заставляя надеяться. Мечтать и планировать....

Возле пищеблока, к своей неожиданной радости, встретила ожидающих меня телохранителей. Они пришли на поздний обед и, судя по серым костюмам из аварийного рюкзака, которые они так же как и я прихватили с собой с "Крусона", их нынешняя смена

проходила снаружи. И мое сердце сжалось в тревоге за них.

Подхватив впервые в жизни этих мужчин под локти (да и вообще кого-то, кто не включен в число моей семьи), улыбаясь, зашла внутрь. В пищеблоке снова обнаружился Туриг, который жевал и одновременно спорил с механиком из своей бригады. Они яростно обсуждали различные способы ремонта двигателей после ударной волны имперцев. Как я поняла из короткой перепалки, способов было мало, а выбрать надо было один, потому что второго шанса исправить уже не будет. Дойдя до точки кипения, оба неожиданно успокоились и бросили на меня сконфуженные взгляды. Наверное, снова решили, что от их воплей и ругательств я грохнусь в обморок. Стало очень любопытно встретиться с доргарками. И узнать, что это за чудо такое нервно-тревожное, раз их мужчины даже голос повысить не смеют.

Накрыв на стол, я присела пообедать вместе с Асиандром и Трилом.

— А как карьерки себе мужей выбирают?

Туриг весело и заинтересованно пробежался взглядом по нам троим. Аси лишь усмехнулся, не прекращая есть, Трил нахмурился и тоже уткнулся в свою тарелку, а я аккуратно промокнула салфеткой губы и решила ответить, заметив, что и второй механик с горячим любопытством прислушивается к нашему разговору. "Я для них за эту неделю стала главной сказочницей", — мысленно усмехнулась от этой мысли.

— Мужчина должен быть смелым, твердым в своих убеждениях и стремлениях, сильным.... Ну, таким же как и женщина, и ни в чем ей не уступать.

— Это быть наравне с женщиной? — недоуменно-изумленный голос второго механика прервал мой монолог. Он все же не утерпел и вмешался с выводом. — Наши женщины, похоже, сильно отличаются от ваших...

Асиандр все же не утерпел и тоже подключился, но бросив на меня короткий взгляд, смущенно добавил:

— Практически все, хотя есть исключения из правил и у нас.

Слава звездам, после знакомства с доргарами и особенно с Эриасом, я уже не так болезненно воспринимала подобные замечания. Туриг прищурился и хитрым голосом спросил, улыбаясь глазами:

— А вы, баронесса, как мужчину себе выбираете?

Трил до сих пор молчаливый и индифферентный ко всему, осадил любопытного механика, оторвавшись от еды:

— По тем же позициям, что она уже перечислила, но тебе, доргар, ничего с ней не светит. Глава рода баронессы не позволит мужчине неблагородного происхождения стать парой своей дочери...

Я недоуменно посмотрела, на еще больше помрачневшего Трила и, все еще улыбаясь, пожала плечами и заметила:

— Ну, вообще-то папа перед отлетом хотел сосватать меня за Асиандра, потому что он отличается умом, сообразительностью и смелостью... — заметила, как побледнел Асиандр, услышав мое признание, и поспешила его успокоить: — Не волнуйся, такой подарочек тебя миновал. Я ему объяснила, что приглашена на вашу свадьбу с Ринис. И что мы друзья... — Опустила глаза, упершись ими в стол и не решаясь, посмотреть на него.

— Не сомневайтесь, сiera! Мы с Ринис — ваши самые преданные друзья. Что бы не случилось. — твердо сказал он, не медля положив на мою затянутую в надири ладонь свою, стараясь поймать мой взгляд.

Я вздохнула, расслабившись, и улыбнулась ему глазами. Но тут Трил опять высказался:

— Вы что-то путаете сiera... Ваш отец очень тщательно следит за чистотой крови и на подобный мезальянс никогда бы не согласился.

Я удивленно посмотрела на него, а потом, пожав плечами, встала, направляясь в кухню, чтобы налить горячего бодрящего напитка нам с Асиандром. В еде и напитках у нас очень схожие вкусы. Как и с Эриасом...

— Мой отец — самый ярый защитник наших законов, Трил. Как он может пойти против главного из них? Истинная любовь — превыше предрассудков. Да и он всем нам твердил, что старую кровь изредка требуется разбавлять свежей и сильной, чтобы она не заплесневела и не заостенела...

Пока наливала напиток, в голову пришла невероятная по своему содержанию мысль, и у меня вырвалось:

— Так вот почему... вы не оформили союз...

Я с содроганием посмотрела в лицо побледневшего Трила, уже понимая, что права в своих догадках. Его лицо посерело, а глаза окончательно потухли. У меня в груди все замерзло и больно стало. Эх, Лиси, Лиси, как же ты проморгала такую любовь? Как ты могла обмануть его чувства, надежды... Глядя на застывшего скорбным изваянием мужчину, прохрипела:

— Прости... Послушай, я знаю, ты для нее особенный. Был и останешься особенным. Это тебя отличает от других. Все бы изменилось, будь второй шанс. Нужно было немного времени, и решение созрело бы, я уверена...

— Нет, моя любовь не была нужна тогда, как я понимаю, сiera. А сейчас никому не нужна и подавно. Мне не за что прощать вас, это не ваша вина. Я был слеп из-за своей любви. А теперь она умерла и забрала с собой все мои чувства. Простите меня еще раз, сiera Лельвил, за то... За все!

Он встал, тяжело опираясь на ладони, а потом удалился, по дороге натолкнувшись на Эриаса, стоявшего в дверях пищеблока, широко расставив ноги, и с мрачным выражением лица наблюдающего за нами троими. Аси тоже встал, провожая друга взглядом, а я, столкнувшись с холодными глазами командора, сжалась. Показалось, он меня за что-то осуждает. Хотя вопрос "за что?" я ему задать так и не смогла.

С трудом дождалась вечера и последнего члена экипажа, который, закончив поздний ужин, ушел в очередную смену. Несмотря на предполагаемый поздний час, отдыхать ушли только те, у кого сейчас перерыв между сменами, остальные в авральном режиме работали, не покладая рук и ног. Сновали мимо по коридорам роботы-ремонтники и уборщики, хотя многих из них отключили для экономии энергии. За неделю я привыкла к доргарам, кораблю, рабочей обстановке, успокаивающей деловой суете. Меня не раздражала кухонная работа, и я не считала, что она унижает мое достоинство. Она приносила моральное удовлетворение и чувство причастности.

На плечи легли чьи-то тяжелые большие ладони, заставив вздрогнуть и резко повернуться. Хвала вселенной, пояса на мне не было, хотя я часто бегала проверять его наличие и неприкосновенность в каюту. Именно из-за этого снова стала легкой и подвижной. Развернувшись, уткнулась в широкую грудь в синем офицерском мундире и, запрокинув голову, уставилась в темное от усталости лицо командора Танга, с черными кругами под глазами. Если остальные отдыхали, то себе подобной роскоши он не позволял, торопился везде и все успеть, чтобы, наконец, выбраться с этой дикой опасной планеты.

Я так и застыла, упираясь ладонями ему в грудь, и пытливо, но неуверенно всматриваясь в его уставшие синие глаза, которые сейчас горели странным лихорадочным огнем. Одна ладонь так и осталась на моем плече, а второй он устало потер темную трехдневную щетину, а потом попытался пригладить короткий ежик черных волос на затылке. Немного сжал мое плечо и мягко поинтересовался:

— Сильно устала?

У меня от его присутствия настолько близко пропал голос, поэтому лишь отрицательно мотнула головой, продолжая внимательно смотреть на него, поглощая его образ и сохраняя в памяти. С каждым днем расставание приближалось, и мне становилось больно и обидно.

— А может, ты меня покормишь тогда? — Мягкий усталый голос потрясающего мужчины вызвал желание немедленно двигаться, чтобы исполнить его просьбу. Позаботится о нем.

— Да, конечно, я сейчас, — Легко кивнула головой и, отступив на шаг, кинулась накрывать на стол.

Он смерил меня долгим задумчивым взглядом, прошел к столу и сел. Я не успела разобрать выражение его глаз, но как только закончила суесться возле него, он поймал меня за руку и тихо попросил:

— Может, посидишь со мной немного? — Снова впадаю в секундный ступор, а потом неуверенно киваю и устраиваюсь напротив, с присущим принцессе достоинством, складывая руки на коленях и выпрямляя спину. И снова его усталый голос. — А ты не хочешь? А то мне неудобно...

— Нет, спасибо, я уже поужинала, но с удовольствием посижу с вами.

Он приступил к еде, а я наслаждалась, украдкой наблюдая как он ест, аккуратно держа вилку, как губы обхватывают кусочек мяса, скользя по вилке... Как двигаются высокие скулы... Он поднял глаза и в упор посмотрел, поймав мой любопытный взгляд.

— Вы когда-нибудь любили... мужчину?

Я даже рот приоткрыла от изумления. Еще не придя в себя, на автомате ответила покачиванием головы, а потом прочистила горло и ответила:

— Нет, командор. Никогда. Только членов своей семьи.

— Так это правда, что вы не вышли замуж только потому, что вы чего-то боитесь? Что абсолютно естественно, как мне кажется, для женщины.

Я напряглась сначала, а потом расслабилась, услышав его последние слова. Меня странно расположил этот слишком интимный разговор при "вечернем" освещении в пищеблоке, и мы вдвоем...

— Да, Эриас, это правда. В отношении основных достоинств для любого карьерца я ущербна.

Он снова недоверчиво оглядел меня, при этом продолжая медленно есть.

— А как на Карьере воспринимают межрасовые браки?

Я напряглась, ощущая, как надежда неуверенно всколыхнулась во мне. Очень тщательно взвешивая каждое слово, выговорила:

— Ну, насколько мне известно, согласно теории Древних о заселении различных миров со схожим геномом, то мы не очень-то и отличаемся друг от друга.... — В этом месте, я некстати вспомнила планы императора. — По крайней мере, император Хартана очень умело пользуется этой теорией и результатами многих исследований, подтверждающих ее, чтобы подмять под себя всех в известных на данный момент галактиках.

Эриас задержал вилку на весу, слушая мой злобный выпад в сторону империи, а потом улыбнулся одними глазами:

— Вижу, это для вас больной вопрос?!

— Скорее насущный, я бы сказала.

Эриас нарочито медленно кивнул, соглашаясь. А потом снова принялся за еду, предварительно напомнив:

— Вы не ответили на первый вопрос. Как на Карияре относятся к межрасовым бракам?

Я смутилась вновь и тихо ответила:

— Положительно. Новая кровь усиливает генофонд населения планеты. Так думают не только простые граждане Карияра, но и правящая семья.

Он аккуратно собрал приборами остатки еды со своей тарелки, удовлетворенно выдохнул и, дожевав, заметил, вызвав у меня желание выпятить грудь колесом от гордости:

— Вы великолепно готовите. Я еще ни разу в жизни не ел настолько вкусно приготовленную еду. Даже моя матушка не сравнится с вами, Лельвил. Для любого доргара у вас имеется довольно много достоинств и талантов, чтобы ими гордиться. Или чтобы удачно выйти замуж...

Последние слова меня смутили, а вообще, надоело муссирование моей холостяцкой жизни. Раз он может ее обсуждать, значит, и я могу затронуть его личную жизнь:

— А вы, Эриас, любили?

Довольство с его лица сползло, сменившись напряжением. Прищулив свои глубокие синие глаза, снова откинулся на спинку стула, наблюдая за выражением моих глаз, и ответил:

— В своих первых серьезных отношениях, возможно, да, тем более было от предательства. Но тогда я был слишком молод и быстро справился... Во второй раз скорее скучно было, а женщина оказалась весьма настойчивой в стремлении исполнить свою мечту стать женой военного... Показать всем свою смелость... В итоге, мои кости мыли все кому не лень. Сейчас мне сорок восемь, и я понимаю, что это не возраст, чтобы думать — жизнь уходит, но мое положение и работа заставляют по-другому оценивать свою жизнь и иначе расставлять приоритеты. Я, скажем так, домашний человек, но у меня кошмарный характер. Я слишком большой собственник, чтобы делиться с кем-то своей женщиной... — Твердый взгляд на меня и он продолжил признания: — Я вспыльчив, обладаю бешеным темпераментом, которым не всегда получается управлять...

Затаив дыхание, я слушала его откровения, а он неожиданно резко подался вперед и, изумив меня, а возможно и себя, мягко погладил меня по щеке, скрытой тканью надири.

— Меня все время мучает вопрос — какая на ощупь твоя кожа? Мне кажется, нежная, как лепесток цветка.

Я не прервала эту неожиданную ласку, лишь хрипло спросила:

— Разве это так важно? Вдруг я злая или...

— Нет, Лель, ты мягкая, добрая, нежная и заботливая. Приручила за неделю весь мой экипаж, столько мужчин в одной женщине не могут ошибаться. Так что на этот вопрос я уже получил ответы, а теперь мне интересно другое. Слишком много вопросов по поводу тебя!

Последнее замечание, заставило меня напрячься:

— Ты еще плохо меня знаешь. На самом деле я — открытая книга, мои братья говорят, что у меня все написано на лице и только благодаря надири могу скрывать свои маленькие секреты. Я не несу ни тебе, ни твоему кораблю, ни Доргару никакой угрозы. Лишь хочу

помочь своей семье и Карияру. Как умею и как могу. — Решила, что сейчас лучше прервать разговор, а то он выведает у меня все что захочет, поэтому лучше сбежать под благовидным предлогом: — Прости, но я устала и хочу отдохнуть у себя в каюте.

Встав под его напряженным взглядом, направилась к выходу, но все же обернулась и лукаво произнесла, отметив внезапно вспыхнувшие яркими искрами синие глаза:

— И да, моя кожа очень нежная!

В каюту я скорее летела, нежели шла. И буквально светилась от собственной смелости и бесшабашности. Заснула впервые за эти дни с улыбкой на лице и внутренним спокойствием.

Я только успела проснуться и умыться, как раздался вызов от двери. Нажав на консоль, увидела мрачное лицо Джара, тут же принявшее нейтральное выражение.

— Сиера Лельвил, вас просят в медотсек. Ваш телохранитель ранен. Сейчас за вами....

Я уже не слушала дальше, открыв дверь, побежала к медотсеку. А в голове крутилась страшная мысль: "Что я скажу Ринис, если с Асиандром, что-то случится плохое?"

На максимальной скорости влетела в медотсек и остановилась, замерев от удивления и облегчения. Асиандр стоял возле одной из функциональных кроватей, на которой лежал Трил. В данный момент его сканировали на предмет повреждения внутренних органов или кровотечений. Голубой луч в последний раз пробежался по обнаженному телу мужчины, прикрытому до пояса тонкой простыней, и меня поразила его бледность и несколько ран, которые, судя по всему, совсем недавно обработали медицинским клеем для заживления. Кровь смыли, но она все равно кое-где осталась. Бросив еще один очень внимательный взгляд на Аса и убедившись, что с ним все в порядке, я подошла к ним и обратилась к Трилу:

— Как ты себя чувствуешь?

— Нормально, сиера, вам нечего беспокоиться и вообще не стоит здесь находиться.

— Ты на меня все еще злишься? Презираешь?

— Нет, сиера. Глупости, да и вообще, ошибки я два раза не повторяю.

Он смотрел в потолок, игнорируя меня, а мне было неловко и вместе с тем больно за него.

— Трил, может тебе вкусенького принести?

— Сиера, со мной все будет хорошо...

— Да? Тогда какую черную дыру ты полез в ту свару? Там бы и без тебя разобрались, а ты рискнул... собой? — Асиандра даже трясло от возмущения и злости, а может и страха за жизнь друга. — Что, жить надоело?

Трил дернулся, а я прижала ладонь к животу, почувствовав, как там все скручивается в узел. Уже не обращая внимания на медперсонал, застывший неподалеку и дающий нам возможность поговорить, Асиандра, который стоял рядом, присела на край кровати и, заглядывая в карие глаза Трила, наполненные не только физической болью, спросила:

— Ты хотел умереть?

Он снова дернулся, но глаз не отвел. Смотрел прямо в глаза и честно ответил:

— Еще вчера хотел. Слишком больно жить, когда чувства умерли, сердце молчит, а глаза больше никогда не увидят. Но после вчерашнего разговора... не знаю. Неприятно сознавать, что твою любовь предали или отвергли. И ввалили прямо в глаза. Я хотел носить на руках, боготворить, любил бы до гробовой доски, но вы вчера ответили на все мои вопросы. Я чувствовал и, думаю, знал правду, но боялся посмотреть ей в глаза.

Он протянул руку и коснулся моей щеки. Медленно погладил, потом уронил ее на кровать с застывшей маской боли на лице.

— Больше не боюсь. И спасибо, что вынули эту занозу из сердца. Жить буду, если звезды позволят. Не бойся маленькая, твой страх за меня беспочвенный.

Я обхватила его ладонь руками и, прижав к своей груди, убежденно сказала. Он должен был поверить, чтобы нормально жить дальше.

— Запомни, Трил, любовь была, я видела, и она останется с тобой теперь уже навсегда.

У нас у каждого свои недостатки и слабости, почему ты так строго судишь? Думаю, что все бы со временем изменилось к лучшему. Тебе надо простить и отпустить, и помнить только хорошее.

Я постаралась говорить уверенно, не вспоминая, что Лисиана жила только своими интересами или, как она считала, интересами народа. Ни о том, что она запросто бросила бы Трила, променяв его на императора, или на кого-то еще значительного, или нужного, я думать не хотела. Она умерла, а этот мужчина передо мной еще жив, и жить ему надо без темной тучи чужого предательства или боли утраты.

— Я так понимаю, ЭТОТ мужчина и ваш телохранитель, и неудачливый любовник?

Я повернула голову на холодный голос командора, который пустил мое сердце вскачь одним своим видом, и немного удивленно воззрилась на него. Асиандр побагровел от гнева, Трил, наоборот, побледнел, но его глаза засверкали на обескровленном лице. До меня, наконец, дошел смысл.

— Я не понимаю вашего вопроса, командор. И почему вы пришли к подобным выводам?

Он слегка наклонил голову к плечу, приподнял бровь и насмешливо изложил свои домыслы:

— Ну как же? Вчера, как я понял, вы отказались принять его чувства. А сегодня уже обхаживаете раненого неудачника и прилюдно ласкаетесь с ним. Просите прощения...

Асиандр открыл рот, чтобы возмутиться, я подбирала слова, чувствуя обиду, но нас опередил Трил. Он вытащил руку из моих ладоней, мимолетно погладив, успокаивая, и ответил:

— Вы ошиблись с выводами, командор. И я догадываюсь, что вам помешало сделать правильные выводы из услышанного и увиденного. Сиера Лельвил непорочна, и надири это доказывает. Если бы лучше знали карьерцев, то в этом не сомневались бы. Просто поверьте мне на слово, Танг. Я люблю... любил погибшую совсем недавно... сестру сиеры. С ее смертью выяснил некоторые нюансы, которые меня совсем не обрадовали, но... это уже не важно. Хм-м-м, баронесса Раус помогла мне найти смысл в дальнейшей жизни, командор, и не заслуживает ваших насмешек и ехидства. Вы совершаете ту же ошибку, что и я в первые минуты нашего с вами знакомства... Я учел ваши замечания, надеюсь, и вы прислушаетесь к моим.

Командор стер с лица насмешку, буркнул извинения и, резко развернувшись, покинул помещение под удивленными взглядами своих подчиненных. Да и нашими тоже. Мы с Асиандром еще недолго посидели рядом с Трилом, но все трое чувствовали внезапно возникшую неловкость. Каждому из нас надо было подумать о своем и поразмыслить. Асу уже пора на смену, и я попросила его побережься, напомнив о Ринис. Тот, помрачнев, согласился с легкой доброй усмешкой. Трил тем временем заснул, а я пошла, заниматься завтраком.

— Ну что, госпожа Лельвил, мы смогли починить один из малых орбитальных движков. Правда, командор хочет для надежности попытаться еще один отремонтировать, чтобы не рисковать, так что еще немножко времени — и мы сможем взлететь навстречу звездам и подальше от этой мерзкой планеты.

Туриг весь светился, рассказывая эту новость, которая заставила загореться радостью мои глаза, а потом сжаться сердце. Я смогу добраться до Карияра и помочь своей семье, но потеряю шанс построить отношения с Эриасом Тангом. Эх, мне бы еще немного времени и опыта общения с мужчинами, чтобы завоевать его сердце...

— Я рада, Туриг, спасибо за прекрасную новость.

Весь день провела как на иголках в ожидании появления командора. Я уже не помнила про злые слова в медотсеке, не задумывалась над тем, почему стоит ему появиться рядом, теряюсь и забываю кто я такая. Мне нестерпимо хотелось увидеть его, узнать как у него дела, но, по разговорам остальных членов экипажа, выяснилось, что он сегодня полдня провел снаружи. Стало страшно за него. Пришел Джар и, быстро пообедав, забрал с собой поднос с едой для командора. Грустно.

Снова вечер и тишина в пищеблоке. И снова кто-то спит, а кто-то рискует жизнью, работая снаружи и во внутренних технических отсеках, получивших большую часть повреждений. Надо идти спать, усталость накатила тяжелой волной, но я ждала до последнего, в надежде что он придет как вчера. Я чуть не подпрыгнула от страха и неожиданности, когда большие руки сжали мои плечи, не давая двигаться. Сердце заколотилось в груди, но тихий голос командора прогнал страх:

— Прости меня, Лель! — Я молчала, не вырываясь из его захвата, стояла и слушала его бархатный голос с рычащими нотками. — Прости за утро, за грубость... Решил, что ты... играешь нами двумя, когда слышал обрывки вашего вчерашнего разговора, а потом и его утренние откровения. Не хочу ошибиться в третий раз, боюсь... — Он повернул меня лицом к себе и, приподняв мой подбородок, заглядывая в глаза, опять спросил: — Простишь?

— А почему боишься? — мой хриплый голос поразил даже меня.

— Думаю, в этот раз пережить будет сложно... предательство и измену.

— Я не играю, Эриас! Просто не умею и не хочу этому учиться. И предавать я тоже не умею и учиться не буду! Жизнь и так сложная штука, чтобы запутываться в ней еще больше.

Он сверлил меня взглядом, потом, передернув широкими плечами, будто сбрасывая с них тяжелый груз, вкрадчиво произнес:

— Ну что ж, я рад, что в этом наши взгляды тоже совпадают...

Верния влетел в пищеблок в тот момент, когда командор, обхватив мое лицо, большими пальцами поглаживал щеки через надир. Эриас молча обернулся к нему, а тот, заметив меня за крупным телом командора и нашу интимную позу, словно споткнулся. Спрятав удивление, коротко пояснил свое появление:

— Э-э-э, командор, там... прорыв... новый... возле второго двигателя...

— Проводи сиеру в каюту. Группа готова?

Получив утвердительный кивок Вернии, Танг на мгновение повернулся ко мне и ласково провел по щеке ладонью:

— Иди спать, Лель, ты устала.

Я не успела ничего сказать, потому что Эриас буквально выбежал из пищеблока, оставив меня на Вернию. Испытывая страх уже за командора, спросила прерывающимся голосом:

— Скажите, Верния, это серьезный прорыв? Как велика опасность и...

— Нет, госпожа. Совсем маленький и не опасный. Все будет хорошо, там целая бригада ремонтников и штурмовая группа зачистки. Все будет хорошо.

Меня терзали сомнения и страх, но широкая улыбка мужчины, причем довольно искренняя, убедила.

Ночь прошла в тревоге, и меня вновь мучили кошмары. А утром встала разбитая и не выспавшаяся. Смыв в душе ночные кошмары, взбодрилась, медленно заплела косы, уложив привычными кольцами вокруг головы, и пошла одеваться.

Весь завтрак ждала прихода командора, но он так и не появился. Сегодня все ходили мрачные, усталые и не выспавшиеся. Проведала Трила в медотсеке и отметила, что там прибавилось несколько раненых. Но меня успокоили, что погибших нет, и командора там тоже не было, значит с ним все в порядке. Джар появился к обеду вместе с Туригом и впервые за две недели молчаливо и задумчиво ковырялся в тарелке. А командора все не было.

Ужин заканчивался, когда появился Верния с темными кругами под глазами, быстро поел, а потом обратился ко мне с просьбой:

— Госпожа, подготовьте для командора поднос с едой, а то он не сможет на ужин прийти.

— А... Что-то случилось? — Я застыла, прижав руки к животу.

— Его ранили ночью, он у себя в каюте лежит. Пришел в себя и его бы покормить...

— А можно я сама схожу?

Мужчина улыбнулся и только кивнул головой, отметив лихорадочный взволнованный блеск в моих глазах:

— Я думаю, госпожа, он будет рад видеть именно вас.

Я уже не слушала Вернию, начала суетливо собирать еду. Загрузив поднос, что называется с горкой, под насмешливым взглядом пилота уже собралась выходить. Но он подхватил поднос и, бросив взгляд на гравитележку, сказал.

— На своих двоих быстрее выйдет. Я вам помогу.

Как потом выяснилось, он был прав.

Каюта командора оказалась гораздо больше моей, как и его кровать. Он лежал спиной к нам, поэтому не сразу понял, что я тоже пришла. Верния поставил поднос на столик и спешно вышел, оставив меня наедине с Тангом. Двери закрылись, а я продолжала стоять и растерянно смотреть на мощную обнаженную спину Эриаса, пока он не повернулся, теперь уже демонстрируя голую широкую грудь, гладкую и смуглую может от природы, а может от загара. Сглотнув, подняла взгляд выше и уперлась в синие глаза Танга, в которых плясали маленькие довольные искорки. Он приподнял руку и заложил ее за голову, заставив литые плиты мускулов на своей груди прийти в движение и перекатываться, словно показывая мне их мощь и силу.

Мамочка моя, как же умудриться приручить ТАКОГО мужчину? Спрятав руки за спину, я все стояла посреди каюты и теперь откровенно пялилась на полуобнаженного мужчину. Великолепный экземпляр мужественности и мужской стати. И внутреннее содержание как нельзя лучше соответствует внешности.

— Покормишь меня? А то видишь, я немного не в форме, — тихий завораживающий голос отвлек меня от созерцания великолепного тела и заставил смутиться.

Я кивнула и, опустив голову, прошла к столу. Поднос разместила прямо на кровати рядом с командором, но все гадала, куда именно он ранен.

Похоже, он разгадал мои мысли:

— Ногу зацепили, эти с крюками. Сам виноват, не заметил вовремя. Ничего, заживет быстро. Уже завтра смогу встать, — он ухмыльнулся и грустно заметил, — зато отоспаться можно, раз ходить пока нельзя. — Я открыла крышечки пластиковых тарелок и, в принципе, уже можно было оставить его одного, но мне так не хотелось уходить. — Посиди со мной Лель! Если ты не против.

Я осмотрелась, табуреток или стульев не увидела, Лишь большое кресло возле стола,

поэтому присела на краешек его кровати. Он принял сидячее положение, стараясь оберегать левую ногу, пока устраивался поудобнее, значит именно она пострадала. Он ел, и я тоже почувствовала голод. Еды на подносе было явно на двоих, и мы оба, улыбаясь глазами, трапезничали, и мне показалось, что еще больше сблизилась во время позднего ужина вдвоем, когда между нами поднос с едой и отнюдь не тяготившее молчание. Отправив вилкой мясо в рот, он прожевал его, а потом потянулся ко мне и откусил от моей булочки, которую я держала на весу, пережевывая кусочек. При этом его синие глаза сверкнули озорством, а в уголках глаз проявились морщинки-лучики.

Я замерла от такого жеста, не ожидая подобного, а потом грудь затопили тепло и нежность к этому мужчине. Я уже не сомневалась, что он нужен мне. Весь. Навсегда. Так сильно, что перехватывало дыхание. Чуть подалась вперед, поднесла свою булочку к его рту и с восторгом наблюдала, как его пухлые губы и белые зубы отхватывают еще один кусочек. При этом он наблюдал за выражением моих глаз. На его губе осталась крошка, и я следила за ней взглядом, непроизвольно сглотнув и облизав открытую часть своих губ. Очень хотелось попробовать на вкус его губы и слизнуть эту крошку. Так увлеклась, что не сразу заметила, как он переместился и немного отодвинул поднос, удаляя между нами препятствие.

Потом, обхватив меня за талию, передвинул ближе к себе и захватил мой затылок в плен своей широкой ладони, приближая к себе. Встретился с моим изумленным взглядом, а потом выдохнул мне в губы:

— Не могу пока проверить, насколько нежна твоя кожа, но вкус твоих губ я выясню.

Я послала импульс надири и чуть освободила рот, чтобы полнее ощутить свой первый в жизни поцелуй. Мои губы покалывало горячими иголочками, пока он покусывал их и пробовал на вкус. Потом его язык скользнул внутрь моего рта и словно захватчик бросился исследовать его изнутри и хозяйничать. Эриас все сильнее прижимал мою голову уже обеими руками, словно опасаясь, что я отстранюсь или сбегу.

Неумело, но очень старательно повторяла его действия, одновременно изучая искусство поцелуя и наслаждаясь горячим ртом со вкусом булочки с ванилью. Вцепилась в его плечи и с отчаянием застонала, что не могу из-за надири почувствовать его кожу, ее гладкость и жар. Погладить, ощутить ее. Он оторвался от меня и горящим взглядом посмотрел в мои затуманенные глаза.

— Тебе не нравится, Лель?

Я могла лишь кивать и мотать головой, не зная как лучше ответить. Провела ладонью по его гладкой сегодня щеке. Похоже, он побрился не так давно. Заметив не верящий взгляд, пояснила, как смогла в этот момент, чувствуя, как слезы собираются в уголках глаз:

— Проклятое надири!

Он сделал движение, чуть переместившись еще ближе ко мне. Отчего простыня съехала, оголив часть раненой ноги, покрытой на вид жесткими черными волосками. Но вид этой мускулистой волосатой ноги только подстегнул мое воображение и желание, пожаром бушевавшее во мне. Хотя я и девственница, но в наше время на Кариаре в школе преподают анатомию с подробными иллюстрациями и пояснениями — что, как и почему. А главное, как все происходит. Так что проблем с определением, отчего это у меня так низ живота ноет, и почему так грудь напряглась — нет. И странное дело, Эриас — не первый увиденный мною обнаженный мужчина, но на других я так не реагировала. Вон и Трил лежал полуголый недавно, и надо честно отметить, что он красивее, чем командор, но я чувствовала лишь жалость и сочувствие к нему. А здесь страсть в чистом виде, причем

выключающая разум практически полностью. Ох, мамочка, как же быстро я о чести забыла!

— Хочу его снять, Лельвил!

Я испуганно посмотрела на него, а он крепко держал меня за затылок, не давая отстраниться и сверлил взглядом.

— Ты знаешь, как это можно сделать! Либо убить меня, либо...

Он понял недосказанное.

— Скажи как точно!

Я расширившимися глазами смотрела на его внезапно помрачневшее лицо и синие глаза, которые сейчас потемнели до цвета грозовых туч.

— Видишь этот кулон, — Он кивнул, посмотрев на фиксатор с замком, расположенный у меня на груди. — Надо немного твоей крови и отпечаток с твоим пальцем. Обмакнешь в кровь и приложишь в центр фиксатора, затем выскажешь свои намерения голосом. Если ты будешь уверен в том, что говоришь и внутренне согласен с этим утверждением, замок считает твою ауру и как последний аргумент к крови, голосу и отпечатку примет твою брачную клятву... или нет. Если "да", то он загорится красным цветом. Тогда надири можно дезактивировать безопасно для меня.

Эриас долго смотрел на фиксатор ничего не выражающим взглядом, потом посмотрел мне в глаза:

— Я - не подарок! Если ты согласна на брак со мной, — он замолчал и посмотрел на меня, я же кивнула, напрягая деревянную шею, — то предупреждаю — тебе придется принять меня всего. Как есть! — Он сам неожиданно для меня нервно сглотнул, а потом продолжил говорить мрачным голосом и очень напористо, не отпуская мой взгляд: — Я хочу тебя, при этом не зная как ты выглядишь, это что-то внутреннее... Как только подумаю о тебе или увижу — схожу с ума от желания. Между нами секс будет не по твоему расписанию, а как мы оба захотим. А я хочу часто и подолгу!

Теперь я нервно сглотнула, но молча слушала дальше.

— Я постараюсь не обижать, не сделаю больно никогда... кроме первого раза... — Он протянул руку и погладил мое лицо через это ненавистное надири. — Тебе нечего бояться, я никому не позволю причинить тебе вред. Но к сожалению, у меня есть недостатки: бешеный темперамент, слишком сильный собственнический инстинкт, я не смогу стелиться перед тобой или прогибаться. Если ты хочешь именно этого, то тебе придется выбрать другого мужчину, который гораздо лучше меня умеет ублажить женщину. Боюсь, со мной твой психологический комфорт будет под угрозой....

— А ты спокойно отнесешься к тому, что я выберу другого, если меня что-то не устроит... в тебе?

Он еще больше потемнел и, смерив меня мрачным взглядом, процедил:

— Ну, думаю, в плане других доргаров я бы решил проблему. Практически уверенно могу сказать, что если бы ты приняла подобное решение, то я бы устранил всех желающих... снять твое надири.

А у меня от его слов, только что крылья не выросли. Пусть не слова любви, но и не равнодушное предложение о замужестве.

— Тогда меня устроит тот доргар, который сидит сейчас рядом.

Я излучала всем телом удовлетворение и, судя по тому как просветлело его лицо и потеплели глаза, возвращая глубокий синий цвет, мой ответ его порадовал.

— Лель, но тебе придется покинуть Карияр и жить вместе со мной на Доргаре.

— Я понимаю и согласна, но сначала мы должны прибыть на Карияр для заключения брака. Причем публично и абсолютно законно. Это важно для меня, — ответила, тяжело вздохнув.

— Зачем? Точнее, почему именно публично?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я понимала, что сейчас должна довериться ему, либо потом возникнут большие проблемы. Именно поэтому опять тяжело вздохнула и, сжав руки на груди, начала рассказывать:

— Я - младшая принцесса Рандованс. Две недели назад на этой планете погибла моя сестра Лисиана Рандованс — первая наследница трона. Из наследников остались мои братья-двойняшки, старше на четыре года, старший и теперь первый наследник Ронар и второй наследник Вацлав. Следующая и последняя пока я. Ты не карьерист, поэтому прав на трон иметь не будешь, получив статус консорта при мне, а наши дети станут наследниками первой очереди... если Ронар и Вацлав не произведут своих на свет. — Вид у Эриаса сначала озадаченный был, потом чрезвычайно серьезный, а я закончила: — Именно поэтому наш публичный брак так важен.

Он молчал пару минут, скорее всего переваривая услышанное, а я все это время не могла пальцы разжать, боясь, что вот-вот выпрыгнет сердце из груди или боль от страха и неуверенности разорвет его, перелившись через край.

— Невероятно... — наконец прозвучал его голос, — потерпеть крушение, выжить и найти в этом аду настоящую принцессу, нереально... но, если все, о чем ты сказала ранее — правда, то я обязан предупредить тебя.

— О чем? — с трудом выдавила я, ожидая всего чего угодно, после своего рассказа.

— Лельвил, я командор боевого корабля космического флота и хотя мой род довольно стар и известен, но на Доргаре нет аристократии. Мой отец служит в министерстве юстиции... министром. — Я ухмыльнулась этой заминке с министром. — Но эта должность, как ты понимаешь, не наследуется. Так что тебе достанется в мужья военный, и только от меня зависит, чего я в будущем достигну. У нашей семьи есть состояние, но оно не сопоставимо с вашими доходами и размерами...

— Не волнуйся, у меня значительное наследство. — При этом Танг поморщился, что заставило меня сказать следующее: — Эриас, брак — это прежде всего союз равных. Ты внесешь в наш союз силу, мужество, находчивость, безопасность нашей семьи ляжет на твои плечи. Почему я не могу вложить в нее что-то и от себя, например, наследство? Я не могу отказаться от того, кто я есть. Я не могу отказаться от наследия предков и моим детям не позволю тоже. Если ты требуешь принять тебя таким как есть, то и тебе придется сделать тоже самое по отношению ко мне. У меня будут обязанности перед своей родиной, а не только перед тобой и нашей семьей.

Он погладил меня по щеке, и я заметила, что даже разговор его уже немного утомил, но он явно хотел довести его до конца.

— Я согласен с тобой. Принимаю твои условия. Теперь очередь за тобой.

От такого резкого согласия, я даже опешила. Недоверчиво переспросила:

— Ты уверен, Эриас, что хочешь нашего брака?

Он мрачно усмехнулся, заставив меня напрячься, но потом его признание заставило снова почувствовать полет:

— Ты слишком глубоко пробралась ко мне в душу, так что я как никогда ранее и более

чем уверен, что хочу нашего брака больше всего в жизни.

Замолчав, он взял столовый нож и резанул по пальцу, заставив меня вскрикнуть от неожиданности. Он же, не обращая внимания, протянул руку и прислонил окровавленный палец к энергозамку у меня на груди. Затем, глядя в глаза, уверенно и твердо произнес:

— Клянусь своим именем и честью, что не обману доверия Лельвил Рандованс, принцессы Карияра и заключу с ней брачный союз при первой же возможности.

— Это все или надо еще что-нибудь сказать или сделать?

Я покачала головой и наклонила голову, рассматривая его палец, который упирался в фиксатор и вдавливал его мне в грудь. Скоро дырку сделает! Но замок загорелся красным, признавая законность помолвки и честные намерения командора Танга. Энергозамок обмануть невозможно, ауру не подделаешь, а это значит, что Танг действительно женится на мне, как только сможет. Что он тут же и подтвердил.

— Как только встану с кровати и смогу дойти до рубки, оформлю наш брак официально, по крайней мере, для доргаров. Как командор, я могу сделать соответствующую запись в бортовом журнале. Подобная регистрация имеет силу во многих мирах.

— Я знаю, Эриас, — кивнула головой, соглашаясь, — у нас есть такая же процедура на станциях-колониях.

Он молчал, глядя на меня, я потянулась к фиксатору, чтобы дезактивировать надири, но Танг остановил. Резко притянул к себе и, уложив на сгиб своей руки, прошептал:

— Давай скрепим нашу помолвку поцелуем.

Мы целовались, как будто больше не увидимся, мне так показалось. Действительно, очень темпераментный мужчина. Но через пару минут, наверное, отстранился от меня, с усмешкой заглядывая в глаза, и сказал очень хриплым голосом:

— Иди спать, моя сладкая девочка!

— В каком смысле? Здесь? — опешила от этого заявления.

— Нет, у себя в каюте. — Он довольно усмехнулся, нависая надо мной и, объяснил, окончательно смутив: — Как видишь, я не в форме сегодня, так что лучше подождать до завтрашнего дня и официального бракосочетания. А завтра, мы все сделаем как положено, и я буду готов. Полностью!

— Но... как же надири?

— Потерпи немножко, малышка. Если я сниму его сейчас, то за последствия не отвечаю... Точнее за себя, поэтому опять повторяюсь — лучше завтра.

Я даже немного обиделась. Вырвалась из его рук и спросила срывающимся голосом:

— Не боишься, что тебе достанется страшная жена?

— Лель, мне все равно как ты выглядишь. — Усмешка пропала из его глаз, зато появились тепло и нежность. — Ты прекрасна, в тебе горит внутренний свет. И для меня это главное. Ты забрала мою душу своим горячим добрым сердцем, девочка, и совсем покорила сладким ртом...

Он снова лукаво улыбнулся, а я расслабилась и поверила, что и мне, наконец, повезло встретить свою половинку. Хотя мне и не сказали ни слова о любви, и сама тоже не решилась. Снова захотелось к нему прикоснуться и почувствовать, не сдержалась, подошла и, медленно наклонившись, поцеловала его в губы, впитывая его запах и вкус. Потом удовлетворенно вздохнула и пошла к выходу, рисуя бедрами восьмерку и слыша неудовлетворенный рык, снова чувствуя, что сейчас взлечу от счастья.

— Моя маленькая сладкая проказница! — долетело до меня, когда двери уже

закрывались.

Развернувшись, чтобы идти к себе, встретила взглядом с Асиандром, подпирающим переборку у каюты командора. Окинув меня внимательным взглядом и остановившись на красном цвете энергозамка, мгновение помолчал, приходя в себя, потом спросил:

— Как положено?

— Ты же видишь его цвет и отпечаток крови!

— Почему тогда в надири?

Я смутилась, но ответила, чтобы снять все вопросы по этому поводу:

— Как и ты, он отложил все до официальной церемонии. Завтра мы оформим наш брак записью в бортовом журнале головного компьютера. К тому времени рана на ноге позволит ему двигаться свободнее...

Асиандр, услышав про рану, понимающе усмехнулся и хохотнул:

— А-а-а-а, ну тогда я понимаю, почему не сегодня... Пойдемте принцесса, провожу вас в каюту. Приятно проводить вас в последний день вашей незамужней жизни.

Я рассмеялась и, подхватив под локоть Аса, пошла вместе с ним. Но радость уступила место печали:

— Аси, как ты думаешь, мои не сильно расстроятся... Что я вот так... осмелилась через две недели после смерти Лиси... И замуж...

— Ее жизнь окончилась, но ваша — нет. Ожидание напрасно, ее не вернуть, а у вас чрезвычайные обстоятельства, они поймут вас. Не переживайте!

Я успокоилась и сказала, подбирая слова:

— Знаешь, Асиандр, Ринис несказанно повезло, да она и сама об этом знает. И было время, когда я ей завидовала... А теперь я встретила Эриаса и... И понимаю, что его стоило ждать и... я счастлива, несмотря ни на что.

— Вы ей завидовали? Из-за меня? — Асиандр изумленно посмотрел на меня.

Я улыбалась, глядя в его карие круглые сейчас от удивления глаза.

— А что? Ты красивый, умный, мужественный. Тебя очень уважает моя семья и даже папа. Я бы раньше никогда в этом не призналась, но сейчас сама люблю до безумия и, надеюсь, любима тоже... Поэтому могу признаться — раньше ты мне нравился.

Асиандр покачал головой, улыбаясь, а потом мы оба захохотали. Пара встреченных доргаров, проводила нас изумленными взглядами, а мы, не обращая внимания, прошли дальше.

— Знаете, принцесса, если бы я не встретил Ринис, однозначно влюбился бы в вас. Но она украла мое сердце и надежно спрятала. А еще я рад, что мы с вами друзья.

— Я тоже, Аси, вы с Ринис — мои единственные друзья и тем еще более ценные. Когда мы выбирались из того жуткого болота, я боялась, что ты погибнешь. И что бы тогда было с Ринис?

Мы еще поболтали, а потом разошлись по своим каютам, чувствуя радость на душе и покой в сердце.

Утро встретило не ярким сиянием звезды и пением птиц, а приглушенным искусственным светом и странным томлением во всем теле, которое еще помнило вчерашний поцелуй Эриаса, и предвкушением. Предвкушением чего-то невероятно прекрасного, чувственного и волшебного. Сегодня я впервые спала без надири вне стен резиденции на Кариаре и каждой клеточкой обнаженной кожи ощущала жесткую ткань постельного белья, чуть прохладный воздух кондиционера и жар своего тела.

Всего шесть часов без Эриаса, а я уже тоскую и до боли хочу прикоснуться к нему. Обнаженной рукой почувствовать его кожу, погладить, ощутить как под моей ладонью двигаются его мышцы, а его синие глаза не отрываются от моих голубых.

Хотелось произвести впечатление после дезактивации надири. Я нежилась в кровати и рисовала себе картинки предстоящих событий, и от этого захватывало дух. Вообще, со мной творилось нечто непонятное и невероятное. Сложно поверить, что еще две недели назад я была на грани, потеряв сестру и почти весь экипаж, меня чуть не сожрали местные твари, а сегодня заключу брачный союз. Союз с доргаром, о которых совсем недавно почти ничего не знала, откровенно боялась и не желала встретить их на своем жизненном пути. А сейчас я безумно влюблена в одного из них и уже не представляю жизни без него.

Резво вскочила с кровати, автоматически проверив ремень, а потом пошла в душ. Сегодня я с особой тщательностью вымылась, высушила волосы и уложила в косы полукругом, с замысловатым рисунком. Я трепетала в нетерпении встречи с любимым мужчиной, а душа пела от счастья. Не выдержала и закружилась по каюте, выплескивая радость в веселом смехе. Надири активировала уже скрепя сердце и с отвращением. Но ничего, скоро оно останется в прошлом.

Именно поэтому я сейчас не шла, а скорее плыла на волнах счастья к пищеблоку. Приготовила завтрак, поела сама и покормила экипаж, и все это время ждала командора, но он так и не появился. Лишь Джар, позавтракав, забрал с собой поднос с едой и молча удалился. Настроение стремительно падало, а сердце тревожно сжималось. Асиандр, заметив тоску в моих глазах, помрачнел, но ничего не сказал. Все еще бледный Трил медленно и осторожно присел за стол, стараясь не растревожить раны — восстановление шло своим чередом.

— Оказывается, вчера командора тоже ранили, — поделился с нами Трил. — Сегодня он с трудом добрался на своих двоих до медотсека на повторное сканирование. Ему повезло, чуть ноги не лишился, а так скоро бегать будет, везунчик. Сейчас он на биотерапии, восстанавливает поврежденные ткани.

Тревога сразу испарилась, и я с большим облегчением вздохнула. А то мысли — одна мрачнее другой — уже начали закрадываться в голову. Асиандр тоже посветлел, бросив короткий взгляд на меня. А потом, поймав недоуменный взгляд Трила, тихо, только для него, сказал:

— Вчера командор подтвердил кровью свои брачные намерения в отношении принцессы.

У Трила глаза на лоб полезли от изумления, но последовавшее от него заявление меня тоже удивило:

— Ну, вообще, это закономерно. Уверен, не только один я заметил особое

расположение командора к нашей сииере. Меня удивляет лишь скорость принятия им подобного решения. Похоже, его чувства более глубокие и сильные, чем я изначально предполагал.

Мы трое замолчали, а моя надежда на ответную любовь командора глубоко пустила корни.

Обед прошел все в том же ожидании Эриаса, но плакать уже не хотелось, я терпеливо ждала, чувствуя, как трепещет сердце, а глаза непроизвольно встречают каждого входящего в пищеблок. Ужин я снова готовила в тягостном напряжении, но как только закончила и присела за стол, сложив руки перед собой и опустив на них лоб от усталости и тревоги, на плечи уже знакомо легли руки командора. Медленно повернула голову и настороженно посмотрела на Эриаса, присевшего рядом. Он с мягкой улыбкой заглядывал мне в глаза. Лицо гладко побрито, а синий костюм сидит потрясающе, придавая внушительности и еще большей значительности.

— Ты еще не передумала, Лель? Соединять со мной свою жизнь?

Я отрицательно качнула головой, потому что горло неожиданно перехватило от непонятного страха.

— Я рад, моя принцесса! Ну что ж, пошли, нас уже все ждут в рубке.

— К-к-как все ждут? — Я даже поперхнулась. — Зачем?

Эриас нежно провел по щеке, затянутой в надири и, сверкнув синим пламенем глаз, ответил:

— Чтобы засвидетельствовать наш брачный союз.

— А ты... ты разве не хочешь посмотреть сначала, как я выгляжу?

— Нет, я люблю тебя, моя девочка. — Лучики-морщинки разбежались из уголков его глаз, когда он улыбнулся открытой ласковой улыбкой. — Такой странный сюрприз преподнесли мои душа и сердце. Влюбиться в принцессу-карьерку. Но я действительно люблю и изменить уже ничего не могу, да и не хочу. А если дезактивирую надири сейчас, то просто утащу к себе в каюту и сделаю своей.

Мои глаза округлились в изумлении, губы сложились в большую букву 'о', а легкие загорелись от недостатка воздуха, наверное, я не дышала, слушая его признание.

— Правда, любишь, Эриас?

— Правда, моя девочка, и клянусь черной дырой, не знаю, почему это случилось со мной. Когда увидел твои глаза в первый момент нашей встречи, никак не мог забыть. Страх и боль в них странно тревожили, причиняя боль и мне. А потом, с каждым днем, с каждой проведенной с тобой минутой становилось все хуже. Когда на тебя напала та тварь, думал, сам умру от страха, что с тобой могло произойти. А твое тело в моих руках ощущалось как собственное продолжение. Как родное и самое необходимое...

Взяла его ладонь и, прижав к груди, выдохнула:

— Я тоже тебя люблю. Влюбилась не сразу, но с каждым днем чувствовала, как словно прирастаю к тебе.

Танг положил на затылок руку и привлек к себе, впиваясь горячим поцелуем, сминающим губы. Обняла его за шею, прикикая всем телом, но слишком увлечься нам не дал раздавшийся кашель. Мы медленно отстранились друг от друга, неохотно разрывая объятия, а потом уставились на непрошенного и нежданно появившегося в дверях Асиандра, который к тому же еще и строго смотрел на командора. Тот только насмешливо хмыкнул на попытку телохранителя выступить в роли в строгого опекуна. После поднялся и предложил мне руку,

в которую я вложила ладонь. Пока шли к рубке, я заметила, что он сильно хромает.

— Все еще очень болит?

— Нет, любимая! Но потребуется еще несколько дней, чтобы вернуть эластичность мышцам и былую подвижность ноге. — Он бросил на меня внимательный взгляд, словно пытаясь сквозь надир прочесть мои мысли по этому поводу, и шепнул на ухо: — Сегодня меня это не остановит. — И я счастливо сжала его ладонь.

В рубке нас встретила большая часть экипажа, который с любопытством и весьма заинтересованно наблюдал за нами, пока мы проходили к ручному интерфейсу основного блока головного компьютера.

Держа Эриаса за руку, я скользила, шурша юбкой своего второго, впервые одетого здесь голубого платья, между рядами мужчин, облаченных в синюю форму звездного флота Доргара. Внутренний, глубинный страх, что сейчас все изменится, и союз не состоится, терзал изнутри, но стоило моему взгляду подняться от пола и увидеть доброжелательно улыбающиеся лица окружающих, а затем остановиться на смуглом лице командора, которое дышало уверенностью и силой, страх отступил, и я расправила плечи. Командор отпустил мою руку и, подойдя к интерфейсу главного компьютера, начал вводить туда информацию. Сильные длинные пальцы, казалось, летали по энергетической панели. Наконец, он закончил и, бросив на меня горящий взгляд, последний раз прикоснулся к ней и произнес:

— Я, Эриас Танг, командор боевого корабля 'Дезетор' класса С космического флота Республики Доргар, подтверждаю заключение брачного союза от сего дня согласно стандартному космическому летоисчислению. Брачный союз заключен между мной, Эриасом Тангом, гражданином Республики Доргар и... — В этот момент он бросил веселый взгляд на остальных, замерших с восторженными улыбками, плотно стоящих полукругом вокруг нас. — ...младшей принцессой княжеского рода Рандованс, третьей наследницей трона Карияра. Клянусь хранить ей верность, защищать до последней капли крови и обеспечить комфортные условия для дальнейшей жизни как ей, так и нашим детям.

Он замолчал и, как мне показалось, с облегчением и удовлетворением оглядел свой потрясенно выдохнувший экипаж, явно довольный произведенным эффектом. Повернувшись ко мне, хрипло произнес:

— Теперь твоя очередь для клятв, Лель. Если ты еще не передумала. Но не забудь мои слова... Сколько и когда захочу, всегда вместе и только моя.

Я смутилась, вот зачем об этом сейчас говорить и так подстегивать чужое любопытство, но задрала голову и тоже твердо и уверенно произнесла:

— Я, Лельвил Рандованс, баронесса Раус... — Решила все не перечислять и сократила. — ...младшая принцесса Рандованс, третья наследница трона Княжества Карияр, даю согласие на брачный союз с Эриасом Тангом, гражданином Республики Доргар, командором боевого корабля 'Дезетор' космического флота, клянусь хранить Эриасу Тангу супружескую верность, — пришлось уточнить какую именно, ведь я наследница трона другого мира, а жизнь длинная, — любить, уважать и заботиться о его комфорте и наших будущих детях. Блюсти интересы нашей семьи на уровне не меньшем, чем интересы трона Карияра.

Эриас напряженно посмотрел на меня, сощулив глаза, но я все так же твердо смотрела на него. И тихо сказала:

— Я заранее поставила тебя в известность, Эриас, кто я такая. У меня есть долг не только перед тобой, но и перед своим народом. Но... я же люблю тебя... а ты меня?

Он расслабился и, снова завладев моей рукой, прижал к своему телу. Я очень уютно уместилась у него под боком, а он, жестко посмотрев на своих подчиненных, приказал, ни к кому конкретно не обращаясь:

— Необходимо подтверждение свидетелей с полными данными...

— Я, Асандр Верн Кабуций младший, подданный Княжества Карияр, подтверждаю законность проведенного брачного союза, подлинное единение и добровольное согласие на союз с Эриасом Тангом, гражданином Республики Доргар младшей принцессы Княжества Карияр Лельвил Рандованс.

— Я, Трил Хаурос, подданный Княжества Карияр, подтверждаю законность проведенного брачного союза, подлинное единение и добровольное согласие на союз с Эриасом Тангом, гражданином Республики Доргар младшей принцессы Княжества Карияр Лельвил Рандаванс.

— Я, Джар Сигур, старший пилот боевого корабля 'Дезетор' космического флота Доргара, личный номер КР ВиН пятнадцать тысяч триста восемьдесят девять, подтверждаю законность заключенного брачного союза между...

И так еще пятьдесят девять членов экипажа 'Дезетора' засвидетельствовали наш брачный союз, а бесстрастный голос головного компьютера завершил церемонию и признал нас официальной супружеской парой. Мужчины ринулись друг друга поздравлять, будто это не я замуж вышла, а они, потом молча уставились на нас с предвкушающими ухмылками.

Ага, ждут, когда я сниму надири. Очередного представления ждут...

Эриас хмурился все сильнее, окидывая взглядом замерший в ожидании экипаж, властно притянул меня, приподнял подбородок и впился в мой рот очень собственническим поцелуем. Я, снова почувствовав его вкус и жар, поплыла, повиснув на нем, забыла обо всех, пока до меня не донесся оглушительный рев и громкие поздравления. Уткнувшись в грудь теперь уже законного мужа, боялась посмотреть на народ, который смеялся и подшучивал над нами. Кто-то уже настойчиво требовал снять надири и показать личико жены командора. Эриас слегка нахмурился и потемнел лицом, а потом, подхватив меня на руки, понес прочь из рубки, не обращая внимания на раненную ногу.

Оказавшись в каюте Танга, скользнула с его рук и замерла напротив. Он смотрел пристально, без улыбки, но в его глазах начинал разгораться странный пожар, черты лица заострились, а полные губы сжались в тонкую линию, как будто он усилием воли сдерживает себя от чего-то. Заволновавшись, до дрожи в коленях испытывая новый страх от того, что сейчас должно произойти, ведь я тайно мечтала об этом, рисовала в своем воображении. Присела на кровать, сложив руки на коленях.

Эриас тоже подошел, замерев прямо передо мной, нависая своим крупным телом. Кончиками пальцев на руках коснулась плотной ткани его форменных синих брюк, но не смогла прочувствовать ее на ощупь, надири мешало. Зато взглядом пропутешествовала уже в который раз по его ботинкам, длинным мощным ногам, обтянутым тканью, полам кителя до середины бедра, скользнув взглядом выше, достигла широкого ремня, на котором крепился боевой нож в чехле и бластер с другой стороны, который он сейчас медленно отстегнул и положил на подставку в изголовье кровати. Пока он наклонялся, я снова восхитилась, как тугие мышцы перекачиваются под тканью. Затем за бластером последовал ремень, а в следующий момент Эриас сел рядом со мной, заглядывая в глаза. Я затрепетала от возбуждения и предвкушения. Нестерпимо хотелось увидеть его довольную улыбку на лице, после того, как избавлюсь от надири. Ведь моя семья все время твердила, что я красива, и

даже бесподобная Лиси, оказывается, завидовала.

Нежно провел по моей щеке большой ладонью, лаская, медленно спускаясь к фиксатору на груди. Я уже дрожала от желания, а он в этот момент нажал на замок. Никакого эффекта.

— Что-то не то? Как его убрать? — Заданный непривычно хриплым голосом вопрос и удивленный взгляд, немного привели меня в чувство. Я усмехнулась и мысленно дезактивировала надири.

— Теперь все правильно! — я тоже прохрипела в ответ.

Заворожено смотрела, как надири, словно специально дразня нас обоих, медленно, открывая сантиметр за сантиметром, поползло с моих конечностей, черной лужицей собираясь в фиксатор.

Синие глаза Эриаса вспыхнули восторгом, когда он увидел белоснежную кожу на моих руках, тонкие запястья, изящный изгиб шеи и полукружья груди в декольте, а затем горячий восхищенный взгляд застыл на полностью открывшихся лице и волосах. Раздавшийся в тишине сигнал известил, что фиксатор полностью дезактивировал надири, и теперь я абсолютно открыта ему, на мне лишь легкое платье и тончайшее нижнее белье.

Я улыбнулась и заглянула в глаза Эриасу, ожидая увидеть восторг, а увидела... мрачную убийственную холодность недовольства. Неосознанно подняла руки, снимая заколки-магниты с волос, и мои золотые косы скользнули вниз, падая привычной тяжестью на колени. В приглушенном искусственном свете они таинственно поблескивали, но это только усилило мрачность и непонятное недовольство на лице мужа. А когда он, продолжая рассматривать меня, рукой пошарил у себя на поясе, а потом, будто вспомнив что-то, дотянулся до подставки и сгреб к себе бластер, ужас прошел мою грудь, и я рванула в сторону. Прижавшись к стене и едва шевеля онемевшими от страха губами, выдавила:

— Неужели я так некрасива, что ты решил меня убить?

Эриас в первую секунду с недоумением посмотрел на меня, а потом перевел мрачный взгляд на бластер, который сжимал побелевшими от напряжения пальцами. Потом снова перевел взгляд на меня:

— Красивая! Даже слишком красивая. И это не для тебя... это для других... охочих до чужого добра....

— Командор Танг, вас вызывает старший пилот Джар, — неожиданно прервал его бесстрастный голос бортового компьютера

У Эриаса злобно поджались губы, а крылья носа затрепетали, словно он глубоко дышит, чтобы успокоиться.

— Вызов принимаю. Соедините.

Резко встал и, отойдя на пару шагов, повернулся ко мне лицом. Каюту разрезал голографический экран. Я видела лишь голубой свет, зато Эриас — говорившего, как и тот его.

— Простите, командор... что прерываю, но нас нашли!

— Докладывай!

— Это 'Ревага', на связи командор Сваро, он хочет переговорить с вами перед вылетом к нам с ремонтной бригадой.

Глаза Танга довольно блеснули, а потом он сделал очень глубокий выдох, при этом бросив на меня совсем уж мрачный взгляд.

— Соедини!

Мою радость от долгожданного известия омрачили лишь напряжение и тревога от

непонятной реакции Эриаса на мою внешность. Вновь наступившую тишину в каюте нарушил громкий, веселый и странно лающий мужской голос:

— Приветствую тебя, Танг, давно не виделись, старина. Когда вы пропали с радаров, я уж было расстроился, что больше никогда не смогу посидеть с тобой за кружечкой 'Саше'... А что это у тебя лицо такое мрачное, или ты не рад видеть мою симпатичную морду, друг?

Эриас криво усмехнулся, но стоило ему вновь взглянуть на меня, скривился, словно съел кислоты какой, и перевел угрюмый взгляд на изображение.

— Я, конечно, рад, что вы нашли нас так быстро и твою... морду видеть тоже рад, Сваро. Но очень надеюсь, что с этого дня ты не забудешь о том, что прежде всего мой друг, а не мужчина... — Я отметила, что мой муж буквально сверлит собеседника взглядом. — И подбери челюсть, уверен, скоро ты поймешь, о чем я сейчас говорю. Надеюсь, ты мое предупреждение запомнишь, когда мы встретимся, да и на будущее тоже...

— Знаешь, Танг, может пока вы падали, ты себе голову отбил... Ты такой странный... и подчиненные твои толком не сказали, почему не могут напрямую соединить с тобой. Я думал, что любой доргар способен на странные поступки, все, но только не ты. Ты настораживаешь меня, друг.

— За меня не волнуйся, с головой все в порядке, — он снова бросил скептический взгляд на меня, потом продолжил, — ты на подлете?

— Да! Танг, я надеюсь, ты расскажешь, что там у тебя происходит?

— Не сомневайся... даже покажу... придется. Если другие не успеют меня опередить и рассказать, то ты сильно удивишься моему сюрпризу. До встречи!

Прозвучал другой голос, и я поняла, что теперь на экране снова Джар. Эриас жестко приказал:

— Борт командора Сваро принять и приступить к окончательной ликвидации последствий аварии! Молча! — дальше уже компьютеру. — Отключить!

Экран исчез, а Танг мрачно уставился на меня:

— Мне надо идти. Как ты поняла, нас нашли... разведывательный корабль доргаров. Надо их принять и проследить за ремонтом, и пора уже отбыть отсюда.

Все это время я сидела и дрожала, только уже не от вожделения и предвкушения, а от обиды, непонимания и страха. Его реакция на мою внешность была столь необычна, непонятна и совершенно не предполагалась, поэтому сейчас, слушая его и глядя в холодные синие глаза, которые даже потемнели от непонятных мне эмоций, хотелось вскочить и позорно убежать. Закрыться в своей каюте и никого больше не видеть. Но я сделала усилие над собой, решив, что правильнее будет все выяснить и разобраться, чем остаться со своими страхами наедине, поэтому тихо спросила:

— Мне можно пойти с тобой?

Он еще больше потемнел и неожиданно спросил:

— А ты можешь его опять надеть?

Я опешила, при этом чувствуя, как меня охватывают боль и гнев:

— Что именно?

Он сжал челюсти и выдавил из себя:

— Надири!

Это был последний удар, который прорвал плотину моего гнева и обиды:

— Я носила его двадцать лет, Эриас! Да, кроме семьи меня никто не видел, но я слишком похожа на сестру и мать и достойна того, чтобы меня ХОТЯ БЫ считали милой.

Про красивую я уже молчу, но настолько страшной, чтобы смотреть и кривиться от отвращения, я точно не выгляжу. Я Рандованс, и моя честь не позволит скрывать свое лицо после замужества. Это означало бы, что я боюсь или стыжусь его. Мне нечего стыдиться крови, которая течет во мне. И бояться тоже нечего... Я устала бояться, Эриас. Я люблю тебя, но если тебе даже смотреть на меня противно, то я не настаиваю на продолжении. Ты свободен, впрочем, как и я! В этом нет проблемы.

Я слишком привыкла полагаться на надири, которое скрывает мои мысли, мои эмоции, мои чувства, а сейчас словно обнаженная перед ним без защитной черной маски. Я привычно играла голосом, совсем забыв, что он видит меня насквозь и может читать все, что я чувствую, у меня на лице. В этот момент я думала только о том, что я проиграла, даже так удачно начав. Печальный факт, что от меня отказался муж через несколько минут после дезактивации надири, опозорит окончательно. Меня, которая и так ущербна, внешность не спасет от отчуждения и пересудов. Каждый на родине будет гадать, что же еще я скрываю, что от меня — невиданное дело — отказался даже муж, сняв надири. Скрывать это бессмысленно. Всем заткнуть рты невозможно, и правда всплывет когда-нибудь, причем в самый неожиданный момент. Именно поэтому вторым девизом нашего рода стало: 'Используй правду как оружие, ложь — это дорога слабых и путь к поражению.'

Я проиграла свое будущее, а ведь утро было таким радушным и предвкушающим, обед — томительным, а вечер — сладким и будоражающим мои самые сокровенные чувства и желания. Итогом дня стал мой позор. Как же тяжело осознавать беспросветное будущее. Если бы не была такой трусливой, отвезла бы перпили на Карияр отцу, а потом... Потом бы нашла способ уйти из жизни, не опозорив княжескую семью. Но я слишком люблю жизнь, даже такую, которая теперь ожидает.

Тяжело встала, опершись о край кровати, тело не слушалось, но я взяла себя в руки и двинулась мимо слишком пристально наблюдающего за мной Эриаса. Словно хищник следит за самонадеянной добычей и готовится напасть. Он не дождался момента, когда я поравняюсь с ним, сам сделал пару стремительных шагов и схватил меня за плечи, слегка встряхнув, заставляя откинуть голову, чтобы посмотреть в глаза. А потом хриплым, слишком напряженным голосом заговорил, словно пытаюсь достучаться до неразумного:

— Ты устала бояться, а я не привык к этому. Понимаешь, совсем не привык бояться. Страх потерять женщину, вообще, впервые изведаль. И ты его причина, Лельвил. В первый раз я даже не любил, но испытывал сильные чувства, и мне было больно, когда она предала... бросила и ушла. А ты другое дело, Лель. Я опрометчиво надеялся, что надири скрывает обычную милую девушку, и я могу рассчитывать на спокойную счастливую жизнь с тобой. Но теперь я понимаю, каким глупцом был... Лель, я люблю тебя слишком сильно, действительно люблю. Если ты уйдешь, я просто сдохну... загнусь без тебя. А ты уйдешь — это я сейчас понял. С такой внешностью как у тебя, любой мужчина вселенной будет у твоих ног. С твоим положением... состоянием... невероятной красотой. Я не смогу пристрелить их всех... Я могу попытаться закрыть... спрятать тебя от всех, чтобы не забрали, не увели, но ты уйдешь все равно. Рано или поздно, все равно уйдешь. Так что со мной все кончено...

— Прекрати! — Срывающийся голос Эриаса прервал звук пощечины, я впервые ударила, не выдержав больше оскорблений. Только не от него. Он замолчал и изумленно посмотрел на меня. — Ты что, правда, головой приложился во время аварии?

Его лицо потемнело от ярости, но меня это уже не остановило. Да и не боялась я его больше, после всего сейчас услышанного о себе. Точнее, о нас обоих.

— Знаешь, Эриас, была бы я женщиной, пришлось бы вызвать тебя на поединок чести. Но я всего лишь слабая женщина, и эта пощечина — мой ответ на твои оскорбления. Ты считаешь меня неверной женщиной, хотя я еще даже ни с одним мужчиной не была. Ты решил, что я падшая, слабая женщина, которой только дай волю, и она изменит с каждым, кто оценит ее внешность. Ты решил, что я не только слабая, безвольная, но еще и глупая, потому что не умею любить, не умею ценить, что люблю и уважаю. Я, по твоим словам и твердому убеждению, лишь красивая пустышка без чести, без достоинства, которая только и ждет, чтобы начать прыгать по чужим постелям.

— Постой, Лель, ты меня не правильно....

— Ты только что усомнился в моей чести. Главный жизненный девиз, которому следуют мои предки, Эриас Танг, звучит так — честь Рандованс дороже жизни и старше самой смерти! Навсегда запомни. Ты дал мне свое имя, но не лишил истинного имени, воспитания и главных принципов жизни.

Я сглотнула, чувствуя как першит горло и болит сердце, но продолжила говорить, с мрачным удовлетворением отметив как сильно побледнело лицо командора, как неистово загорелись его глаза, как сжались руки на моих плечах. Похоже, он намерен стоять насмерть, впрочем, в кои-то веки и я тоже.

— Когда ты сказал надеть надири, я решила, что отвратительна тебе внешне, и ты не можешь смириться с этим. Я в тот момент готовилась к позору, который меня ждет на Карияре. Ущербная принцесса, от которой отказался даже муж после нескольких минут наедине, я прощалась со своим будущим и возможно семьей, чтобы не позорить их и дальше своим присутствием. Я смирилась с этим. Но твои дальнейшие оскорбления затронули мою честь, а так же честь моих предков. Я уйду от тебя, чтобы ты не мучился и чтобы...

Не успела предупредить его о том, чтобы молчал и не рассказывал об этом Асиандру и Трилу. Они будут вынуждены вызвать его на дуэль, чтобы восстановить мою честь. Но Эриас меня снова поразил, начав судорожно шарить по моему платью в поисках застёжек.

— Никогда не отпущу, глупая...

Его руки уже буквально срывали, стягивали платье, еще больше обездвигивая меня. Я закричала на него, чувствуя нарастающее раздражение, гнев и впервые в жизни — бешенство.

— Отпусти меня! Я, принцесса Рандованс, приказываю тебе убрать от меня свои грязные лапы...

Платье треснуло, но слава звездам, не совсем порвалось, скользнув мягким облаком к ногам. Я забилась в руках Эриаса пойманной рыбкой, отчаянно вырываясь. Куда там, одной рукой он держал меня, крепко прижимая, а второй — стаскивал с себя одежду. Китель свалился в компанию к моему платью, а я обнаженной спиной почувствовала стальные мышцы на груди мужа и мягкую поросль волос. Впервые! От тесного контакта все тело словно прошило током, заставив встать каждый волосок, а внизу между ног возникло тянущее, горячее ощущение...

— Ты забыла, Лель, что теперь ты моя жена, а я твой муж, сладкая моя, — он приподнял меня выше, перехватив под ребра, и уткнулся лицом во впадинку между шеей и плечом. Глубоко вздохнул, чуть прихватил губами, заставив вздрогнуть, откинуть голову и выгнуться. — Моя принцесса, моя красивая, слабая, сильная девочка. Моя... — хриплым голосом прошептал на ухо, послав волну дрожи по телу...

Замолчал, сделал шаг к кровати и поставил на нее. Все так же удерживая меня рукой,

сдернул с себя оставшуюся одежду, затем снова прижался всем телом, большой рукой обхватив мою грудь, скрытую чашечкой из тончайшей ткани с ажурным рисунком. Еще мгновение, и мое бюстье, издав жалобный 'вжик', разорванным летит на пол, а я задыхаюсь от негодования.

— У меня с собой всего три комплекта белья, а ты...

Снова влажный язык на моей шее, и длинные сильные пальцы нежно, но чувствительно сжимают вершинку груди, заставляя всхлипнуть и замолчать, привыкая к новым, невероятно приятным ощущениям, забываясь в них, ныряя в них с головой, ощущая мгновенный всплеск желания. Мой возраст — самый пик гормональной перестановки, осознания своей чувственности. А его руки продолжали изучать мое тело, властвовали, поработали, заставляя привыкнуть к ним, желать только эти руки и ничьи больше, и эти горячие мягкие губы, которые скользили по моим плечам, шее, щеке, и кончик языка, обрисовавший раковинку уха, пославший волны возбуждения до кончиков пальцев. Я горела, плавилась, прижималась уже всем телом, а руки сами заскользили по его спине, ягодицам, ногам, покрытым жесткими волосками, добавляя остроту ощущениям.

— Лель, девочка моя, что ты со мной творишь?! Сводишь с ума... потерпи, а то я сорвусь...

Подхватив на руки, осторожно уложил на спину и навис сверху, заглядывая в мои широко распахнутые глаза. А я тяжело дышала от переполнявших эмоций, пережитых страхов и обоюдных признаний, и даже от этой короткой схватки, которая так быстро закончилась моим пленением. Его синие глаза лихорадочно горели огнем, на бледных заостренных от напряжения скулах вспыхнули пятна, он смотрел, пристально изучая мое лицо, наверняка отражавшее все чувства. Да, слишком открыта для него, ничего не спрятать, не смолчать. Снова сжал мою грудь, по-собственнически положив ладонь, и я неосознанно прикрыла глаза, наслаждаясь, выгибаясь, стремясь к нему еще ближе и теснее. Губы, наконец, накрыли мои, и показалось, что меня словно выпивают. Его язык ворвался внутрь и сплелся с моим, пока все еще обучая искусству любви.

— Скажи, что только моя?! — Эриас выдохнул полувопрос-полустон.

— Только твоя!

— Скажи, что любишь и будешь любить всегда?!

— Люблю и буду любить только тебя, Эриас!

— Скажи, что не предашь и не изменишь?!

— Никогда, любимый! Клянусь честью!

Мне показалось, что напряжение немного оставило его, зато налилась плоть, уже довольно ощутимо упирившаяся мне в бедро, и теперь я начала задумываться о том, не сильно ли он возбужден и не будет ли...

Одно движение, и он между моих ног, поддерживая мои бедра вокруг своей талии и возвышаясь надо мной, торжествуя, смотрит, и я заморожено любуюсь синим пламенем. Толкнулся, медленно раздвигая, скользнул внутрь, где я уже влажная, изнывающая, трепещущая и готовая на все, лишь бы наполнил до конца и унял эту тянущую боль. Снова толчок, и мой всхлип, а потом его резкое движение вперед, и я дугой выгибаюсь под ним.

Боль... словно маленькая кратковременная вспышка, а потом все сосредоточилось в одном месте. Там, где мы сливались в одно целое. Он следил за моим лицом, читал как открытую книгу, поэтому уловил тот момент, когда боль утихла и начал извечный танец любви, медленно двигаясь и не отпуская моего взгляда. Словно хозяин... наставник

наблюдая за лучшим и единственным учеником... или влюбленный мужчина, который радуется малейшему удовольствию, которое может доставить своей женщине... такая череда эмоций на его лице. Я тоже сквозь ресницы наблюдаю за ним, упиваясь силой и красотой его мускулистой широкой груди, покрытой черными волосками, спускающимися тонкой дорожкой к паху. Напряженный пресс работает во время его движений, я хватаюсь за его плечи, ощущая, как напрягаются его руки под моими. Внутри нарастает жуткое напряжение и меня это пугает.

— Эриас, я не могу! — всхлипнула, чувствуя, что скоро взорвусь от силы скапливающего напряжения. Меня об этом не предупреждали, не учили и никто не рассказывал. Он резко поменял положение, теперь нависая всем телом надо мной, не прекращая резких сильных толчков, упираясь локтями в кровать и поддерживая основную массу своего слишком крупного по сравнению с моим тела.

— Не бойся, любимая, я с тобой! Теперь всегда буду с тобой, — рвано выдыхает он, обхватив ладонями мое лицо и заглядывая в глаза. — Теперь будет только хорошо и больно не будет, клянусь тебе!

Капельки пота сбегали по его вискам, он усилил скорость и силу ударов. Взрыв. Полет. Мы закричали одновременно. Точнее, он скорее зарычал, вздрогнув всем телом, а я хрипло завывала, выгибаясь под ним и чувствуя, что все скопившееся напряжение разнесло меня на множество кусочков и смыло волной наслаждения. Через минуту, он смог поднять лицо из ложбинки между моим плечом и шеей.

— Я почувствовал это между нами еще в самый первый момент. Там, в шлюзовой камере, когда ты — чуть живая от усталости и страха, изможденная, грязная, дрожащая — словно заглядывала в душу своими голубыми глазами. Я тогда впервые почувствовал легкий страх. А когда ты в ужасе после нападения твари прижималась ко мне всем телом, несмотря на надири, я чувствовал тебя всю и еле сдержался, чтобы не взять тебя тогда. Меня остановила только угроза твоей безопасности при несанкционированном доступе. С того момента гадал, как к тебе подобраться, заполучить. Как оставить тебя себе и не сойти с ума от вожделения и ревности!

Он снова посмотрел мне в глаза, подцепил кончик косы и погладил им по своей щеке, вдохнув запах моих волос. Чуть сместился в бок и с трепетом положил свою большую широкую ладонь на мою грудь, погладил, потом ласково провел по шее и, обхватив подбородок, снова поцеловал. Только уже благодарно, нежно, лаская и успокаивая.

— Лель, я так сильно люблю тебя, что мне больно...

Отстранился, все еще сверля взглядом и, взяв мою ладошку, приложил к своей груди, давая почувствовать, как сильно и мощно бьется сердце. Я подняла вторую руку и коснулась его щеки с простиупившей щетиной, ласково поглаживая:

— Я буду беречь его от боли. Буду хранить его только для себя. Ведь я тоже боюсь потерять тебя, и мне тоже больно — так сильно люблю, что страшно, Эриас.

Его губы сложились в лукавую усмешку, а в синих глазах вспыхнули звезды.

— А давай бояться вместе? Вместе не так страшно. Так ведь?

Я от души улыбнулась, согласно кивая и, уже не стесняясь, притянула его к себе за шею.

Наш второй раз был еще более насыщенным и взрывным, и более скоротечным. Мы не успели отдышаться, как раздалось бесстрастное:

— Командор Танг, вас вызывает старший пилот Джар.

Эриас насторожился и прежде чем ответить, вновь затянул в мои глаза, в которых

заметил явный испуг. Я испугалась, что он вновь оттолкнет меня, вновь посмотрит холодным мрачным взглядом, и тогда я просто не выдержу. Сломаюсь. Он снова прочитал все мои чувства и страхи. Легко коснулся припухших от поцелуев губ и прошептал на ухо, обдавая горячим дыханием:

— Больше никогда, любимая! Не бойся! Подобной ошибки я дважды не совершу и тебя не обижу недоверием. — Мой благодарный и счастливый взгляд и предложение. — Надо ответить.

— Командор Танг, Командор Сваро просит соединения! Командор Танг, командор Сваро просит соединения! Настаивает!

— Соедини, но только голосовая связь.

В каюте тут же раздался знакомый лающий голос Сваро:

— Ты чем там занят, Танг? Ты случайно не от меня прячешься?

— Нет, Сваро, не от тебя. — У Эриаса зубы закрипели и лицо застыло. — И если продолжишь в том же духе, это тебе придется от меня прятаться. Но если так не терпится со мной встретится, то... — Он бросил тоскливый взгляд на меня, окинув им все тело, а потом мрачно закончил: — Дай мне, хм-м-м, полчаса, и я тебя осчастливлю... своим присутствием.

— Ты ускорься, дружище, — Сваро громко залаял, и я с трудом поняла, что это он, оказывается, так смеется и тоже хмыкнула, — а то мне загадочность и таинственность твоего экипажа начинает действовать на нервы! У нас дел по горло, новый посол у меня на 'Реваге', имперцы, в черную дыру их, обнаглели, а ты тут тайны разводишь.

Эриас подобрался и, размыкая наши объятия, твердо произнес:

— Хорошо, через пятнадцать минут буду. Отключить связь.

Присев, с тревогой посмотрела на мужа, восхищаясь великолепной спиной и весьма аппетитной пятой точкой.

— А мне можно с тобой?

Он замер, потом вздохнул, видимо придавая себе решимости, и повернулся ко мне, невольно притягивая мой восхищенный взгляд к внушительной плоти. Украдкой полюбовавшись и подняв глаза к его лицу, поймала уже спокойный и весьма удовлетворенный взгляд. Наверное, моя реакция на него придала ему необходимую уверенность.

— Тогда быстро в душ и собирайся, любимая. Нас ждут, и накопилось слишком много дел.

Поторапливать меня не пришлось. Я резво вскочила, ахнула, а потом скорее проковыляла, чем грациозно прошла мимо смеющегося мужа, сразу предложившего помощь. Вот гад, и ведь сам во всем виноват! Тонкие струйки воды помогли справиться с последствиями моего первого интима, вернув мышцам подвижность, и я уже довольно шустро выскочила из санблока.

Пока Эриас принимал душ, я мрачно рассматривала свои вещи. Если платье практически не пострадало, то с нижним бельем значительная проблема: бюстье только выбросить, а трусы, хм-м-м, целые, вроде. В итоге, мне пришлось надеть только нижнюю часть и снова активировать надири, но лишь частично, чтобы прикрыло тело до шеи и ноги, а то блистать голыми ногами в глубоких разрезах платья и сильно обнаженной грудью не хотелось. Не стоит испытывать терпение мужа, учитывая его ревность. Застегнув платье, провела руками по ткани, разглаживая и расправляя складки, заодно вытирая вспотевшие от

страха и неуверенности ладони.

За столько лет впервые появлюсь на люди не прикрытая надири, а уж после сцены с Эриасом вообще во всем не уверена. Как они все отреагируют? Что скажет моя охрана? И как скрыть эмоции и чувства на лице, ведь к этому я не готова. Так и стояла, опустив голову в тяжелых раздумьях, быстро приводя волосы в порядок, косы непривычно струились вдоль тела. Нерешительно потеревила подол, и в этот момент на плечи опустились руки Эриаса, он прижал меня к себе, заставив откинуться ему на грудь, и положил подбородок мне на макушку.

— Прости!

— За что?

— Это я виноват в твоей неуверенности сейчас и в том, что вновь испытываешь страх. Прости, что страх поработил меня. Клянусь звездами, я думал, что совершив два раза одну ошибку, в третий — буду умнее. И испугался, почувствовав себя вновь преданным, обманутым и... словно обворованным, увидев насколько ты красива. — Я замерла в его руках. — С тобой все по-другому, иначе и слишком глубоко. А главное, уже навсегда!

— Ты жалеешь об этом? — С трудом удержалась, чтобы не дернуться.

— Нет! Лель, об этом невозможно жалеть. — Его голос поразил завораживающими, ласкающими нотками, словно бархатом скользнув по обнаженной коже. — Это как насекомое летит на свет, потому что он манит его, и тяга эта непреодолима. Оно не знает, что свет принесет, но все равно летит к нему, тянется всем существом. Так и ты для меня — тот самый свет, непреодолимо притягательна, жизненно необходима и до последней самой маленькой клеточки желанна. Особенно теперь, когда я знаю, как ты хороша и нежна. Скажу больше, Лель, ты моя идеальная половина. Ни разу в жизни мне не было так хорошо с кем-нибудь как с тобой.

— Я ждала только тебя, Эриас. — облегченно выдохнула, чувствуя, как расслабляются все мышцы. — И к этому мне нечего добавить.

— А про большую и светлую любовь до конца жизни? — он наклонился, чтобы с озорной лукавой усмешкой заглянуть мне в глаза.

— А это как ты себя вести будешь! — заявила и рассмеялась, ткнув его локтем в бок, заставив тихо охнуть от неожиданности.

— Ты воткнула мне нож в сердце, любимая. Неужели тебе меня нисколько не жалко? — Взял меня за руку и повел к дверям.

— Тебя пожалей, как же. Нет, с тобой надо быть все время начеку...

— О чем ты говоришь, Лель, я вообще только с виду темный и мрачный, а вообще я белый и пушистый как маленький котэ с Хантара.

— Да? Не замечала, а-а-а, наверное, когда ты спишь...

Прямо за дверями обнаружили Трил с Асиандром. Как только телохранители увидели меня, у обоих вытянулись лица, а у меня вновь тревожно сжалось сердце — неужели все настолько плохо? Но тут Асиандр восхищенно прижал ладонь к груди и выдал, заставив улыбку Эриаса испариться:

— Принцесса, вы прекрасны как молодая звезда, сверкнувшая на темном небосклоне... — Отметив смену выражения на лице командора, Асиандр поспешно добавил: — Однако я счастлив, что мое сердце принадлежит Ринис, моей невесте, а то ваша красота заставила бы поволноваться.

Я счастливо улыбнулась, но переведя взгляд на мрачного Трила, вновь замерла.

— Вы действительно красивее... Лиси, принцесса, — тихо сказал он, прищулив глаза, — все же она была немного похожа на вашего батюшку, а вы слишком похожи на вашу прелестную матушку. Наверное поэтому Лиси так злилась... она привыкла во всем быть единственной.

— Я рад, что для тебя они не похожи, Трил. — Эриас на моего второго телохранителя реагировал теперь более спокойно, особенно после того, как узнал, что тот недавно потерял любимую, несмотря на то, что Трил один из самых красивых мужчин, во всяком случае, из виденных мною. Мрачный, но не злой голос Эриаса заставил меня внимательно посмотреть на него.

— Я думаю, командор, — продолжил Трил, — что вы так же как и я понимаете, заменить одного близкого тебе человека другим невозможно, как бы они не были похожи. Я любил не за внешность, впрочем, как и вы. Но вам повезло больше, командор, и очень надеюсь, что вы будете лучше заботиться о своей женщине, чем я. Сделаете все возможное, чтобы не потерять подобное сокровище. Любовь такой женщины бесценна...

— Поверь, я это знаю! — Эриас положил руку мне на плечо, словно обозначая мою принадлежность.

— Командор, я так понимаю, прибыла помощь? — в становящийся все более напряженным разговор вмешался Аси. — Согласный и ожидающий продолжения кивок Эриаса, а я уже догадалась, о чем поведет речь Аси. — Значит, мы уже совсем скоро сможем связаться с Карияром? — Мимолетный напряженный взгляд в мою сторону и снова кивок. — Можем ли мы связаться с резиденцией княжества как можно скорее? Вы должны понять наши причины. Князь Эферел считает обеих своих дочерей, погибшими... Мы должны дать о себе знать и доложить о положении дел. И вам, командор, как кронпринцу необходимо продемонстрировать ваш брачный союз с принцессой. ПРИНАРОДНО! Это дело чести для рода Рандованс, учитывая все произошедшее до нашего спасения и после... и сейчас.

Совсем нахмурившийся и потемневший лицом Эриас, снова бросив на меня взгляд, неожиданно просветлел. И его улыбка сейчас походила скорее на оскал хищника, получившего фору перед соперниками в погоне за жирной добычей. И у меня в голове тут же засигналил вопрос: 'Что ему сейчас пришло в голову?' Эриас погладил меня по затылку, словно успокаивая нервы и убеждаясь, что я тут с ним и не эфемерна, и утвердительно, жестко и с ехидцей в голосе, явно предназначавшейся моим кариярцам, ответил:

— Я решу эту проблему как можно скорее. Все вопросы, которые связаны как с Карияром, так и с этим пресловутым сейчас... Очень активно займусь решением ваших, ну и, конечно же, своих проблем...

Судя по лицам мужчин, они друг друга поняли, а я так и стояла, приоткрыв рот, и пыталась отыскать хоть одну догадку. О чем речь вообще?

Командор всем своим видом показал, что разговор окончен, одернул синюю форму, которая так здорово на нем смотрится, увеличивая как его визуальные габариты, так и придавая солидности и значительности (скоро он от них треснет уже по швам), а затем, схватив меня за руку, прихрамывая пошел по коридору в сторону командного мостика.

Пока мы шли, петляя показавшимися весьма длинными коридорами корабля, я краснела все сильнее, чувствуя себя совсем не в своей тарелке. И даже уже не держала Эриаса за руку, а цеплялась за него как утопающий за соломинку. Каждый встречный выражал непередаваемое удивление, а затем, замерев, чуть ли не с открытым ртом провожал нашу

четверку долгим взглядом, который, казалось, прожигал во мне дырку. Уже самой хотелось активировать надири, потому что для меня оказалось испытанием идти и чувствовать горящие любопытные взгляды на своем обнаженном лице. А когда, наконец, подошли к рубке, ощущала себя абсолютно выжатой и морально уставшей, даже не подозревая, что ждет нас внутри.

Еще я отметила, как тело Эриаса словно наливается тяжестью по мере увеличения количества встреченным нами мужчин. Если в телохранителях он уже не чувствовал прямой угрозы его собственности в моем лице, то всех своих подчиненных бесспорно считал конкурентами. Именно из-за выражения его лица будущего убийцы я удержалась и не рванула обратно в каюту. Если трусливо сбегу, меня там закроют навсегда от всех представителей мужского пола, не достигших трехсотлетнего возраста. В этом я более чем уверена. Как уже очень хорошо поняла, чувство собственности у моего командора зашкаливает. Не успели мы войти на мостик, как весь корабль содрогнулся, словно проснувшись и стряхивая с себя дрему и пыль. Эриас остановился, широко расставив ноги и прижимая меня к себе. Снова сильная вибрация, которая выбивает дробь из моих зубов, а потом характерный звук заработавших малых орбитальных двигателей.

— Выравнивают положение?! — Я не заметила, что сказала это предположение вслух, пока мне не ответил глухой голос Эриаса.

— Ты права, мы готовимся к выходу на орбиту. Там можно было бы доделать необходимый ремонт. Я... хотел, чтобы наш союз был заключен до этого момента.

За время нашего знакомства и общения, он не раз поражал меня исключительной прямоотой. С одной стороны, это хорошее качество, но иногда, как сейчас, не знала то ли мне его расцеловать и обрадоваться, что он побоялся взлетать, до того как сделает меня женой, то ли ударить за то, что признался в своих интригах. Я посмотрела на него, ехидно поджав губы, а он, слегка пожав плечами, попытался оправдаться:

— Я хотел быть уверен, что твоя семья не помешает прибрать тебя к рукам. А теперь очень постараюсь сделать так, чтобы и у других такого шанса не было...

— Это каким же образом? — Я нахмурилась, раздумывая над его заявлением и ища подобный стопроцентный способ моей изоляции от других, но пока не видела такового.

Он же мягко коснулся моей талии, потом живота и ответил:

— Не волнуйся, если мне повезет, скоро узнаешь!

За нашими спинами раздались понимающие смешки Асиандра и Трила, а я, почувствовав себя безмозглым простейшим, разозлилась. Но Эриас, заметив недовольство, провел меня в огромную рубку корабля. Здесь функционировали 'глаза' и 'мозг' корабля. А еще расположились десятка полтора мужчин. Шестерых доргаров я узнала, среди них Джар с Верния и старший помощник Вазири, а вот еще четверо мне не знакомы. На мостике повисла тревожная тишина — все глазели на меня. Первым отмер Джар:

— Да-а-а, командор, если бы я был столь же прозорливым как и вы, наверное, тоже командовал 'Дезетором' и был счастливо женат...

Другой доргар, с еще более крупными габаритами, чем у Эриаса, а так же медными миленькими кудряшками и лицом ангелочка, неожиданно резко пролаял, улыбаясь мне:

— Я покорен, я ослеплен, я у ваших ног, звезда моя! — по характерному голосу догадалась, что это командор 'Реваги' Сваро.

— Еще одно слово, и будешь у моих ног. Кажется, я предупреждал тебя... друг! Ядовитый злой голос Эриаса прервал излияния Сваро.

Этот крупногабаритный ангелочек удивленно, словно только что заметил командора, перевел взгляд с него на меня, а потом снова на Эриаса. Оценив наши сплетенные руки, приподнял бровь и, несмотря на угрожающий тон Эриаса, спросил:

— Могу ли я поинтересоваться, откуда к вам залетела эта райская птичка? — Трил с Асиандром только что не зарычавшие от гнева при слове 'птичка', хмыкнули от смеха, услышав предположение: — Не здесь же вы ее отыскиали?

Причем этот звук запустил дальнейшую, совершенно не предполагаемую мной реакцию. По очереди каждый из 'наших' доргаров начинал смеяться, а потом и Эриас расслабился и усмехнулся широкой довольной улыбкой. 'Эх, видел бы ты эту 'птичку', когда она с бластером и в мерзко пахнущей грязи вылезала из болота, отстреливаясь от ужасных тварей, которую потом командор тащил за рюкзак на корабль...' — ехидно подумала я, тоже улыбаясь.

— Ты прав, Сваро, именно здесь мы и нашли... МОЮ Лель! — он очень настойчиво и твердо подчеркнул мою принадлежность.

В глазах Сваро и трех его сопровождающих загорелись искорки любопытства. Он неожиданно пританцовывающей походкой приблизился к нам и вкрадчиво предложил, улыбаясь очаровательной улыбкой большого плута:

— Может, ты представишь нас своей прекрасной даме?

Танг впился пронизывающим взглядом в друга и ответил намеренно громко:

— Моя жена — Лельвил Танг, — потом помолчал мгновение и договорил под ухмылки своих подчиненных, более осведомленных, нежели прилетевшие с 'Реваги', потому что те знали кто я такая и с огромным удовольствием теперь наблюдали за лицами своих соплеменников, — младшая принцесса Рандованс и третья наследница Княжества Кариар.

Последнее он говорил с такой откровенной насмешкой над вылупившимися на меня представителями 'Реваги', что мне очень захотелось наступить ему на ногу, но передумала. Была просто счастлива видеть удовольствие на лице моего любимого доргара и слышать его густой бархатный насмешливый голос.

Сваро неосознанным движением взъерошил свои кудряшки, почесав затылок, потом нарисовал на лице бесстрастную маску и пролаял уже не так громко и с должным уважением:

— Э-э-э, приветствую вас на территории корабля Республики Доргар. Счастлив поздравить вас и... своего друга с вступлением в брачный союз. Может быть вам, принцесса, будет удобнее на 'Реваге' продолжить путешествие? Мой корабль, конечно, не такой большой, как 'Дезетор', но в гораздо лучшем состоянии и более приспособлен для путешествия женщин.

Я всеми фибрами души почувствовала ярость, закипавшую в Эриасе, хоть его ладонь лишь слегка сжала мои пальцы, но он промолчал. Приподняв лицо, бросила короткий взгляд на мужа. Он бесстрастно, в упор смотрел на Сваро. Отбросила косу назад, специально заставив мужчин проследить за этим движением, чтобы отвлечь и разрядить накалявшуюся обстановку, а потом ответила:

— Благодарю за приглашение, но у меня здесь много дел... Да и как вы сами понимаете, муж в такой момент не может покинуть свой корабль, даже чтобы побывать в гостях у друга... Даже ради моего удобства.

Сваро недоуменно приподнял бровь, вглядываясь в мое лицо:

— Я думал, что вы могли бы чувствовать себя лучше на моем корабле, комфортнее... —

с каждым произнесенным словом его голос стихал, потому что смысл моего ответа, наконец, дошел до него. — Но наверное, вы правы, в такой момент Танг покинуть корабль не может, чтобы... Да! На 'Реваге' находится представитель нашей республики, которого мы сопровождаем в вашу систему, для начала двухсторонних переговоров о намерениях и совместном обеспечении безопасности...

— Думаю, он не будет против прибыть к нам на ужин, которым я могу вас угостить на 'Дезеторе'... как только мы окажемся вне этой планеты.

Мое неумение прятать чувства и эмоции в этот раз сыграло на руку. Все же их женщины вызвали у меня недоумение, раз он посчитал возможным сделать подобное предложение. И тут на задворках памяти мелькнула та случайно услышанная фраза о сепаратных переговорах, о которых говорили отец и брат. Как же мне необходимо связаться с Карияром!

Сваро бросил вопросительный и слегка ошарашенный взгляд на Эриаса, который, как я поняла, немного расслабился, но маску безразличия так и не снял. Только его теплая большая ладонь полностью захватила мою руку, а большой палец неосознанно поглаживал запястье, посылая волны тепла у меня внутри.

— Вы готовите, принцесса?

Джар мечтательно закатил глаза и добил командора Сваро:

— Сиера Лельвил не готовит, она творит. Вся команда решила не ремонтировать пищевой автомат, чтобы как можно дольше наслаждаться ее кулинарными шедеврами.

После этого заявления, я удивленно посмотрела на Джара, а потом раздраженно — уже на Эриаса. Выяснять отношения прилюдно — недостойно принцессы, но заметив лукавую ухмылку мужа, коротко пожавшего плечами, выплеснула негодование совсем уж детским способом. Завела руку за спину и, дотянувшись до него, ущипнула так сильно, как только смогла. Гад! Мало того, что помощника так и не выделил, так еще и аппарат можно было починить уже, а он так и не сделал этого. Пострадавший муж вздрогнул, скосив на меня плутовской усмехающийся взгляд, а Джар, отметив мою обиженную гримасу, разведя руками, пояснил, пытаюсь примирить меня с ситуацией:

— Ну когда еще мы так вкусно поедим? Можно сказать, жили от завтрака к обеду, а потом — к ужину, и все неприятности проходили мимо.

Чистосердечная похвала приятно согрела. Я нужна, ценима и достойна уважения. Я даже не заметила как, но стала относиться к 'Дезетору' как к дому. Своему дому. Прижалась боком к мужу и потерлась щекой о его рукав. Потом запрокинула лицо, заглядывая в синие глаза, и попросила:

— Эриас, мы слишком... отвлеклись, пора бы уже заняться завтраком. Ты не против, я займусь своими делами?

Танг буквально окатил своими эмоциями, хочется думать — видными сейчас лишь мне одной, а может я все-таки наивная, и видят все. Посмотрел таким горячим любящим взглядом, что захотелось плясать от счастья. Коснулся своими сухими губами моих, а потом выдохнул, погладив тыльной стороной руки мою щеку:

— Ты права, моя принцесса. Иди... пока мы тут служебные вопросы решаем.

Я заметила, каким подозрительным взглядом он посмотрел на Сваро, поэтому, недолго думая, подтянула его к себе поближе, заставляя наклониться, и на ухо прошептала:

— Эй, только не драться! Не забывай о своем новом высоком положении...

Он скривил губы в скептической ухмылке, совершенно неожиданно поцеловал меня при всех в щеку и кивнул. А я, покраснев от неловкости, всем кивнула, молчаливо извиняясь, и,

задрав подбородок, грациозно выплыла из помещения. Асиандр и Трил, смерив взглядами с едва скрываемым презрительным ехидством Сваро, последовали за мной. Сдается, они теперь полностью на стороне моего мужа.

Завтрак прошел весело, по крайней мере для тех, кто меня уже успел лицезреть без надири. И теперь они всей толпой с удовольствием и насмешками встречали остальных и спорили на реакцию каждого последующего входящего. Взлет и выход на орбиту прошел без эксцессов. Сейчас мы зависли над планетой в открытом космосе, и два корабля находились в непосредственной и максимально возможной близости друг от друга. Лично я готовилась к ужину, чтобы достойно встретить наших гостей, порадовать мужа — пусть гордится — и вообще, хотелось вновь увидеть довольные лица окружающих, отведавших мои кулинарные шедевры.

Закончив с обедом, решила снова сходить проверить свой пояс. Несмотря на все произошедшее, продолжала о нем волноваться, и ничего не могла с этим поделать. В пищеблоке мое присутствие уже не требовалось, и я стремительным шагом направилась к себе. Засунув руку под подушку, в ужасе замерла — пояса нет. Судорожно перетряхнула кровать, а потом кинулась к шкафу — мало ли что, вдруг у меня на почве любви помешательство, и я забыла, куда его положила. Створки шкафа отъехали в сторону, а я вытянулась в струнку, чувствуя как задыхаюсь от боли и ужаса.

Мой шкаф пуст. Хотя там и раньше висел лишь походный костюм серого цвета, мой разорванный скафандр доргары уничтожили за непригодностью, да голубое платье. Но сейчас даже их нет, как и рюкзака, и нижнего белья. Нутро шкафа поражало пустотой и белизной. Волосы зашевелились на затылке, и я, уже не думая, кинулась к тому, кто должен помочь, исправить, вернуть... Ударила по консоли связи возле двери и, услышав голос Джара, спросила, стараясь сделать голос нейтральным: 'Где я могу найти командора?'

По коридорам неслась сломя голову, даже пара встреченных мужчин удивленно обернулась вслед.

Возле каюты командора тяжело вздохнула и нажала на консоль. Очень удивилась, когда двери разъехались без запроса о личности пришедшего, значит я теперь такой же жилец каюты, как и командор. Как приятно! Вошла внутрь и заметила Эриаса возле шкафа, аккуратно расправляющего мое платье, уже висящее там. Причем, как и мой костюм, а столь ценный пояс сиротливо лежит на нашей теперь, похоже, общей кровати. Эриас обернулся с легкой, изумленной и немного смущенной улыбкой, а я всхлипнула, чувствуя, как уходит напряжение, а краски возвращаются на мое лицо.

— Что случилось, любимая? — заметив мое состояние, он тут же оказался возле меня. Большие сильные руки обвили мою талию, успокаивающе прижимая к себе, а хриплый голос разрезал тишину. — Кто тебя так напугал?

Облегченно уткнувшись в могучую широкую грудь лбом, от чего косы скользнули со спины и повисли вдоль его тела, не смогла сдержаться и обвиняюще выдавила:

— Ты! Ты меня напугал! Я пришла, а его там нет. Я не знала, что думать... Как потом смотреть в глаза отцу... Из-за этого пояса Лиси погибла... двадцать один кариярец остался на этой проклятой планете...

— Почему он так важен для тебя? Для Карияра? — жесткий голос полоснул по нервам.

— Это государственная тайна! И к вам она отношения не имеет, Эриас. Я уже сказала ранее, что тебе придется научиться различать и принимать тот факт, что есть секреты нашей семьи, а есть тайны Карияра. Угрозы Доргару пояс не несет, я позабочусь об этом, а вот

положение Рандованс и моей планеты поправить сможет.

— Лель, это последняя тайна между нами! Я обещаю тебе, что смогу удержать в себе ТВОИ тайны и секреты семьи Рандованс, даже если они пойдут в разрез с моим мнением или развитием ситуации с нашей республикой. Хотя точно знаю, что позабочусь в случае опасности прежде всего о тебе и своей родине, а уж потом о твоём мире.

Снова абсолютно честный ответ Эриаса заставил облегченно выдохнуть и проникнуться еще большим доверием к нему. Но про себя решила, что свои тайны надо научиться лучше хранить в СЕБЕ! Подняла голову, окунаясь в синий водоворот чувств в глазах мужа, улыбнулась ему, заметив как расслабляются черты лица, уходит напряжение, а в глазах появляется очень интересное и такое голодное выражение.

— Нет, Эриас! — замотала головой, — я еще не готова и мне будет больно... наверное...

— А давай проверим... — очень выразительный с сексуальной подоплекой взгляд.

— Эриас, ты невыносим...

— Я слишком люблю свою жену и... хочу!

— Ну... тогда с этим сложно спорить! — Улыбка, от которой я просто таю, и его руки тянутся к застёжкам на платье... — Ай, только давай я сама разденусь...

— М-м-м, я только счастлив буду!

Рывками стягивая с себя форму, этот огромный мужчина, в глазах которого сейчас горел чувственный голод, откровенно жадным взглядом скользил по моему телу, обнажавшемуся по мере того, как я снимала платье, и надири заполнял фиксатор. Этот взгляд заставлял меня плавиться, не давал смущаться, лишь поспешить раздеться. Я никогда не думала, что буду так сильно и остро реагировать на мужчину. Даже один его взгляд заставляет увлажняться мое тело, а дыхание — прерываться. Его рука, коснувшаяся обнаженной кожи на плече, словно оставила горячий отпечаток, от которого распространяется будоражащее чувства тепло. Не мечтала о том, как мы будем прижиматься, а волосы встанут дыбом от напряжения, что пробегает между нами искрами. Что можно касаться обнаженной кожи лишь синим пламенем глаз, ласкать этим пламенем, заставлять гореть изнутри и сходить с ума от желания. Чтобы эти немного шершавые большие руки коснулись моего тела, погладили везде, где захочет он или я. Чтобы контраст цвета нашей кожи — смуглой его и белоснежной моей — так щекотал нервы, вызывал восхищение и прилив необычайной нежности и всепроникающей любви. Любви к этому мужчине с его недостатками, ревностью, но такой внутренней силой, готовностью и желанием помочь, защитить, любить меня. Все в нем восхищало, удивляло и подчиняло.

Я вскрикнула, когда Эриас, прижав к стене, медленно и осторожно вошел в меня. Держась за его плечи, бугрящиеся от скорее чувственного напряжения, чем физических усилий, уперлась затылком в стену, чтобы заглянуть в его затуманенные страстью глаза. Полуприкрыв веки, он пристально следил за моим лицом, считывая все мои чувства и эмоции, то ускоряясь, то замедляя движение. Обоюдное напряжение росло, и скоро я стонала в голос, не в силах сдерживаться, а в его глазах все сильнее полыхало пламя. Еще крепче вцепился в мои бедра и усилил движения и мощность толчков... Выгнулась дугой, захлебываясь криком и разлетаясь на сотни мелких кусочков.

— Эриас! Эриас! Эриас, ты меня убьешь... — через какое-то время смогла прошептать.

Рычание удовлетворенного мужчины... Даже по мне пробежала дрожь, заставив довольно улыбнуться, повиснув на нем. Значит не только он, но и я могу довести его до

границ...

— Девочка моя сладкая... о такой смерти можно только мечтать. Не бойся, любимая, от этого мы не умрем. Ты слишком сильно на меня действуешь, проникаешь под кожу... — он шептал мне на ухо приятные непристойности, от чего кровь снова бурлит, а сердце замирает в предвкушении повторения. Смущаюсь, но чувствую, что он и сам готов ко второму раунду любви. Подхватив меня под ягодицы, перенес на кровать, мягко уложил на спину и, нависнув сверху, начал изучать мое тело губами и руками.

— Клянусь звездами, Эриас, у тебя самые волшебные губы и ру-у-уки, о-о-о...

Едва смогла восстановить дыхание после очередного взрыва, совершенно обессилено и бездумно лежа на груди мужа, как каюту вновь наполнил голос компьютера:

— Командора Танга вызывают на мостик. Прошла стыковка с пассажирским ботом 'Реваги'. Командор Сваро, аттаре Перш и двое сопровождающих прибыли по приглашению принцессы Рандованс-Танг...

— Астероид ему в печень... Только оказываюсь с тобой наедине, как этот хлыщ тут как тут...

Я счастливо засмеялась, потягиваясь и чувствуя, как мою кожу щекочут черные волоски на груди мужа. Как это возбуждает, однако... Склонилась над ним, и мои волосы тут же золотым покрывалом отрезали нас от всего мира, и нежно поцеловала так, словно хотела прикоснуться своей душой к его душе.

— Моя золотая девочка! Моя любимая невероятная девочка. Лель, я... Я не смогу жить, если потеряю тебя когда-нибудь. — Его голос был хрипловатым и впервые — странно уязвимым. Словно я сильная и бесстрашная, а он слабый и... опасается. Чистый восторг растекался по телу — раскрылся, не побоялся показать слабое место. Я — его слабое место теперь.

— Если звезды позволят, мы до конца своих дней будем вместе, любимый. Пока это зависит от меня, я никогда не смогу с тобой расстаться. Мое сердце украл Эриас Танг — командор Республики Доргар. А без сердца как можно жить? Только береги его, Эриас, пожалуйста... а то я боюсь за него.

— Не волнуйся, Лельвил, твое сердце у меня под самой надежной охраной.

— Командора Танга и принцессу Рандованс ждут на мостике...

— Черную дыру ему в жены... — Эриас с досадой выругался, потом мрачно посмотрел на меня и вздохнул: — Любимая, нам придется заняться насущными делами... А то я слишком сильно расслабился.

— Ты слишком пристрастен к себе, муженек. Ты тратишь на меня всего час-два, не больше, а все остальное время работаешь, даже ешь через раз, и синяки под глазами — тому подтверждение.

— Я рад, что моя женушка рьяно заботится обо мне и переживает.

— Я не шучу, Эриас, так не может долго продолжаться, тебе необходим отдых.

— Хорошо, любимая, я учту твои пожелания... принцесса.

На время этого ужина пищеблок превратился в своеобразный светский салон. За столом собрались аттаре Перш, командор 'Реваги' Сваро, Эриас и я. Все остальные оставили нас — встреча предстояла более официальная, нежели светская.

Знакомство прошло замечательно, Сваро был предельно вежлив, порой нервно одергивал форменный китель и, видимо, по старой привычке засовывал большие пальцы рук за ремень, но тут же одергивал себя. Аттаре Перш — невысокий плотный мужчина не

старше сотни лет, удивлял несоответствием своей добродушной внешности и холодного цепкого взгляда, которым он, стараясь делать это незаметно, периодически сверлил меня черными любопытными глазами.

Поприветствовав друг друга, мы прошли в пищеблок. А дальше, между делом, начался завуалированный допрос на тему Карияра. Задавать вопросы Перш умел, но ведь и я не совсем обычная женщина — младшая принцесса, поэтому, нацепив маску любезности, очень осторожно выбирала слова, отвечая на те или иные вопросы. Он явно прощупывал почву для какого-то более важного разговора, я чувствовала это и даже подсознательно ждала с момента встречи в рубке. Или я не принцесса Рандованс!?

— Принцесса, я наделен полномочиями представлять Доргар на вашей планете. Думаю, Князю Рандаванс нужно быстрее заключить военное соглашение о мире и сотрудничестве с Доргаром, и тогда вместе сможем снять напряжение в вашем секторе.

— Да? Но что потребуете взамен? Мы не так велики размерами, хоть наш флот и силен, но и у нас есть проблемы. — Я замолчала, а Эриас, Перш и Сваро напряженно уставились на меня.

— Все проблемы можно решить или договориться об их постепенном урегулировании. Более того, наша разведка уже собрала достаточно информации о вашем мире, но группа, сопровождавшая делегацию для переговоров в ваш сектор, неожиданно натолкнулись на заслон имперского звездного флота, и поверьте, мне искренне жаль, что и кариярцы пострадали в столкновении, принцесса. — Ответил Перш.

Я заворожено уставилась на него, переваривая новую информацию.

— То есть, вы хотите договориться с нами? Не будет военного протектората?

Перш положил руки на стол, по обеим сторонам тарелки и откинулся на спинку стула. Он внимательно следил за выражением моих глаз, когда произнес:

— Принято решение о предложении Карияру создать независимую конфедерацию с полным сохранением суверенитета ее членами. Общей будет защита территорий и военная поддержка.

Я даже задохнулась от радости, оценив радужные перспективы. Выходит, князю и братьям удалось задуманное. Уже хотела радостно выпалить одобрение, но вовремя одернула себя:

— Уверена, такое сотрудничество приемлемо для нас и получит положительный отклик.

Перш удовлетворенно кивнул головой, завершая тем самым официальную часть. Дальше беседа шла на казалось бы житейские и бытовые темы, но это как посмотреть. Перш продолжал в своей манере засыпать меня вопросами.

Иногда мне удавалось вставлять и свои вопросы типа:

— А чем же ваши женщины тогда занимаются, если столь чувствительны и пугливы?

— Многим, принцесса Лельвил. — Улыбка мягко коснулась его губ, но не глаз. — Часто их деятельность связана с наукой, искусством, преподаванием. Наши женщины, к тому же, прекрасные исследователи в различных областях... Они прекрасны и умны, но их нервная система настолько чувствительна к внешним раздражителям, что они нуждаются в нашем постоянном... в нашей заботе, защите их внутреннего психологического комфорта. Ну и естественно, какая-то из них иногда слишком, хм-м-м, чувствительна.

— А ваши женщины не такие? Чем они отличаются? — тут же включился в разговор Сваро, отвлекая меня от нового вопроса о Доргаре.

— В княжестве равноправие полов, и это касается и обязанностей, и ответственности, и возможностей, командор. Наши женщины, так же как и мужчины, служат в армии, работают в сфере безопасности, в различных официальных ведомствах. Да везде. И конечно же занимаются искусством, наукой и другим. Единственное, для девушек в надири ограничен список должностей, связанных с внешними связями, торговлей... Они практически не покидают планету до замужества. Это закон, и пока противников его не нашлось.

— Очень занятный предмет — это ваше надири. Можно ли на него взглянуть... в действии.

Я бросила вопросительный взгляд на мужа, который все это время внимательно слушал нас, поигрывая кончиком моей косы под столом, словно большой хантарский котэ, но меня это скорее умиляло, чем настораживало. Как только Эриас поймал мой неуверенный взгляд, чуть подался ко мне:

— Если тебе не трудно, Лель...

Я пожала плечами и активировала надири. С мысленной усмешкой наблюдала за тем, с каким жадным, слегка восторженным любопытством они следят за тем, как надири расплзается по моему телу, обволакивая его, несмотря на одежду, вернее под ней.

— Хм, интересно, его можно даже как защиту использовать, я правильно понимаю?

Я кивнула, но решила пояснить:

— Надири настроено на каждую женщину индивидуально. Оно программируется, и его надевают с шестилетнего возраста. На базе этой технологии разработаны некоторые наши защитные костюмы как для выхода в космос, так и использования на планете. И мне несказанно жаль, что наш 'Крусон' не был укомплектован ими для дополнительной защиты... Трагического исхода обычной развлекательной поездки никто не предполагал, защищались от космических угроз, а не от тварей на затрапезной планете... Мы впервые столкнулись со столь агрессивной и опасной жизнью.

Я с трудом сдержала слезы злости и чувство невосполнимой потери. Столько погибло карьерцев... А мужчины с видимым сочувствием быстро сменили тему разговора.

Мы еще долго болтали вроде ни о чем, но у меня создалось стойкое ощущение, что Перш все досконально фиксирует в голове и словно заполняет пустые ячейки памяти, где хранится информация по Карияру. А я продолжала лавировать между его слишком настырными вопросами о политике или отношении к Империи Хантар. В политике я, конечно, далеко не дилетант, принадлежность к правящей семье обязывает, но с такими типами как Перш разговаривать на равных даже мне сложно, за время моего отсутствия на родине могло много чего произойти и раздавать обещания, не зная об истинном положении дел, было бы непрофессионально и опрометчиво. О небо, как же мне необходимо связаться с отцом. Именно по этим причинам я сослалась на усталость и всем своим видом продемонстрировала, что аудиенция окончена.

Но именно в этот момент встал вопрос о дальнейшем нашем маршруте следования. Мне бы, конечно, на Карияр попасть. А 'Дезетор' мало того, что в своем нынешнем состоянии не готов к такому перелету, но еще и судно военного ведомства другого государства, в итоге, появился насущный вопрос — что делать?

— Этот вопрос я уже решил с Военным Советом. Временно передам полномочия командора 'Дезетора' своему старшему помощнику Вазири. Мне разрешили сопровождать супругу на Карияр. На 'Реваге'. - сообщил Эриас. Его лицо стало мрачным, но он твердо смотрел на меня. Затем повернулся к Сваро и сказал: — Через час мы пристыкуемся к

'Реваге', подготовь нам каюту. И для телохранителей принцессы тоже. Висеть здесь дольше — только имперцев дразнить.

Сваро улыбнулся скорее мне, чем другу и, коротко склонив голову, произнес:

— Буду счастлив видеть вас вновь, принцесса, — потом, нагло посмотрев на Эриаса, ехидно добавил, — ну и ты заходи, если что...

Мы с Першем, отметив потемневшее лицо Танга и сардоническую улыбочку Сваро, засмеялись, и он пояснил:

— Знаете, сiera Лельвил, об этих бывших однокурсниках и заклятых друзьях ходит множество веселых историй и шуток. Но несмотря на их внешнюю язвительность, я слышал, они лучшие и преданные друзья.

— Слухи абсолютно достоверны, аттаре. — Танг криво улыбнулся, сверля глазами этого 'заклятого друга', который закатил плутоватые глаза.

— Дружище Эриас, я помню, что запасных рук и глаз у меня нет, так что буду держать себя в руках...

Теперь глаза моего мужа превратились в синие щелки, но кажется, он расслабился. Зато глаза Перша впервые потеплели и улыбались, хоть лицо и оставалось бесстрастным.

Попрощавшись с гостями, мы отправились собираться, но предварительно я попрощалась с экипажем 'Дезетора' и предупредила Асиандра и Трила о том, что мы в компании с командором Тангом переезжаем на 'Ревагу' и летим на Карияр. И самое главное, попросила Эриаса об одолжении. И он, нахмурившись, но при этом ничего не сказав, согласно кивнул.

— Ты знал о цели полета? — коротко спросила Танга уже в каюте.

— Да, — глядя мне в глаза, — надеюсь, ты понимаешь — я не имел права сказать об этом, пока сегодня все не решилось.

— Да, конечно, мне ли об этом не знать.

— Лель, хочу предупредить тебя, Перш связывался с Доргаром и Карияром, и княжеская семья уже знает о твоём спасении, но о нас с тобой им не сообщали. Только о том, что ты и два телохранителя живы, и скоро вы будете дома.

— Спасибо.

— За что?

— За все, за то что ничего не сказал про пояс, ведь ты очень рисковал, но доверился мне, пошел навстречу.

— Положим, не так уж рисковал. Я подозреваю, что в этом поясе может быть, это не так уж сложно, если сложить всю информацию и сделать выводы. — Да, и что тут скажешь! Осталось только согласно кивнуть. — Но мы договорились, что это будет твоей тайной. А мне остается только благодарить судьбу и звезды за встречу с тобой.

— Ничего не изменилось, я ни за что не откажусь от тебя, — улыбнулась и с небольшой ехидцей добавила, — и не надейся.

Мы потянулись друг к другу, но нас в который раз прервали.

— Командор Танг, соединение с резиденцией Рандованс планеты Карияр установлено. Искомый собеседник найден и ожидает на прямой связи. Соединить?

Эриас посмотрел на меня, я кивнула, но тихо попросила:

— Эриас... посиди здесь, не уходи. Но не вмешивайся, пожалуйста.

Мрачное выражение лица тут же испарилось, сменившись вниманием и сочувствием. Он уселся на кровати, а я устроилась лицом к нему в кресле, когда он подтвердил

соединение, и каюту разрезал голубой экран.

Я почти задохнулась от радости, наконец увидев отца. В его темных волосах появились седые пряди, а ведь до нашего отъезда их не было заметно. Стало больно за него, ведь я представляю, что он пережил за время нашего отсутствия, и до сих пор неизвестно, было ли отправлено с 'Крусона' сообщение о бедствии на Карияр. Во всяком случае, пока мы падали, Хорес говорил, что это было невозможно.

При взгляде на меня его глаза радостно вспыхнули, но отметив мое открытое лицо, резко потемнел и впился взглядом.

— Здравствуй, отец!

— Здравствуй, Лельвил! Потрудись объяснить, почему вы не выходили на связь, а главное, почему твое лицо не скрыто надири...

Глаза непроизвольно наполнились слезами, но, собравшись с силами, я рассказала обо всем:

— Отец, торговые переговоры прошли успешно, мы покинули Тарт с грузом, взяв курс на Карияр. — Я намеренно опустила подробности, назвав перпили грузом. О миссии говорить подробно не стоило.

Он молча слушал, а когда узнал о катастрофе 'Крусона' и смерти Лиси, прямо на глазах еще больше постарел. Сердце обливало кровью, глядя на него. Затем рассказала о том, как нам троим удалось спастись, и о своем брачном союзе, и закончила сообщением о том, что мы направляемся на Карияр вместе с представителем для проведения переговоров. Он помолчал минуту. Затем хрипло прошептал, подавшись вперед:

— Прости меня, доченька. Прости меня, родная моя, за то что подверг ваши жизни опасности. Я думал о другой опасности и совсем не подумал о подобном... Не предполагал... А теперь Лиси нет, а ты в руках доргаров... Мне плевать на все, Лель, и на честь тоже плевать... Я так люблю тебя, доченька... Мы аннулируем твой брачный союз. Он был вынужденным, я знаю, тебя принудили. Цветочек мой, я больше не позволю подвергать тебя опасности. Тебе не придется бояться чего-либо. Мама с ума сойдет, если и с тобой что-то случится...

Заметила, как потемнело лицо Танга, как сжались его кулаки, натягивая кожу, — он готов взорваться. Этого допустить я не могу.

— Папа, послушай меня, брак осознанный и добровольный, я люблю Эриаса. Я люблю его так сильно, что если ты расторгнешь по какой-либо причине наш брак, сама сойду с ума. Ты поймешь меня, когда познакомишься с ним. Он умный, сильный, смелый, самый лучший. В глазах нашего народа он прикроет мою слабость своим бесстрашием. Что-либо изменить в своем браке я никому не позволю. — я говорила это твердо, уверенно и убежденно. Отец это понял.

— Ты изменилась, Лель. Это отметит каждый. Стала увереннее, смелее...

— Благодаря Эриасу, папа! Он меня изменил, заставил поверить в себя и свои силы. Рядом с ним я храбрая и почти ничего не боюсь. Ты увидишь сам какой он. Я уверена, что вы поладите, найдете общий язык.

— Я постараюсь ради тебя, Лель. Только возвращайся скорее, а то мы... мне... я должен увидеть тебя. Обнять свою малышку.

— Я люблю тебя, пап. И скоро буду, с грузом и контрактом. Аттаре Перш решительно настроен заключить союз с Карияром на паритетных началах. Будьте готовы... — я ухмыльнулась, глядя папе в глаза, а его ответный понимающий взгляд позволил расслабиться

и, наконец, успокоиться. Теперь все будет хорошо.

— Мы ждем вас, дочь.

Связь прервалась, а я глубоко вздохнула и решилась посмотреть на мужа. Его глаза горели, а кожа натянулась на скулах, как будто он сильно сжимал челюсти. Поднялся единым плавным движением и, не отпуская моего взгляда, медленно приближался. Я тоже, волнуясь, встала, следя за своим собственным, но как оказалось, неприрученным хищником. Молча сверлили друг друга взглядами, стоя вплотную, и мой голубой буквально поглотил его темно-синий, сейчас почти черный.

— Я никогда тебя не отпущу... И никому не позволю забрать, Лель. — он сказал с нажимом и строго смотрел мне в глаза. — Я хочу, чтобы ты знала это... и смирилась... и приняла как данность.

Хмыкнув, расслабилась. Если дело только в этом, то бояться нечего.

— Ты плохо меня слушал, Эриас?! Я люблю тебя и счастлива с тобой. Но ты все время пытаешься запугать меня! Думаю, что неосознанно. Теперь я могу понять, почему ваши чрезвычайно впечатлительные и чувствительные доргарки с тобой долго не выдерживают. Потому что тебе явно не хватало меня, истинной кариярки.

Его черные брови чуть взлетели, а глаза блеснули. Большие руки сомкнулись за моей спиной на талии, прижав, а я чуть отстранилась, чтобы видеть его лицо и настойчиво произнесла, упершись пальцем в грудь Эриаса и слегка проскребывая:

— Мне нужна твоя уверенность, Эриас. Особенно во мне! Мне это жизненно необходимо, чтобы быть счастливой и спокойной в нашем, я надеюсь, светлом будущем. Я люблю тебя и клянусь — буду хранить верность, пока мы живы. Буду рядом всегда, но пообещай доверять мне! Верить в меня так же безоговорочно, как я верю в тебя. Доверяю!

— Ты, правда, веришь мне полностью?

— Я доверила тебе пояс, а он очень значим для моего мира, фактически моя честь...

— Значит, я обещаю тебе доверять. Полностью и всегда.

Обещание мы скрепили долгим поцелуем, и лишь зная, что нас ждут уже два корабля, оторвались друг от друга и поторопились отправиться на 'Ревагу'.

Наслаждаясь всеобщим вниманием, я шла, гордо подняв голову и мертвой хваткой вцепившись в локоть Эриаса, а все потому что гордилась именно им. Неловко сказать, но я так долго мечтала, чтобы народ Карияра оценил мои достоинства, мои способности, внешность, в конце концов, а сейчас в компании Сваро, аттаре Перша и своего мужа, в сопровождении Трила с Асиандром и охраны доргаров испытываю ни с чем несравнимое удовлетворение, гордость и, конечно же, радость, ведь я вернулась на родину и скоро увижу своих родных. Особенно когда окружающие удивленно смотрят на меня, узнавая семейные черты Рандованс, и до них постепенно доходит кто я такая, хоть и весь космопорт в курсе прибытия младшей принцессы, а потом их взгляды упираются в Эриаса, и глаза вспыхивают пониманием и восторженным любопытством.

Еще бы, мой муж — огромный, мужественный, сильный и с таким суровым видом идет рядом, что сразу видно — на завтрак обшивку своего корабля употребляет. И я только что не лопалась от распирающих чувств. Вот он — мой счастливый день, триумфальное возвращение домой, правда, омраченное гибелью сестры и всего экипажа.

Первыми нас встретили Вацлав с Сареной — командором его личного космического корабля пограничного контроля. Мои братья-двойняшки — копии нашего отца, только волосы нам всем достались мамины, ярко-золотистые и вьющиеся. А редкое сочетание темных глаз и блондинистых шевелюр смотрится очень эффектно. Как же я скучала по ним. До официальных приветствий успела неформально кивнуть Сарене, отметив с каким горячим любопытством ее карие лучистые глаза сквозь щелочки надири разглядывают Сваро. По двум другим мужчинам она лишь мельком пробежалась взглядом, особенно после того как заметила мою руку на локте Эриаса. На девушке отлично сидит форма пограничников, а надири только добавляет ей загадочности. По крайней мере, мои спутники с большим любопытством задержали свои взгляды на ней, особенно Сваро.

Перш, как и положено, тут же переключил внимание на Вацлава, второго наследника трона, и началась чисто протокольная процедура приветствия, после которой брат предупредил:

— Я надеюсь, вы простите нашу неучтивость, но все переговоры мы отложим на два дня. Сегодня в резиденции объявлен траур по погибшим кариярцам, в числе которых наследница престола. Мы ожидали лишь прибытия всех членов княжеской семьи. Еще раз приносим извинения, аттаре Перш, командор Сваро, вас проводит мой командор Сарена Исваль.

— Женщина... командор? — Сваро не сдержался, удивленно воскликнув.

Вацлав, смерив его взглядом холодных карих глаз, которые так похожи на папины, только согласно кивнул. Затем бросил быстрый взгляд на женщину. Намек был понят, и Сарена жестом пригласила гостей следовать за ней. В этот же момент Вацлав еще раз протянул руку Эриасу, рука которого слегка сжала мою, доргары даже замерли на мгновение, но тут же продолжили путь.

— Приветствую, нового члена нашей семьи и рад, несмотря на обстоятельства... нашему знакомству, и бесконечно благодарен, что вы спасли нашу Лель.

— Мою Лель! Теперь уже мою Лельвил!

Потемневший взгляд Танга негатива не выражал, но настойчиво рекомендовал учесть

его замечание. И Вацлав это оценил и принял к сведению. Аси с Трилом улыбались лишь глазами, наблюдая за ними.

Эриас с видимым напряжением размотал мой столь драгоценный пояс со своей руки и передал его брату.

— Пояс принадлежит вашей семье. Моя жена тащила его на себе сквозь болото, карабкалась с ним на горное плато, все время отбиваясь от смертельно опасных тварей. В той бойне погибли все, кроме нее и телохранителей. Даже ваша старшая сестра, принц... Моя Лельвил с честью выполнила свой долг, и сейчас я передаю ЭТО вам, причем даже не зная что это.

Вацлав с серьезным, потемневшим лицом подхватил пояс, чуть не уронив, охнул — не ожидал, что тот настолько тяжелый. Но Эриас помог ему поймать. Вацлав держал его в руках, о чем-то размышляя, быть может сейчас представлял всю цепочку трагических событий... соотносил со мной, зная мой характер. Эриас продолжил, не повышая голоса, но весьма уверенно и твердо предупредив:

— Если хоть один из ваших гостей, приближенных... любой... оскорбит мою жену сомнениями в ее смелости, я немедленно вызову его на дуэль. На смерть!

— Я тоже, сьер Вацлав!

— И я тоже.

Вацлав, прищурившись, уставился на моих телохранителей. И очень пристально задержал взгляд на Триле, но тот ответил не менее жестким и твердым взглядом. Потом сжал пояс в руке, словно опять взвешивая, ощущая сколько жизней унес этот груз, и уверенным голосом произнес, заглядывая уже мне в глаза:

— И я тоже, Лель. Вызову любого, кто посмеет тебя обидеть, но я и раньше к этому был готов. Моя любимая сестренка.

Шагнул ко мне, сделав разделяющие нас пару шагов, свободной рукой отстранил от Эриаса и крепко прижал к себе, зарываясь носом в мою макушку. Муж чуть заметно дернулся, но стоял молча.

Мы впятером разместились во флаере княжеской семьи и взмыли вверх. Навстречу вечным соперникам — Саурсу и Сарану, которые серебристыми и золотыми бликами пробежались по блестящему корпусу флаера, заглянули в кабину, скользнув по лицу. Их ласковый теплый свет словно приветствовал меня на планете. Я дома! Но тут же трепыхнулась другая мысль: 'Теперь у меня другой дом... нет, у меня целых два дома'. И уже хочется взглянуть на новый. Как-то со всеми этими треволнениями, переживаниями и заботами некогда было спросить Эриаса, как тот выглядит.

Печально, что тело Лисианы не упокоено в семейном склепе. Самое главное, мы будем помнить о ней. Мне пришлось подробно рассказать обо всех обстоятельствах ее гибели и событиях, что предшествовали ей, о нашей ссоре я умолчала. Незачем ворошить прошлое и причинять родителям дополнительную боль, я оставила ее себе. Время все лечит. Семья Рандованс, а также представители наиболее влиятельных семейств собрались в главном зале резиденции на ужин, чтобы почтить память старшей принцессы. И этот ужин прошел в тягостном молчании. Согласно традициям. Танг присутствовал на нем вместе со мной, и его как, впрочем, и меня изучали сотни любопытных глаз.

Мы с мужем остановились в моих апартаментах, которые подготовили для нас обоих, и за это очень благодарна родителям. Сегодня прошло лишь короткое официальное представление моего мужа родным. Завтра все изменится, опять же, согласно традициям,

долго предаваться скорби — слабость, потому что надо иметь силы продолжать жить дальше как раньше. Или еще лучше, по крайней мере, ради памяти усопших постараться, чтобы не тревожить их души скорбью.

Вечером в мои покои нас провожали родители, хоть и нарушили этим самым традиции. Папа, как и полдня до этого, сверлил Эриаса пристальным взглядом, словно пытаясь влезть ему в голову, но тем не менее, своим поведением сегодня, особенно взглядами дал понять всем и каждому, что Эриас принят семьей. Мама крепко обняла меня в гостиной, и я почувствовала, как слезы текут по ее щеке. Тоже обняла ее и благодарно, успокаивающе погладила по спине. Она, не стесняясь, обняла и Эриаса, заставив расслабиться, и даже с его лица растаяла маска непроницаемости, которую я неизменно наблюдала весь вечер. Мама всхлипнула и прошептала, заглядывая ему в глаза:

— Ты только береги ее, Эриас. Она такая уязвимая...

— Не волнуйтесь... княгиня Лайтирис, я за нее любому глотку перегрызу... э-э-э, простите за грубость, я хотел сказать никому в обиду не дам...

— Не волнуйся, сынок, мы тебя поняли и теперь действительно спокойны за судьбу нашей дочери.

Глаза отца тоже потеплели от высказанного явно угрожающим вначале голосом обещания, а потом, заметив как он стушевался, усмехнулся. Поэтому уже так по-семейному обратился к Тангу и успокоил. Зато я, наверное, светилась от счастья. Папа так только в самом благодушном настроении двойняшек называл, когда они проявляли себя как настоящие мужчины.

Выходит, признал его. Принял наш брак.

Попрощавшись с родителями, мы прошли в спальню. Танг еще днем, пока я общалась с семьей наедине, обследовал мои апартаменты, изучая мое личное пространство — вещи, книги. Знакомился со мной ближе через них.

— Лель, я хочу тебя!

— Прости, любимый, но сегодня нельзя. Именно сегодня... мы все с Лиси. — Поникла, зная что и сама его хочу, но традиции и дань уважения...

— Я понимаю... моя золотая девочка.

Этой ночью, засыпая в объятиях мужа, впервые полностью расслабилась. Уверена, он тоже спал как и я, без сновидений. Уже уплывая в сон, прошептала мужу:

— Передай Сваро, что прежде чем ухлестывать за Сареной, пусть сначала на ее родителей посмотрит... Если ему все-таки важна ее внешность!

Доргар встретил нас дождем и прохладой. Я с огромным интересом наблюдала из окна пассажирского скаэра, низко летевшего над военным космопортом до распределителя, где нам полагалось зарегистрироваться по прибытии, и особенно это касалось меня. Первое впечатление от увиденного — темный цвет поверхности планеты и режущий взгляд яркий свет красной звезды Доргара Анониса, клонящейся к закату. Огромная, закрывающая полнеба звезда, даже уйдя за горизонт, оставила видной свою корону. Пройдя процедуру регистрации, благо Перш позаботился, чтобы ее ускорили и сократили до минимума, мы снова взмыли в небо уже на флаере и полетели к дому. К моему новому дому, а я во все глаза рассматривала эту незнакомую планету. Как оказалось, Доргар — планета без морей и океанов... на поверхности. Несколько десятков морей располагались под поверхностью и, как пообещал Эриас, мы к ним обязательно съездим, там даже своеобразные пляжи оборудованы, которые пользуются популярностью у жителей.

Однако на поверхности протекают и несколько крупных рек, над одной из них мы пролетали сейчас, и я в восторге смотрела, как она полноводной широкой лентой, срываясь с огромной скалы, падает вниз, образуя невероятных размеров водоворот, уходя под землю.

Деревьев на Доргаре тоже нет, но зато он весь покрыт растительностью. Невысокие растения образовывали единый живой покров, который простирается повсюду, оплетая любую искусственную поверхность, включая здания, и колышется на ветру. Словно ленивая волна в океане то вздымается вверх, то проваливается вниз, опадая. Один сплошной темно-зеленый океан, посреди которого довольно часто одинокими странниками выделяются фиолетовые трилистники Доргара. Тонкие, длинные, увенчанные тремя узкими и на первый взгляд острыми лепестками. Но Эриас сказал, что они чрезвычайно мягкие, нежные и очень полезные. Поэтому их изображение есть на гербе Доргара, как и красный лик Анониса. Невероятно захватывающее зрелище — этот Доргар. Теперь мой дом.

Я проснулась слишком рано, интересно, а в каком режиме живут здесь? Весь прошлый вечер бродила по большому дому Эриаса, знакомясь с ним, привыкая и впитывая его ауру, делясь с ним своей. Касаясь поверхностей и вдыхая чудный аромат ночи. Вчера мы были только вдвоем. Муж отложил визит родителей на следующий день, сказав, что наконец-то только со мной и после ужина долго и нежно ласкал меня, даря ощущение покоя, неги и любви. Какое счастье просыпаться рядом, ощущая надежную теплую руку на своем теле. Повернувшись к нему лицом, решила полежать и полюбоваться потемневшим за ночь от щетины лицом. Такое родное, любимое и необычно спокойное лицо Эриаса. Кончиками пальцев пробежалась по нему, обводя его контуры, проследив границы рта, и тут же вскрикнула от неожиданности, когда его губы резко обхватили мои пальцы.

— Моя золотая девочка изучает? Или уже соскучилась?

— Да-а-а...

Потянулась к нему, освобождая пальцы из плена губ. Легко коснулась их своими, игриво лизнув. Легла поверх него, и косы упали вдоль его тела, обозначая золотые дорожки. Эриас погладил одну, а потом, мягко обхватив меня под мышки, резко перекатился. Я оказалась под ним. Желание, предвкушение и томление захватили меня врасплох своей остротой и силой.

— Я люблю тебя, Эриас. Так сильно, что сойду с ума... если ты сейчас не сделаешь хоть

что-нибудь... как можно быстрее.

Он довольно рассмеялся, при этом плавно входя в уже готовую и жаждущую его вторжения меня.

Вибрация от его смеха только усилила мои ощущения, а потом ему самому стало не до смеха. Мы оба сошли с ума, резкими толчками стремясь как можно теснее и глубже соединиться. Слиться в одно целое. Стать одним целым. Оставив разговоры на потом.

После настолько потрясающего первого утра на Доргаре я, лениво попивая какой-то местный горячий напиток, с чашкой в руке вышла на террасу, которая одной стороной выходила в город. И замерла от восторга.

Город, раскинувшийся внизу, буквально в трех этажах под нами, поражал своими видами. Я уже в курсе, что все здания на Доргаре не превышали пяти этажей над поверхностью, уходя вглубь, под землю. Сейчас же я смотрела на узкую улочку внизу, между вереницей домов, которые все как один темно-зеленого цвета. Улицы, тротуары, стены домов увиты зеленым пологом из растений. То тут, то там вспыхивали островки разноцветных, невероятных по колориту и яркости цветов самых разных размеров и форм. Я еще вечером поняла, что здесь по поверхности все передвигаются либо пешком, либо на флаерах, и на каждом доме имеются люминисцентные разметки — посадочные площадки для леталок. Основной же транспорт — подземный.

Но более всего заинтересовали доргары, которые сейчас прогуливались или спешили по делам, проходя по улочкам. Чопорные, одетые чаще в темные одежды мужчины, которые чинно кивали друг другу или учтиво кланялись дамам, приветствуя их мягкими улыбками. Зато женщины — это нечто.

Яркие райские птички, как отозвался о них Сваро, и это самое верное определение. Столько стилей, различных видов одежды и совершенно невероятного их смешения я даже не представляла. Словно каждая из женщин старалась перещеголять другую по яркости, вычурности или элегантности. Красиво, но слишком рябит в глазах и путает мысли.

— Ну и как тебе, любимая? — родные руки мужа сомкнулись у меня под грудью, прижимая к крепкому телу и заставляя привычно задохнуться от удовольствия и невыразимого счастья... обладания им.

— Ярко! — смогла лишь выдать из себя.

— Привыкнешь... со временем. — убежденно добавил он, хмыкнув.

— Придется! — промычала неуверенно и затем счастливо добавила, — куда я денусь?!

Эпилог

Пять лет спустя.

Низ живота неприятно тянуло. Мы с Эриасом прохаживались по малому бальному залу Высшего Совета Республики. Сегодня Доргар в очередной раз празднует окончание войны с империей Хантар и заключение конфедеративного договора с Карияром. Я до сих пор восхищаюсь предприимчивостью своего брата Ронара, который сразу после нашего возвращения тайно отбыл в Хартор — столицу империи и, грубо говоря, соблазнил молодую императрицу. В результате императрица разрешилась от бремени золотоволосым мальчиком с характерными чертами князей Рандованс, в отличие от мелкого, брюнетистого венценосного мужа. Для меня остается загадкой, было ли сие основной целью Ронара или стечением обстоятельств, но и слишком удивляться не стала, а тем более интересоваться.

Главный советник императора, а по совместительству отец императрицы, быстро оценил все последствия и преимущества — дочь свою он все же любил... наверное. Но в

итоге, император буквально на следующий день, после того как народу сообщили о рождении юного наследника престола, не смог проснуться, оставив молодую жену вдовой. Уже через несколько месяцев состоялся брачный союз между первым наследником Карияра Ронаром и вдовой императора.

Ронар жестко навел порядок во вверенных ему территориях, заключил мир с Доргаром и официально с Карияром. Выиграл эту войну, не пролив крови. Эриас только диву давался размаху деятельности моей семьи и надеялся, что эта черта достанется и нашим детям по наследству. Теперь Ронар — император Хантара без права на трон Карияра. Я — вторая наследница на трон, а Вацлав — первый. Когда через три года у императорской четы родился второй наследник, как две капли воды похожий на первого, народ зубоскалить не стал. Нашей семье, с пристальным вниманием следившей за развитием ситуации, даже показалось, что империя вздохнула с облегчением, видимо посчитав кровь князей Рандованс гораздо чище и свежей, чем старого императора.

Мои родители продолжали достойно княжить и бурно радовались каждому новому Рандовансу, балуя их и пестуя из них настоящих мужчин. За эти пять лет пока не родилось ни одной девочки. Мои мысли снова прервала тягучая боль внизу живота. Родные большие руки мужа чуть крепче сомкнулись у меня на талии.

— Что-то не так, Лель? Устала? Отдохнешь?

Я лишь помотала головой, потому что в этот момент в зал вплыла странная дама с надири на голове. Сверху вроде кариярка, но полураздетое довольно привлекательное тело выдавало в ней доргарку. Оригиналка, однако! Я закатила глаза и насмешливо, с толикой раздражения выдохнула, обращаясь к мужу:

— Клянусь звездами, но доргарки ни перед чем не остановятся. Они уже и до надири добрались в своем ненормальном стремлении друг друга перещеголять....

— В этом ты абсолютно права, девочка моя! — мягкий грудной голос свекрови вызвал радость и улыбку у меня на лице.

С родителями мужа мне повезло несказанно. Муж, как выяснилось, — копия своего отца, и у нас с Румией Танг характеры оказались схожи и общий интерес — кулинария. Недолго думая, мы открыли свой ресторан. За пять лет он стал известен на всю планету, не только изысканными блюдами и утонченным интерьером, но и как модный светский салон. Румия поцеловала сына, затем меня, мельком, с невыразимым теплом и радостью коснувшись моего очень сильно выпирающего живота. Почувствовав толчок, воркующее произнесла, счастливо улыбаясь:

— Вот, еще один бандит просится наружу. Ему там надоело ничего не делать, и он явно хочет присоединиться к старшему брату.

Я сначала улыбнулась шутке свекрови, а потом мы оба в тревоге переглянулись с мужем, одновременно выдохнув:

— А где Захарий?

В этот момент сверху раздался радостный вопль нашего четырехлетнего сына:

— Пап, мам, смотрите. Я уже не боюсь высоты... я справился со своим страхом, как мне дедушка велел... Ловите!

Этот мелкий поганец добрался по навесной балке до огромной, скорее декоративной люстры и под общий испуганный 'ох' ласточкой полетел вниз. Эриас в два шага преодолел расстояние до люстры и очень вовремя поймал сына.

Облегченно перевела дух, огляделась по сторонам в поисках местечка, куда бы прилечь

в обморок, но заметив половину присутствующих на этом мероприятии женщин в обмороке, а вторую — готовящихся как и я в него отправиться, предварительно подыскав удобное местечко, мысленно плюнула, собралась с силами и раздраженно выдавила:

— Черную дыру им под ноги... Как они носятся со своей чувствительностью! — при этом выразительно посмотрев на свою побледневшую, но еще держащуюся свекровь, в надежде, что она не примкнет к обморочным дамам и проявит выдержку из солидарности со мной.

Восхищенное лицо Румии стало мне долгожданным бальзамом на душу. Да, я теперь не трус и ничего не боюсь... Почти! Наверное! Ну хотя бы в сравнении с местными.

К нам подошел Эриас с Захаркой на руках, который весь светился счастьем, от чего у меня в груди все расцвело.

— Мама, ты видела, да? Я поборол свой страх.

— За это представление ты наказан, Захарий. Неделю без сладкого, понял! — строго сказала я, при этом поглаживая свой расшалившийся живот. Наверное, младший брат старшему одобрение выражает, в отличие от мамочки.

— Мама, но ведь я боролся со своими страхами... — удивленно округлились синие глазенки сына.

— Хорошо, сокращаю до одного дня. — В очередной раз пошла на уступки, устало улыбнувшись.

— Но если ты еще раз выкинешь нечто подобное, то уже я вмешаюсь. — Раздался гневный голос Эриаса. Он строго посмотрел на сына и добавил: — Сидеть неделю не сможешь.

Личико Захарки забавно скривилось, но полученное удовольствие все перевесило. Он, извиваясь, слез с рук отца и рванул к группе поджидающих его сверстников — детей всех приглашенных на этот бал. Традиция доргаров. Дети — это будущее планеты и главное достояние.

Но стоило ему отбежать подальше, как я прошипела мужу:

— Если и второй таким же будет, ты сам неделю сидеть не сможешь.

Эриас захохотал, прижимая меня к себе и целуя в ухо, а Румия потрепала по руке, тоже довольно улыбаясь. Потом он хрипло выдал, заставив меня покраснеть:

— Какая интересная мысль тебе в голову пришла, я согласен ее опробовать...

Сильные схватки прервали его томную речь. Началась суeta и через несколько часов на свет родился второй постреленок в семье Танг-Рандаванс. А еще через несколько лет — девочка. Наш старший сын вырос и стал главным советником моего племянника, сына Вацлава и будущего Князя Рандаванс. Его неоценимый вклад в организацию защиты Кариара будут помнить веками. Наш младший пошел по стопам отца и долгое время бороздил космос, защищая границы Доргара, а потом возглавил его Совет Безопасности. А наша дочь стала первой в истории Доргара женщиной, возглавившей Высший Совет, и бесценно занимала этот пост много лет. В отличие от меня, в ней главные качества любого карьерца были очень хорошо развиты.

Моя жизнь прошла в неге и счастье, потому что нашу любовь мы с Эриасом пронесли сквозь всю жизнь, постоянно заботясь и поддерживая друг друга. Мой муж переиграл природу и прожил гораздо дольше любого доргара, лишь бы умереть со мной в один день, проследив, чтобы ни один мужчина, кроме его сыновей, внуков и правнуков не коснулся его любимой жены. Любовь и верность иногда творят чудеса!

Пусть и вашу жизнь согреет большая и светлая любовь!

Больше книг на сайте - Knigolub.net